

M

65

196

ПЕРЕѢЗДЫ

ПО

ФИНЛЯНДИИ

ОТЪ ЛАДОЖСКАГО ОЗЕРА

ДО РѢКИ ТОРНЕО.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ЯКОВА ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ П. КРАШЕНИННИКОВА И КОМП.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 1846-го года Декабря 29-го дня.

Ценсоръ *И. Ивановскій.*

ВЪ ТИПОГРАФИИ КНИЖНАГО МАГАЗИНА П. КРАШЕНИННИКОВА И КОМП.

2007096450

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе	СТРАН. XI
-----------------------	--------------

Отдѣлъ I. Кексгольмъ, Сердоболь и Нейшлотъ.

1.

Кексгольмъ, 23-го Мая. Мѣстоположеніе — преданіе о происхожденіи Кексгольма — жители и городъ — крѣпость — шлотъ — семейство Пугачева — Безыменный — крестьяне изъ Салмиса — рыбная ловля — походъ древнихъ Новгородцевъ въ Нѣмецкую землю.	3
---	---

2.

Сердоболь, 26-го Мая. Кексгольмская дорога — нужда и зараза въ приходѣ Пюхьярви — поздній снѣгъ и соловьи — имѣніе Кроноборгъ — свѣдѣнія о Сердоболѣ — забавный счетъ — станція — Ладожское озеро — гостепріимные люди . .	11
--	----

3.

Нейшлотъ, 29-го Мая. Станція Рускеала — пустынные дороги — нравы крестьянъ — Нейшлотская крѣпость — Гунгерсбергъ — городъ — Сайма — вывозъ масла — островъ Свиного Хребта. .	18
--	----

Отдѣлъ II. Отъ Нейшлота до Куопіо.

4.

Станція Рандасало, 29-го Мая. Русская станція — церковь — духовное управленіе Финляндіи — двѣ епархіи — Домкапитулъ — епископъ — приходы — пастораты — пасторы и капланы — пробсты — доходы пасторовъ — пасторскіе адъюнкты — степень образованности духовнаго сословія — домашній бытъ пасторовъ 25

5.

Станція Хѣуриля, 29-го Мая. Жилище короннаго фохта — нужда въ Юройскомъ приходѣ — мѣры Правительства — права крестьянъ — водочные адвокаты. 35

6.

Станція Генрикснэсъ, 30-го Мая. Почтовая контора — заводъ Варкаусъ 37

7.

Куопіо, 2-го Іюня. Городъ — величайшій приходъ протестантскаго міра — дороговизна — промышленность — положеніе Куопіо — заведенія — газета Сайма и ея редакторъ 38

8.

Куопіо, 4-го Іюня. Илья Ивановичъ Ленротъ — слѣды войны въ Куопіо — Финская литература. 41

Отдѣлъ III. Отъ Куопіо до Торнео.

9.

Иденсальми, 6-го Іюня. Докторъ Фростерусъ — учительская вечеринка — переправа черезъ проливъ — геймать Палойсъ — дымокуры — не-

привычный свѣтъ — памятникъ князю Долгоруко-
му — воспоминаніе изъ Финляндской войны
1808-го года — анекдотъ о Кульневѣ — пріязнь
Русскихъ офицеровъ съ Финляндскими — воспоми-
наніе старухи 44

10.

Иденсальми, 6-го Іюня. Путь въ Улео-
боргъ — приготовленіе крестьянъ къ первому при-
чащенію 55

11.

Станція Кумпумяки, 7-го Іюня. Сходные
корни словъ Русскихъ и Финскихъ — трудности
Финскаго языка — Финская баня — парильщицы
и терщицы 57

12.

Станція Нйссиля, 7-го Іюня. Воспоминаніе
объ Императорѣ Александрѣ 63

13.

Домъ пастора въ Лѣминго, 8-го Іюня.
Обширное болото — добываніе смолы — смолевой
костеръ — анекдотъ о Густавѣ IV — сосновая ко-
ра — пища на станціяхъ — благосостояніе крестья-
нъ въ Сѣверной Финляндіи 65

14.

Домъ пастора въ Лѣминго, 9-го Іюня.
Докторъ Боргъ — богатство крестьянъ — пригото-
вленія къ празднику — экзамены прихожанамъ —
правы въ Лиминго — честность не вездѣ 71

15.

Улеоборгъ, 9-го Іюня. Дорога изъ Лимин-
го — обширныя луга — недостатокъ воды 74

16.

Станція Брусилла, 9-го Іюня. Содержаніе
станцій — Финская изба — станціи въ городахъ —
переправа черезъ рѣку Улео — изба перевозчика
— любовь къ чтенію 75

17.

Станція Вуорнось, 10-го Іюня. Крестьянки изъ Далекарліи — раздѣлъ ночлега — общество изъ Улеоборга 80

18.

Станція Кулью, 11-го Іюня. Рѣка Кеми — мѣсто ярмарки — три церкви — городъ Торнео — Хапаранда — переправа — церковь на островѣ — отъѣздъ на Авасаксу — ночное солнце 82

Отдѣлъ IV. Поездка къ горѣ Авасаксѣ и незаходящее солнце.

19.

Геймать Ханнуккала, въ Ивановъ день. Берега рѣки Торнео — крайніе пункты земледѣлія — роды деревьевъ — промышленность — опасная тележка — станція Юрва — пробсть Кастрень — наблюденія надъ солнцемъ — дорога къ Авасаксѣ — крестьянскій дворъ — дѣвочка изъ Хапаранды — семейство судьи 88

20.

Геймать Ханнуккала, въ Ивановъ день. Авасакса — разложенный огонь — промышленность на горѣ — анекдотъ объ Англичанинѣ — общество на Авасаксѣ — окрестный видъ — полуночное солнце — Шведскій магистръ — возвращеніе въ геймать 94

21.

Станція Хирстіѳ, 13-го Іюня. Лапландская дѣвочка — содержаніе оленей — черта жестокости — Лапландцы — польза оленя — Лапландскіе сани — рецепты доктора Л. — отъѣздъ изъ Ханнуккалы — обѣдъ у пробста Кастрёна — Берлинскій профессоръ — рыбная ловля — земле-

дѣліе — народъ — ярмарка — сношенія пограничныхъ жителей. 101

22.

Станція Хирстіѳъ, 13-го Іюня. Гора Луппавара — отъѣздъ отъ пастора — ужинъ на станціи — восхожденіе на Гуйтапери — астрономическая экспедиція 1736-го года — остатки подмостковъ — опять полуночное солнце. 109

Отдѣлъ V. Торнео и Улеоборгъ.

23.

Торнео, 14-го Іюня. Безкорыстіе народа — медвѣжій мѣхъ — извѣстіе о городѣ — успѣхи хлѣбопашества — климатъ — благосостояніе крестьянъ около Торнео — тесъ и дрова — Русскій приходъ — Хапаранда — характеристическіе товары — отъѣздъ 113

24.

Паппила (пасторскій домъ) Кемпи, 14-го Іюня. Вакантный пасторатъ — зажиточность крестьянъ — рыбная ловля — приходы Рованіеми и Кусамо — скотоводство на Сѣверѣ — цвѣтокъ 121

25.

Станція Биси въ Лѣмминго, 16-го Іюня. Инстамація пастора — обѣдъ и рѣчи — власть пасторовъ — недостатокъ лѣсу 124

26.

Улеоборгъ, 17-го Іюня. Содержаніе дорогъ — признакъ нравовъ — наружная физіономія города — торговый духъ — число кораблей — главные негоціанты — торговля — мѣстоположеніе — гостепріимство 127

27.

Улеоборгъ, 18-го Іюня. Прогулка на смольный дворъ — смолевая бочки — магазины — вы-

возъ смолы — смолевая лодка — промышленность
около Улеоборга — дегтярный заводъ — истори-
ческая шляпка 132

28.

Улеоборгъ, 19-го Іюня. Обѣдъ у губернато-
ра — прежній губернаторскій домъ — вышка у
взморья — рѣка Улео — пороги 136

29.

Улеоборгъ, 20-го Іюня. Неудачныя прогул-
ки — возвращеніе лодокъ вверхъ по порогамъ —
ловля хариусовъ — Англичане въ Финляндіи — ис-
торія вышки 139

30.

Улеоборгъ, 21-го Іюня. Судоходство черезъ
пороги — плата лоцманамъ — несчастные слу-
чай — церковь — Мессеніусъ — гостинница. . . 141

Отдѣлъ VI. Озеро Улео и городъ Каяна.

31.

Папила Мухось, 21-го Іюня. Дорога въ
Каяну — гора Кориламяки — бѣдность прихода —
рѣка Улео — посѣщеніе землемѣра — прогулка во-
дою — пороги 144

32.

Папила Сярясиemi, 24-го Іюня. Пере-
возъ смолевыхъ лодокъ гужемъ — песчаная доро-
га — двѣ капелмы — озеро Улео — состояніе наро-
да — ясновидящая — двѣ машины — виды ка-
плана 148

33.

Каяна, 25-го Іюня. Плаваніе по озеру Улео —
отправленіе экипажа — смолевая лодка — споръ
гребцовъ — перемѣна лодки — крестьянская пи-
ща — господствующія болѣзни — водопадъ
Эммя. 152

34.

Каяна, 26-го Іюня. Развалины замка — еще водопадъ — очеркъ города Каяны — уѣздъ его — трудность сообщенія — лѣсныя поселенія — Американскій Государь — странствованіе по лѣсамъ . 159

35.

Каяна, 27-го Іюня. Общество — мѣстоположеніе — водопадъ Койвукоски — плотники изъ Кронобу — Шведскіе приходы — пасторъ Т. — удивленіе Русскаго солдата — жизнь въ Каянѣ . . 163

36.

Каяна, 28-го Іюня. Пасторскій домъ — докторъ Ленротъ — знакомство Нѣмцевъ съ Финскимъ языкомъ — родители Ленрота — самоваръ — ярмарка въ Каянѣ — Русскіе торговцы — прогулка черезъ пороги 166

Отдѣлъ VII. Прогулка въ Пальдамо и воспоминаніе объ Императорѣ Александрѣ.

37.

Помѣстѣе Нюгордъ, 29-го Іюня. Государева конюшня — путешествіе Императора Александра — плаваніе Его по озеру Улео — пребываніе Государя въ Каянѣ — обратный путь по лѣсамъ и болотамъ — посѣщеніе Улеоборга и Торнео. 173

Отдѣлъ VIII. Возвращеніе въ Каяну и оттуда въ Гельсингфорсъ.

38.

Каяна, 2-го Іюля. Домъ Пальдамскаго пастора — прежнее мѣсто церкви — исторія Каяны — мѣсто заключенія Іоанна Мессениуса — черты изъ біографіи его — воспоминаніе о Францѣнѣ 203

39.

Каапа, 5-го Іюля. Пристань смолевыхъ лодокъ — перевозка бочекъ — вытаскиваніе лодокъ изъ воды — трагикомическая сцена — малая прибыль отъ смолеваго производства 212

40.

Иденсальми, 8-го Іюля. Государева дорога — почистъ Императора Александра, — въѣздъ нашъ въ Иденсальми — нищія — пасторскій дворъ въ субботу — Финскія качели — балъ у сельскаго чиновника — общая образованность — танцы . 216

41.

Станція Тохолахти, 11-го Іюля. Крестьянскій-портъ — отношеніе крестьянъ къ другимъ сословіямъ — степенъ грамотности — двѣ пѣсни содержателя станціи 222

42.

Гельзингфорсъ, 13-го Іюля. Прощаніе въ Тохолахти — городъ Ювяскюля — дорога оттуда въ Гельзингфорсъ 232

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почти четыре десятилѣтія протекло съ тѣхъ поръ, какъ Финляндія вошла въ составъ Русскаго Царства; но наше ближайшее знакомство съ нею завязалось только въ послѣднее время. Въ тридцатыхъ годахъ, благодаря новому пароходству, оживилось сообщеніе Петербурга съ берегами Балтійскаго моря; Русскіе начали посѣщать Гельсингфорсъ, особенно съ 1838-го, когда тамъ открылось заведеніе минеральныхъ водъ и купалень. Въ 1840-мъ году тамошній Университетъ праздновалъ блистательными торжествами юбилей своего двухсотлѣтняго существованія, и это событіе привлекло туда еще болѣе пріѣзжихъ, еще въ высшей степени обратило на край вниманіе Русскихъ. Имя Финляндіи стало чаще и чаще являться въ нашей Литтературѣ.

Около того-же времени и я въ первый разъ посѣтилъ эту страну. Съ тридцать седьмого года проведя тамъ три лѣта сряду, я въ сороковомъ сдѣлался посто-

линымъ жителемъ Гельсингфорса, откуда каждое лѣто предпринимаю поѣздки и во внутренность края. Съ самаго начала знакомства моего съ Финляндіею я тщательно изучалъ въ ней нравы, обычаи, литературу; необходимое для этого знаніе Шведскаго языка пріобрѣлъ я незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ. Все, что узнавалъ я новаго о краѣ столь любопытномъ, но мало извѣстномъ, казалось мнѣ заслуживающимъ общаго вниманіе, и съ 1839-го года представилъ я читателямъ Современника рядъ статей, относящихся къ Финляндіи,* а въ 1841-мъ напечаталъ исторію тамошняго Университета въ Альманахѣ, изданномъ мною въ память бывшаго въ Гельсингфорсѣ юбилея.

Нынѣ, самъ принадлежа къ ученому сословію Александровскаго Университета и безпрестанно находя случай распространять свои свѣдѣнія о Финляндіи, я бы счелъ себя виновнымъ предъ судомъ науки, еслибъ не продолжалъ сообщать публикѣ наблюденія свои касательно края, о которомъ у насъ господствуютъ самыя недостаточныя и невѣрныя понятія.

* Знакомство съ Рунебергомъ (томъ XIII, стр. 3); О природѣ Финляндской, о правахъ и образѣ жизни народа.... (XVII, 3); Гельсингфорсѣ (XVIII, 3); О Финнахъ и ихъ народной поэзіи (XIX, 3); Литературныя новости въ Финляндіи (XX, 24); Стрѣлки оленей, поэма Рунеберга (XXII, 1.—2 нумераціи); Надежда, поэма Рунеберга (XXIV, 49); Листки изъ Скандинавскаго міра (XXVIII, 29; XXIX, 84; XXX, 218; XXX, 332; XXXIII, 121); Кастрѣцъ и Лепротъ въ Русской Лапландіи (XXIX, 143); Воспоминанія о войнѣ 1808-го года и путешествіи Императора Александра по Финляндіи (XXXVII, 274); Ученая бесѣда въ Гельсингфорсѣ (XLII, 232).

Изъ всѣхъ частей Русской Имперіи, населенныхъ иноплемениыми народами, Финляндія представляетъ едва ли не самое занимательное зрѣлище. Политическая судьба искони дала развитію народа ея особенное направленіе. Вышедши изъ отдаленнаго Востока, этотъ народъ въ эпоху младенчества своего связанъ былъ тѣсными узами съ одною изъ просвѣщеннѣйшихъ Европейскихъ націй и отъ нея припять всѣ элементы Германскаго образованія, но въ той своеобразной формѣ, какую оно получило въ Скандинавскомъ племени. Не смотря на продолжительную зависимость отъ Швеціи, не смотря на заимствованіе оттуда религій, законовъ и нравовъ, Финны никогда не могли вполне слиться съ націею, столь чуждою имъ по происхожденію, языку и характеру. Никогда не бывъ порабощены произволомъ пришлыхъ дворянъ другаго поколѣнія — какъ было въ Остзейскихъ губерніяхъ — Финны въ значительной мѣрѣ сохранили свои первобытныя свойства и чистоту своего собственнаго языка. Особенно замѣчательнъ Финскій крестьянинъ въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ чрезмѣрная нужда или вообще неблагопріятныя вѣщныя обстоятельства не исказили его душевныхъ способностей: тамъ онъ часто является человекомъ набожнымъ, благородно чувствующимъ, здраво и даже тонко мыслящимъ, выражающимся умно и пріятно. Языкъ Финскій составляетъ для филолога явленіе драгоцѣнное и въ нѣкоторомъ смыслѣ единственное. На немъ есть богатая народная поэзія. Всѣ эти духовныя

сокровища Финновъ только въ новѣйшее время начали быть оцѣниваемы надлежащимъ образомъ. Присоединеніе отечества ихъ къ Россіи, возвращеніе ихъ, такъ сказать, въ нѣдра Востока, первоначальной колыбели ихъ, было въ этомъ отношеніи самымъ многозначущимъ событіемъ. Съ другой стороны уваженіе Финновъ къ закону и праву, приверженность къ престолу, мужество въ войнѣ испытаны вѣками и давно признаны сосѣдними народами. Русскіе, которыхъ Монархи, съ самой эпохи подчиненія Финляндіи скипетру Ихъ, считали ее достойною особенной благодати Своей, должны внимательно изучать такую страну и такую націю.

Предлагаемый трудъ состоитъ, по большей части, изъ свѣдѣній, собранныхъ мною на мѣстахъ, гдѣ проѣзжалъ я лѣтомъ въ 1845-мъ и въ 1846-мъ году. Путешествуя по областямъ Финляндіи, нѣкъмъ еще не описаннымъ, я вносилъ въ свои листки все, что считалъ любопытнымъ для образованнаго человѣка, желающаго пріобрѣсти вѣрное понятіе о незнакомомъ ему краѣ. Потому къ разсказу о томъ, что постепенно являлось мнѣ на пути, присоединялъ я историческія и статистическія подробности, слышанныя отъ достовѣрныхъ людей. Особенно дорожилъ я такими обстоятельствами, которыя, хотя и косвенно, указываютъ на нравы, на бытъ, на состояніе народа. Съ этою цѣлію не пренебрегалъ я иногда и самыми повидимому мелочными чертами, напримѣръ относящимися къ пищѣ. О самомъ себѣ говорю я только въ такихъ случаяхъ, ког-

да того требовала связь съ предметами, которые казались мнѣ стоящими общаго вниманія.

Почти весь первый отдѣлъ, касающійся Кексгольма, Сердоболя и Нейшлота, написанъ мною еще въ 1845-мъ году. Расказъ о самомъ ходѣ путешествія и о личныхъ моихъ впечатлѣнїяхъ тогда не входилъ въ планъ моихъ замѣтокъ. Тутъ помѣщены почти исключительно мѣстные свѣдѣнїя; они были дополнены мною въ нынѣшнемъ году при вторичномъ посѣщенїи тѣхъ-же городовъ, и потому выставленные въ заголовкахъ числа означаютъ время проѣзда во второй разъ.

Всѣ слѣдующіе отдѣлы, относящіеся по большей части къ мѣстамъ, гдѣ я прежде не бывалъ, написаны въ 1846-мъ году. Въ нихъ отдается отчетъ о самомъ путешествіи, предпринятомъ съ цѣлю взглянуть на незаходящее солнце; мѣстные-же свѣдѣнїя излагаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они накопились и были вносимы въ памятную книжку. Къ перемѣнѣ первоначальнаго плана особенно содѣйствовало то, что на пути отъ Куоліо до Торнео все было для меня ново, и впечатлѣнїя тѣмъ были живѣе, что Сѣверъ Финляндіи поражалъ меня совершенно неожиданнымъ зрѣлищемъ народнаго довольства и благосостоянїя. Къ тому-же на этомъ пути былъ у меня товарищъ, котораго сообщество придало поѣздкѣ моей совершенно новый интересъ. Я ѣхалъ съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей современной Литературы въ Финляндіи, съ докторомъ Ленротомъ (Lönnrot). Его присут-

ствіе было для меня источникомъ постояннаго наслажденія; его знаніямъ, опытности, дружественнымъ отношеніямъ по всему краю много обязанъ я пользою, которую могъ извлечь изъ своего путешествія. Съ неизмѣнною готовностію онъ разрѣшалъ всѣ мои вопросы, сообщалъ мнѣ всѣ нужныя объясненія, доставлялъ случаи видѣть все любопытное. Упоминаю о томъ съ благодарностію и съ полнымъ сознаніемъ того участія, какое принадлежитъ Ленроту въ моихъ дорожныхъ рассказахъ.

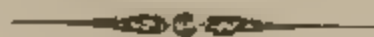
Для сбереженія времени, то, что я видѣлъ и слышалъ, было отмѣчаемо первоначально самымъ сокращеннымъ образомъ. Въ настоящій видъ эти бѣглыя замѣтки приведены частію въ Каяпѣ, гдѣ я дней десять жилъ у доктора Ленрота, частію дома, по возвращеніи въ Гельсингфорсъ. Но при этомъ окончательномъ трудѣ я старался, такъ сказать, только *дописывать* то, что было набросано въ пути, избѣгая всего принадлежащаго собственно къ работѣ кабинетной и неумѣстнаго въ дорожныхъ запискахъ. Дополненій изъ *книгъ* сдѣлано очень мало, да и тѣмъ по большей части дано мѣсто въ выноскахъ, а не въ самомъ текстѣ.

Исключеніе составляютъ двѣ статьи, которыя впрочемъ написаны мною на самыхъ мѣстахъ, куда онѣ относятся. Одна есть очеркъ біографіи стариннаго Шведскаго профессора и писателя, Мессеніуса, умершаго въ Финляндіи. Другая еще болѣе выходитъ изъ ряду остальныхъ рассказовъ. Въ 1819-мъ году Импе-

раторъ Александръ совершилъ по Сѣверной Финляндіи путешествіе, необычайное во многихъ отношеніяхъ и оставившее въ жителяхъ столь глубокое впечатлѣніе, что они какъ святыню хранятъ воспоминаніе о малѣйшихъ подробностяхъ проѣзда Государева. Бывъ нынѣ на тѣхъ же мѣстахъ, я не хотѣлъ упустить случая передать Русскимъ читателямъ эти драгоцѣнныя черты изъ жизни Александра Благословеннаго, неизвѣстныя большей части нашихъ соотечественниковъ. Таково главное содержаніе *Прогулки въ Пальдамо*, составляющей VII-ой отдѣлъ *Перевъздовъ*.

Постоянно имѣлъ я въ виду, что дневникъ мой долженъ, между прочимъ, служить указаніемъ тому, кто послѣ меня посѣтитъ тѣ же края, и безъ знанія языковъ Финскаго и Шведскаго, употребительныхъ въ Финляндіи, не легко найдетъ возможность удовлетворить своей любознательности. Съ этою-же мыслию, въ концѣ книги помѣщенъ маршрутъ, гдѣ означены какъ всѣ станціи, лежавшія на пути моемъ, такъ и разстоянія между ними; къ чему присоединены нѣкоторыя, хотя и неполныя замѣчанія со ссылками на текстъ.

Гельсингфорсъ,
въ Декабрѣ 1846.

ПЕРЕЪЗДЫ ПО ФИНЛЯНДІИ.

ОТДѢЛЪ I.

КЕКСГОЛЬМЪ, СЕРДОВОЛЬ и НЕЙШЛОТЪ.

1.

КЕКСГОЛЬМЪ, $\frac{23\text{-го Мая}}{4\text{-го Июня}}$ 1846.

Мѣстоположеніе — преданіе о происхожденіи Кексгольма — жители и городъ — крѣпость — шлотъ — семейство Пугачева — Безъименный — крестьяне изъ Салмиса — походъ дреснихъ Новгородцевъ въ Нѣмецкую землю.

Кексгольмъ стоитъ на островѣ посреди устьевъ стремительной Вокши или Воксы (Wuoksi), во многихъ мѣстахъ наполненной порогами. И здѣсь она съ шумомъ и пѣною течетъ по камнямъ. Нѣсколько ниже устроена черезъ широкій рукавъ этой рѣки переправа къ Выборгской дорогѣ. Когда основанъ

Кексгольмъ, въ точности не знаютъ; но онъ уже существовалъ при завоеваніи края Шведами въ 13-мъ столѣтіи.* Живущіе въ окрестностяхъ Финны до сихъ поръ называютъ его *linna* (т. е. крѣпостью), изъ чего видно, что Кексгольмъ съ незапамятныхъ временъ былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Одинъ изъ жителей города сообщилъ мнѣ, касательно происхожденія его, любопытное преданіе, слышанное имъ отъ девяносто-лѣтняго старика. Для отраженія Русскихъ и Шведовъ, Финны когда-то въ древности начали строить крѣпость выше по теченію Вокеы, на островѣ Тіурисѣ (гдѣ дѣйствительно видны остатки какихъ-то укрѣпленій); но предпріятіе не имѣло успѣха: возникавшія стѣны разрушались нѣсколько разъ, и наконецъ небесный голосъ объявилъ строителямъ, что дѣло ихъ богамъ не угодно и что они должны, изготовивъ лодку, плыть на ней внизъ по Вокеѣ до тѣхъ поръ, пока не услышатъ крика кукушки: на этомъ мѣстѣ должны они поселиться. Они исполнили велѣніе боговъ, и проливъ, гдѣ остановились они по возвѣщенному знаменію, названъ былъ *Käki-salmi*, проливомъ кукушки. Этотъ проливъ отдѣляетъ островъ, занимаемый самымъ городомъ, отъ

* По извѣстію лѣтописца, онъ въ 14-мъ столѣтіи былъ перестроенъ Новгородцами, которые въ 1310 году, «идоша въ рѣку Узьерву (Вокеу) и срубиша городъ на порозѣ новъ, ветхый сътавше.»

другаго, на которомъ находится крѣпость, — безъ сомнѣнія первоначальное селеніе, получившее одно названіе съ проливомъ. Еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ показывали передъ крѣпостію и дерево, гдѣ будто-бы сидѣла знаменитая кукушка. Шведское названіе города, *Kexholm*, очевидно передѣлано изъ Финскаго. Въ нашихъ лѣтописяхъ называется онъ *Корелою*, и живущіе здѣсь Русскіе до сихъ поръ знаютъ его подъ именемъ Корело-города, а коренныхъ жителей зовутъ Кореляками.

Въ Кексгольмѣ около 1200 обывателей, въ числѣ которыхъ много бѣдныхъ, содержимыхъ на счетъ города. Русская часть этого населенія состоитъ изъ нѣсколькихъ военныхъ, изъ купцовъ и работниковъ (каменьщиковъ, плотниковъ). Низенькіе, одно-этажные деревянныя домики, вдоль немощенныхъ, хотя отчасти и прямыхъ улицъ, не могутъ придавать городу особенно привлекательнаго вида.* Лучшіе изъ домовъ принадлежатъ Русскимъ купцамъ; всѣхъ лавокъ тринадцать.

Крѣпость — долгое время спорное владѣніе то Россіи, то Швеціи — состоитъ изъ нѣсколькихъ обновленныхъ строеній, занимаемыхъ инвалидною командою (до 300 человѣкъ), и окружена хорошо

* Кексгольмъ, какъ кажется, мало измѣнился съ того времени, какъ академикъ Озерецковскій посѣтилъ и описалъ его, а это было въ 1783 году! Сравни. *Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому* (С. П. Б. 1792), стр. 57 и слѣд.

сохранившимся валомъ, который теперь служить сѣнокосомъ.* Здѣшняя Русская церковь за ветхостію недавно оставлена. Въ ней, какъ говорятъ, есть образъ, который при уступкѣ города Шведамъ былъ зарытъ Русскими въ землю; а потомъ, черезъ 100 лѣтъ, при возвращеніи Кексгольма Россіи, опять выкопанъ. Нынѣ строится въ самомъ городѣ новая церковь.

Особое отдѣленіе крѣпости, такъ называемый *шлотъ*, (правильнѣе: *слотъ*), небольшое круглое зданіе съ башнею, занимаетъ третій островъ. Тутъ въ прежнее время содержались преступники. Теперь стѣны шлота до такой степени уже ветхи, что сами собою разрушаются. Въ такомъ положеніи и деревянный мостъ, соединяющій этотъ островъ съ крѣпостнымъ. Обращенныя къ мосту ворота, какъ шлота, такъ и крѣпости, обиты старинными Шведскими латами. Здѣсь заключено было семейство Пугачева, и еще лѣтъ 16 тому назадъ жили въ Кексгольмѣ двѣ дочери его. Онѣ пользовались свободою, не смѣя однако-жъ оставлять городского острова, и получали небольшую пенсію. Онѣ умерли въ глубокой старости. Въ началѣ царствованія Императора Александра сидѣлъ въ темномъ подвалѣ шлота какой-то преступникъ, котораго судьба для всѣхъ покрыта была совершенною тайною. Государь, въ 1803 году

* Доставляющимъ казнь до 200 руб. асс. въ годъ.

находясь въ Кексгольмѣ, посѣтилъ темницу и милостиво освѣдомлялся объ имени каждаго изъ заключенныхъ. Когда очередь дошла до таинственнаго узника, то онъ объявилъ, что не можетъ въ присутствіи другихъ сказать, кто онъ такой. Пробывъ съ нимъ нѣсколько минутъ наединѣ, Государь вышелъ отъ него со слезами на глазахъ и повелѣлъ выпустить несчастнаго, съ тѣмъ, чтобъ онъ оставался въ Кексгольмѣ. Онъ жилъ еще лѣтъ пятнадцать послѣ того, получалъ отъ казны содержаніе и извѣстенъ былъ въ городѣ подъ названіемъ *Безыменнаго*. Проведши въ заключеніи болѣе 30-ти лѣтъ, онъ по выходѣ изъ темницы долго не могъ привыкнуть къ свѣту и въ послѣдніе годы жизни совершенно ослѣпъ. Его любили жители, изъ которыхъ онъ ко многимъ часто хаживалъ.

Кексгольмъ лежитъ на ровномъ мѣстѣ и изъ самаго города не видно Ладожскаго Озера. До берега его отсюда версты полторы. Отправляясь туда черезъ широкое поле, увидѣлъ я приставшее къ этому берегу небольшое судно; оно пришло изъ Салмиса, послѣдняго Финляндскаго прихода къ Олопецкой графствѣ. Тамашніе жители, по большей части, Финны (Кореляки), исповѣдующіе православную вѣру. Прибывшіе съ судномъ называли себя Русскими, но говорили особеннымъ нарѣчіемъ; они привезли горбылей одному изъ городскихъ

обывателей и, отправляясь въ дорогу, закупили Русскаго ржаного хлѣба.

Не смотря на близость Ладожскаго озера и Воксы, рыба въ Кексгольмѣ дорога. Ловля ея въ устьяхъ рѣки, гдѣ особенно много сиговъ, составляетъ со времени Императора Павла исключительное право Александро-Невской Лавры. Рыбная ловля въ Ладожскомъ озерѣ открыта для всѣхъ, и отъ того край Кексгольма, обращенный къ берегу его, населенъ по большей части рыбаками. Но лососы и сиги Ладожскіе увозятся въ Петербургъ и не дешево продаются на мѣстѣ. Промышленники Кексгольмскіе производятъ рыбную ловлю не только въ открытомъ озерѣ и на берегахъ его, но иногда и съ Коневецкаго острова, въ случаѣ особаго на то позволенія отъ Игумена тамошняго монастыря. Отсюда до Коневецкаго острова водою 25 — 30 верстъ; до Валаамскаго около 100.

Любитель Исторіи можетъ найти въ окрестностяхъ Кексгольма много предметовъ изслѣдованія. Расказъ лѣтописца о походѣ Новгородцевъ 1311-го года въ Нѣмецкую землю на Ямъ до сихъ поръ еще не объясненъ окончательно.* Упоминаемыхъ въ немъ рѣкъ *Купецкой*, *Черной*, *Кавгалы* и *Перны*

* Въ старину, Ямъ искали то близъ Бѣлаго моря, то къ югу отъ Финскаго залива. Карамзинъ, перенося означенный походъ въ Фивляндію, ссылается (т. IV, прим. 214, изд. Эйнерл.) на Лер-

обыкновенно ищутъ въ Финляндіи, но гдѣ именно онѣ протекаютъ, о томъ мнѣнія самихъ Финляндцевъ не согласны. Рѣшеніе вопроса тѣмъ труднѣе, что нѣкоторыя изъ приводимыхъ лѣтописцемъ названій урочищъ встрѣчаются, съ небольшими измѣненіями звуковъ, въ разныхъ мѣстахъ края. Еще недавно былъ въ Финляндскихъ газетахъ ученый споръ по этому предмету. Наиболѣе основательнымъ кажется предположеніе, что сомнительныя урочища находятся близъ Западнаго берега Ладожскаго озера, въ окрестностяхъ Кексгольма. Черною рѣкою было вѣроятно озеро *Сувандо*,* которое прежде изливалось въ Вокшу, а въ 1818-мъ году отдѣлилось отъ нея и прорыло себѣ истокъ въ Ладожское озеро. Надобно думать, что Сувандо въ древности было однимъ изъ рукавовъ Вокши: дѣйствительно, самое названіе этого озера есть не что иное, какъ нарицательное имя, которое на Финскомъ языкѣ означаетъ тихую воду въ рѣкѣ. Къ тому же есть старинныя карты, на кото-

берга и на Гиппинга. *Пюмецкая земля* въ Финляндіи надѣлала много хлопотъ трудолюбивому г-ну Гиппингу (см. Современникъ т. XIII, стр. 260). Недавно онъ явился съ новымъ предположеніемъ по этому предмету и тѣмъ возбуждалъ много разнорѣчивыхъ толковъ въ періодической Финляндской литературѣ.

* При произношеніи Финскихъ словъ надобно помнить, что въ нихъ главное удареніе всегда бываетъ на первомъ слогѣ. Приводя Финскія или Шведскія слова, буду я, для отаженія тѣхъ и другихъ, выставлять при первыхъ букву *ф*, а при вторыхъ буквы *ш* и *в*.

рыхъ Сувандо еще носитъ названіе *Черной рѣки*.^{*} Далѣе на Вокшѣ есть островъ Тіурисъ съ остатками каменныхъ стѣнъ; есть въ этой же сторонѣ селеніе *Каукола*; близъ южнаго берега Сувандо находится деревня *Wanha jama* (у лѣтописца упоминается крѣпость *Ванай*); сѣверный рукавъ Вокши называется *Перна* (шв. *Pernafors*). Все это служитъ сильною опорою приведеннаго предположенія, котораго впрочемъ отноудь не выдаю за свое. Касательно означенныхъ здѣсь мѣстъ прибавлю пѣкоторые ближайшія указанія. Рѣка Перна пересѣкаетъ дорогу къ Сердоболу въ 5-ти верстахъ отъ Кексгольма; тутъ направо отъ небольшого моста видны еще остатки земляной крѣпости. Чтобы попасть въ деревню *Wanha jama* (Старую Яму), надобно у станціи Кивниіеми своротить съ

^{*} Сюда относится особенно большая карта, находящаяся на мызѣ *Peterhofläger*, въ приходѣ Савколѣ, издѣланная 1740—1750 гг. по распоряженію барона Фридриха, дѣда нынѣшнему владѣльцу. Сувандъ-озеро простирается въ длину верстъ на 30. Съ 1818 года оно понизилось фута на 24 и впадаетъ въ Ладожское озеро при деревнѣ Тѣйналѣ, гдѣ также есть остатки какихъ-то укрѣпленій (*Taipala batteri*). Когда Сувандо отдѣлилось отъ Вокши, окрестные поселенцы пошлишии толпою къ волоку (Кивниіеми), образовавшемуся между рѣкою и озеромъ, длиною тысячи въ двѣ футовъ, и хотѣли прорыть тутъ каналъ. Но мѣстное начальство, узнавъ о томъ, немедленно предупредило исполненіе предпріятія, которое, конечно, соображено бы водяной путь къ Ладожскому озеру, но угрожало Кексгольму совершеннымъ подрывомъ его промысловъ.

Петербургской дороги и ѣхать водою.* На дорогѣ къ *Tiurisъ*, между станціями Кивиніеми и Нойдерма, находится небольшое озеро, называемое по-фински *Wenäjä Walkjärvi*, т. е. Русскимъ Бѣлымъ озеромъ, — потому, вѣроятно, что оно въ старину лежало на самой Русской границѣ.

Всѣми этими мѣстными подробностями обязанъ я служащему въ Кексгольмѣ г-ну *Фрюксею*, двоюродному брату извѣстнаго Шведскаго историка, страстному любителю изслѣдованій о старинѣ. Къ сожалѣнію, въ городскомъ архивѣ не сохранилось никакихъ важныхъ въ этомъ отношеніи документовъ. Къ историческимъ воспоминаніямъ окрестной стороны принадлежатъ также имя *Понтусона* (Делагарди), которымъ означены въ народной памяти многія изъ тамошнихъ урочищъ.

2.

Сердоболь, 26-го Мая.

Кексгольмская дорога — пуща и зараза въ приходѣ Нюхьярви — поздній сѣтъ и соловьи — имьніе Кроноборгъ — свидѣніе о Сердоболь — забавный счетъ — станція — Ладосское озеро — гостепріимные люди.

Выборгская дорога почти отъ самаго Петербурга до Финляндской границы пользуется весьма

* Есть еще другая деревня *Яма* верстахъ въ 73 къ сѣверу отъ Сердоболя.

дурною славой. Дорога изъ столицы въ Кексгольмъ была прежде, какъ миѣ сказывали, еще хуже; но въ недавнее время она исправлена и теперь сдѣлалась сносною. Застава находится у стапціи *Korkiamäki*. Названіе это, которое въ переводѣ значитъ *высокая гора*, оправдывается для проѣзжаго вскорѣ по минованіи шлагбаума: тутъ дорога идетъ черезъ двѣ крутыя песчаныя возвышенности, усыпанныя крупными камнями и изрѣзанныя глубокими рытвинами. Близъ Кексгольма многія значительныя имѣнія, которыя отчасти видны съ большой дороги, принадлежатъ издавна роду бароновъ Фридрихсъ. Въ окружной сторонѣ, особенно въ приходѣ * Пюхярви (*Puhjärvi*) открылся прошедшею весною великій недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ. Иныя толпы стекались къ пасторамъ и земскимъ чиновникамъ; лишенный надлежащаго корма, скотъ умиралъ въ большомъ количествѣ. Въ этихъ обстоятельствахъ баронъ Фридрихсъ показалъ рѣдкую благотворительность, облегчая всячески бѣдственное положеніе крестьянъ, о чемъ съ истиннымъ чувствомъ рассказы-

* Названіе округовъ, на которые протестантскія земли раздѣляются по духовному управленію, по-Русски переводится различно: то *приходомъ*, то *кирхшпигель* (съ Пѣсцаго). Академикъ Озерецковскій въ своемъ путешествіи употребляетъ въ этомъ смыслѣ слово *parokkia*; но такъ называются собственно тѣ округа Восточной Финляндіи, гдѣ жители православные.

валъ мнѣ пасторъ того прихода, пробѣтъ Циттингъ. Общая нужда повлекла за собою заразительную первическую горячку: въ приходѣ, состоящемъ изъ 5000 душъ, умираю ежедневно до десяти чело-вѣкъ. Жертвою эпидеміи сдѣлалась и 18-ти лѣтняя дочь самого пастора. Предшествовавшая весна была необыкновенно сурова. Въ началѣ Мая (по н. с.) снѣгъ густымъ слоемъ покрылъ землю: отъ холода погибло множество журавлей и соловьевъ. Постигнутые зимней погодой, звонкіе гости юга то падали на землю, съ которой дѣти подымали ихъ, наполняя ими цѣлыя корзины, то искали прибѣжища въ кухняхъ и комнатахъ, откуда, согрѣвшись, опять улетахи. Соловыи являются только въ одной части Финляндіи, — именно въ Карелии. Говорятъ, что эта область обязана такимъ преимуществомъ одному изъ первыхъ Русскихъ губернаторовъ старой Финляндіи, который будто-бы пустилъ на волю нѣсколько соловьевъ. Прошлаго года, въ концѣ Мая, гулялъ я часто въ роскошномъ саду барона Николаи, близъ Выборга: были чудные дни; природа праздновала весну; ярко сіяли заливы, — и соловьи, перекликаясь, пѣли безъ умолку. И въ Кексгольмѣ я около того же времени слышалъ соловья, который почти подъ окнами моими, въ огородѣ, неутомимо свисталъ всю ночь.

Дорога между Кексгольмомъ и Сердоболемъ гориста и, мѣстами подходя къ извилистымъ, скали-

стымъ заливамъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера, представляетъ красивые виды. По этой дорогѣ замѣчательно огромное имѣніе, *Кроноборгъ* (Ф. Kurkijoki) занимающее полтора кирхшпиля и принадлежащее роду графовъ Воронцовыхъ. Хозяинъ станціи того же имени, который содержитъ ее уже лѣтъ 50 и знаетъ по-русски, сказывалъ мнѣ, что имѣніе это нынѣ покупаетъ графъ Кушелевъ-Безбо-родко.

Сердоболь лежитъ на полуостровѣ; съ большой дороги ведетъ къ нему мостъ. Названіе города, по-фински *Sortavala*, объясняется различно. Забавно преданіе, будто на одной изъ окрестныхъ скалъ когда-то найдена вырѣзанная монахами надпись: *чорта валий*, которую Финны произнесли по-своему: Сортавала.* Берегъ Ладожскаго озера противъ острова Коневца образуетъ длинный, узкій заливъ, служащій пристанищемъ для плавающихъ туда или обратно. Этотъ заливъ (по-фински *Sorttalaks*) Русскіе называютъ *Чертовой Лахтой*.* Сердоболь основанъ, вѣроятно, векорѣ послѣ Стол-

* Мимоходомъ стоитъ упомянуть, что въ нѣкоторыхъ старинныхъ актахъ, писанныхъ на Русскомъ языкѣ, говорится о *Сорда-большемъ или Митальскомъ погостѣ*.

** О происхожденіи этого названія есть преданіе, рассказанное Озерецковскимъ на стр. 33 — 34. *Lahti*, по-фински, значитъ *губа*. Что касается до названія *Sortta*, *Sordavala*, то оно едва ли не происходитъ отъ Финскаго причастія *Sortava* — *разстѣкающій*: дѣйствительно губа, о которой рѣчь идетъ, глубоко вдается въ твер-

богосаго мира и производилъ въ 17-мъ столѣтіи значительную торговлю съ Швеціею. Во время войны съ Карломъ XII онъ былъ разрушенъ и послѣ уже не достигалъ прежней степени важности. Однако-жъ онъ и теперь составляетъ складочное мѣсто товаровъ для всей верхней Кареліи и ведетъ обширный торгъ съ Петербургомъ, откуда привозится сюда особенно большое количество муки.* Ярмарка, въ старину бывавшая и на Валаамскомъ островѣ,** нынѣ производится только въ Сердоболѣ. Жителей въ этомъ городѣ считается на лицо не болѣе 450 человѣкъ, хотя записано въ немъ до 700.*** Къ приходу здѣшней Русской церкви принадлежитъ около восьми сотъ человѣкъ; большая часть этого числа состоитъ изъ Финновъ окрестныхъ селеній.

Такъ какъ Сердоболь лежитъ довольно близко къ восточной границѣ Финляндіи, то Русскій языкъ здѣсь болѣе извѣстенъ, нежели въ Кексгольмѣ; однако-жъ прислуга въ обоихъ городахъ говоритъ почти исключительно по-карельски (это кака-то

дую землю. Такой же заливъ и при Сердоболѣ. — Окончаніе *la* (въ *Sordavala*) означаетъ понятіе мѣста.

* За провозъ чрезъ Ладожское озеро набавляется на куль по 50 коп. мѣдью.

** Это продолжалось до 1793 г. Описаніе Валаамской ярмарки, см. Озерецковск. стр. 63.

*** 606 показано у Озерецковскаго, стр. 81.

смѣсь Русскихъ словъ съ Финскими). На квартирѣ Русскаго купца, гдѣ я приставаѣ въ Кексгольмѣ, былъ мальчикъ — Финнъ, знавшій и по-русски. Счетъ, который онъ подаѣ мнѣ, стоило бы напечатать. Въ заглавіи дапа мнѣ была совершенно новая фамилія, составленная изъ Шведскаго названія чина моего: *Г-ну Стасорену*. Внизу страницы было особое заглавіе: *Тенчику*. На это загадочное слово потребовалъ я объясненія, и узнаѣ, что рѣчь идетъ о деньщикѣ, т. е. о моемъ кучерѣ, о которомъ далѣе съ особенною вѣжливостію сказано было: *Три расъ кушанн*.

Сердобольская станція отличается порядкомъ и опрятностію. Ее содержитъ болѣе 20 лѣтъ Русскій человекъ, теперь уже сѣдой старичекъ. Остановившись въ домѣ пастора, я однако-жъ заходилъ и на станцію, гдѣ въ прошломъ году старикъ угощалъ меня *тайменемъ*, рыбой, привозимой сюда изъ Остроботніи, * доставляемой и въ Петербургъ. Теперь онъ стояѣ въ халатѣ передъ лѣстницей и украшалъ ее молодыми березками: это было наканунѣ нашего Троицына дня (въ Финляндіи этотъ день тогда уже былъ отпразднованъ по новому стилю).

Время не позволило мнѣ посѣтить Валаамскій монастырь, славный древностію и живописнымъ

* Объ этой рыбѣ смотри ниже въ Отдѣлѣ IV: *Поездка къ горѣ Авасаксъ*.

мѣстоположеніемъ. Любопытно было бы познакомиться короче съ Ладожскимъ озеромъ. Во время плаванія на немъ и съ береговъ, около Кексгольма, иногда на озерѣ видны бывають миражи, до такой степени явственные, что они не разъ приводили плавателей въ заблужденіе касательно мѣста, гдѣ въ то время находилось судно. Я старался узнать, какъ прибрежные жители называютъ это явленіе на Русскомъ языкѣ. Кто-то сказывалъ мнѣ, что оно означается здѣсь словомъ *тъль*; но я не успѣлъ развѣдать о томъ хорошенько. Одинъ Русскій человѣкъ на вопросъ по этому предмету отвѣчалъ коротко и ясно, что Богу одному можетъ быть извѣстно, какъ называются такія чудеса. — Странно, что Озерецковскій въ своемъ путешествіи ни слова не упоминаетъ о Ладожскихъ миражахъ.

Ладожское озеро долго не освобождается отъ льда совершенно; * отъ того весна въ лежащихъ при немъ городахъ начинается поздно. Даже и лѣтомъ бываетъ въ нихъ холодно, когда вѣтеръ дуетъ съ озера, и въ бурную погоду трудно обойтись на немъ безъ шубы, хотя на сушѣ тепло. Медленно нагрѣваясь, эта огромная масса воды не скоро и остываетъ при наступленіи зимы: когда на твердой землѣ уже бѣлѣтся снѣгъ, на островахъ Ладожскаго озера еще пасется рогатый скотъ, и въ

* До Троицына дня, какъ говоритъ Озерецковскій.

и въ некоторыхъ мѣстахъ оно замерзаетъ не прежде Февраля и Марта.

Не могу оставить Сердоболя, не упомянувъ о гостепріимствѣ почтеннаго пробста Фабриціуса и г-на ординшгемана * Нюгрена, у которыхъ я нашелъ удовольствіе дѣльной и непринужденной бесѣды среди благовоспитаннаго семейства и многихъ образованныхъ гостей. Г. Нюгрень уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучился Русскому языку такъ, что свободно говорить на немъ.

3.

Нейшлотъ, 29-го Мая.

Станція Рускеала — пустынная дорога — права крестьянъ — Нейшлотская крепость — Гунгерсбергъ — городъ — Сайма — вывозъ масла — островъ Нунгахарью.

Въ 30-ти верстахъ къ сѣверу отъ Сердоболя, среди живописной мѣстности, находится станція Рускеала, близъ которой производится ломка мрамора и устроены пильныя мельницы. Эта промышленность распространила здѣсь между Финнами и въ некоторое знаніе Русскаго языка; но вмѣстѣ съ

* Въ маленькихъ городахъ Финляндіи чиновникъ, такъ называющійся, замѣняетъ бургомистра, не пользуясь правомъ суда, принадлежащимъ послѣднему.

тѣмъ замѣтны тутъ и неутѣшительные признаки испорченности нравовъ. Дороги, ведущія отсюда во внутренность края, къ Нейшлоту и къ Куопіо, такъ мало посѣщаются, что иногда болѣе недѣли ни одного имени не вносится въ станціонный журналъ. Появленіе порядочнаго экипажа составляетъ для крестьянъ достопамятное событіе, и они со всѣхъ сторонъ сбѣгаются смотрѣть на это диво. Случалось, что когда я на станціи нѣсколько минутъ оставался въ общей пріемной комнатѣ, то изъ всѣхъ дверей высовывались головы, которыя съ глупымъ любопытствомъ наблюдали малѣйшія мои движенія. Здѣшнія дороги уступаютъ въ исправности многимъ другимъ, отъ того, что бывшіе неурожайные годы требуютъ особеннаго попеченія о земледѣліи, и дорожная повинность не можетъ быть взыскаема со всею строгостію. Станціи по большей части устроены не на самой столбовой дорогѣ, а въ сторонѣ, и иногда довольно далеко. Онѣ вообще очень тѣсны и не представляютъ никакихъ удобствъ. За то и крестьяне здѣшніе такъ неизбалованы и безкорыстны, что обыкновенно не хотятъ брать съ проѣзкаго денегъ за почлегъ и кое-какіе съѣстные припасы. Земское начальство внушаетъ имъ между прочимъ вѣжливость, и они до такой степени послушны, что безпрестанные поклоны ихъ на большой дорогѣ могутъ иногда быть даже въ тягость проѣзжему.

Нейшлотъ (по-фински *Sawonlinna*, а по-шведски въ старину *Olofsborg*) маленькій городокъ, лежащій на двухъ островахъ, соединенныхъ мостомъ. Одинъ изъ нихъ занятъ крѣпостью съ высокими стѣнами и круглыми башнями. Она построена въ 1477 году тогдашнимъ губернаторомъ Финляндіи, Шведскимъ полководцемъ Тоттомъ, вѣроятно для защищенія пролива, составляющаго единственный путь изъ сѣверной половины водъ Саймы въ южную. Нейшлотъ достался Россіи по Абоскому миру. Въ 1788 году Шведы внезапно окружили эту крѣпость, и жители отрѣзаны были отъ воды. Не смотря на то, Нейшлотскій комендантъ, родомъ Турокъ, не сдавался и принудилъ Шведовъ отступить безъ успѣха. Въ послѣдствіи, для предупрежденія недостатка воды въ случаѣ новой осады, прорытъ внутри крѣпости каналъ, который однако-жъ теперь, какъ и вся она, приходитъ въ ветхость и не возобновляется.* Нѣкоторыя изъ вѣншихъ укрѣпленій пристроены были Суворовымъ, когда Екатерина II, ожидая нападенія со стороны Швеціи, повелѣла ему привести въ безопасность Финляндскую границу. Двѣ главныя башни называются *Кирхъ* и *Клокъ*: судя по этимъ именамъ, надобно полагать, что нѣкогда въ одной изъ нихъ помѣщалась церковь, а въ другой—коло-

* Всѣ мелкія укрѣпленія въ Финляндіи сданы гражданскому начальству.

колья. Въ послѣдствіи первая не рѣдко служила мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ. На выпянутой поверхности башенъ были прежде желѣзныя четверугольныя доски — вѣроятно гербы старинныхъ Шведскихъ родовъ: одна изъ нихъ уцѣлѣла, и на ней, какъ увѣряютъ, еще теперь довольно ясно можно разглядѣть рисунокъ герба. Въ стѣнахъ, сдѣланныхъ изъ дикаго камня, есть промежутки, выложенные кирпичемъ: по выломкѣ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались въ отверстіяхъ человѣческія кости съ цѣпами, — остатки несчастныхъ, когда-то заключенныхъ заживо въ стѣну.

Внѣ крѣпости на городскомъ, скалистомъ островѣ есть гора *Гунгерсбергъ*, такъ названная Шведами въ память голода, какой они терпѣли во время безплодной осады Нейшлота. Бывъ въ Шведское время довольно значительнымъ селеніемъ, этотъ городъ въ первое время по присоединеніи къ Россіи пришелъ въ упадокъ. Островъ, на которомъ онъ расположенъ, лѣтъ двадцать тому назадъ представлялъ только ничтожный форштатъ крѣпости. Жители помнятъ здѣсь мѣста, гдѣ лѣтъ за тринадцать предъ симъ стрѣляли зайцевъ; теперь эти мѣста застроены. Но городъ все-таки еще не далеко ушелъ: въ самомъ Нейшлотѣ нѣтъ даже церкви. Русская еще строится въ немъ вмѣсто бывшей прежде въ крѣпости. Лютеране, составляющіе самое

многочисленное населеніе города, должны ходить къ обѣдѣ версты за четыре отсюда. Всѣхъ жителей здѣсь около 400. Между ними много оставшихся чиновниковъ и вдовъ, живущихъ пенсіею. Шутя, объ этомъ городѣ можно сказать, что онъ опередилъ вѣкъ: въ немъ часы, по крайней мѣрѣ когда я тамъ былъ, шли цѣлымъ часомъ впередъ. Мнѣ сказали, что и всегда такъ бываетъ.

Въ Нейшлотѣ не болѣе четырехъ лавокъ. Муку выписываютъ купцы по большей части изъ Новой Ладоги или изъ Сердоболя. Прорытіе Сайменскаго канала, который уже начать, должно имѣть самое благопріятное вліяніе на торговлю этого города. Здѣсь будетъ центральный пунктъ обширнаго воднаго сообщенія, потому что ни одно судно не можетъ миновать пролива Нейшлотскаго, плывя изъ верхней системы водъ Саймы * въ южную, или обратно. И нынѣ уже окрестная страна составляетъ главное мѣсто вывоза товаровъ, особливо масла, въ Петербургъ. Одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ, съ которымъ я ѣхалъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ часто возитъ въ Питеръ масло: еще недавно продалъ онъ въ зеленыхъ лавкахъ у Каменна-

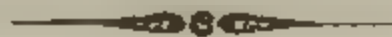
* Озеро Сайма есть главное звено огромной водной системы, которая отъ Ладожскаго озера простирается непрерывно до сѣверныхъ предѣловъ Саволакса и Карелии, занимая въ длину отъ 500 до 600 верстъ. Имя *сайма*, по всей вѣроятности, одного происхождения съ названіемъ лодокъ *соймъ*, употребляемыхъ около Кекегольма и вообще по берегамъ Ладожскаго озера.

го моста 100 пудовъ этого товара, по 3 цѣлковыхъ пудъ. Теперь возвращался онъ домой отъ пастора, у котораго хотѣлъ купить масла, но торгъ между ними не состоялся, потому что пасторъ требовалъ по 4 цѣлковыхъ за пудъ, а крестьянинъ не рѣшился дать ему этой цѣны.

Въ 20-ти верстахъ отъ Нейшлота, къ сторонѣ Выборга, есть замѣчательное мѣсто. Большая дорога пересѣкается озеромъ Саймою; между обоими берегами его лежитъ здѣсь узкій островъ,* длиною въ семь верстъ, отдѣляющійся отъ твердой земли двумя незначительными проливами и такимъ образомъ составляющій какъ-бы естественный мостъ. Проѣзжій переправляется черезъ проливъ, и дорога идетъ по острову, то высоко подымаясь надъ озеромъ, то спускаясь къ самой поверхности его. Съ крутой горы видишь у ногъ своихъ глубокую пропасть, со дна которой восходятъ огромныя, но точенькія сосны. Берега острова представляютъ любопытную игру природы: мѣстами видны съ обѣихъ сторонъ симметрически образованные мысы и заливы; выступамъ и углубленіямъ одного берега соотвѣтствуютъ подобныя же на другомъ. Недавно этотъ островъ обратилъ на себя вниманіе Правительства и купленъ казною; на каждомъ концѣ его стоитъ сторожъ и строится гостиница для

* Точнѣе говоря, два острова, соединенные мостомъ.

проѣзжихъ. Переправа чрезъ оба пролива не всегда бываетъ безопасна, и при неблагопріятномъ вѣтрѣ проѣзжему иногда приходится ждать здѣсь довольно долго. Имя острова — Rungaharju (Ф. Свиной хребетъ).

ОТДѢЛЪ II.

ОТЪ НЕЙШЛОТА ДО КУОPIO.

4.

Станція Рандасало, въ 44 верстахъ отъ Нейшлота по дорогѣ къ Куоpio, 29-го Мая.

Русская станція — церковь — духовное управленіе Финляндіи — девъ епархій — Домканитулъ — епископъ — приходы — настоятели — настоятели и капланы — пробы — доходы настоятелей — настоятельскіе адъютанты — степень образованности духовнаго сословія — домашній бытъ настоятелей.

Большое число строеній на дворѣ возвѣстило мнѣ здѣсь хорошее пристанище: просторныя и порядочно убранныя комнаты въ главномъ домѣ превзошли мои ожиданія. Я увидѣлъ тутъ даже апельсинное дерево. Къ удивленію моему услышалъ я,

что станцію содержитъ Русскій, — купецъ Коноповъ. Онъ остался въ Финляндіи со времени похода 1808 года, когда попалъ сюда 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ, вѣроятно въ услуженіи какого нибудь маркитанта. По окончаніи войны въ этомъ краю поселились многіе изъ Русскихъ, сопровождавшихъ армію, и занялись торговлею. Любопытная или любознательная старушка—Шведка, которая стала миѣ постель, всячески старалась вывѣдать все, что до меня касалось. На другое утро она загладила свою докучливость, приготовивъ миѣ вкусный завтракъ изъ малосолянаго судака и тоненькихъ Шведскихъ блинковъ (шв. plättar).

Вблизи отъ этой станціи находится церковь прихода Рандасальми.* Тутъ живетъ пробстъ Альгольмъ, у котораго я въ прошломъ году обѣдалъ вмѣстѣ съ епископомъ среди всего, что свидѣтельствуешь о довольствѣ и комфортѣ. Такъ какъ миѣ еще не разъ придется говорить о пасторахъ и ихъ домахъ, то здѣсь кстати будетъ распространиться о нѣкоторыхъ чертахъ быта и круга дѣйствій духовнаго сословія въ Финляндіи.

Въ отношеніи къ церковному управленію этотъ край раздѣляется на двѣ епархіи: на Абоское архіепископство и на Боргоское епископство. Въ Шведское время главою Абоской епархіи былъ также епп-

* По-фински *ранда* (шв. strand) значитъ берегъ; *сальми*—проливъ; въ названіи станціи *сало* значитъ лѣсъ.

скопъ, но Императоръ Александръ, лѣтъ черезъ восемь по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, возвелъ тогдашняго начальника этой епархіи, епископа Тенгстрема, въ званіе архіепископа. Титулъ этотъ сохраняютъ и преемники его. При каждомъ изъ двухъ епархіальныхъ начальниковъ находится духовный совѣтъ, такъ называемый *Домкапитулъ* или *Духовная Консисторія*, гдѣ, подъ его председательствомъ, членами состоятъ лекторъ гимназій Абоской и Боргоской. Кромѣ дѣлъ церкви, духовному начальству подлежатъ и все училищное вѣдомство. Каждый годъ епархіальный глава либо самъ объѣзжаетъ свою половину края, либо посылаетъ кого нибудь изъ старшихъ по немъ для осмотра ввѣренныхъ ему частей управленія. Проѣздъ епископа составляетъ важное событіе для народа, который изстари смотритъ на него съ благоговѣніемъ и принимаетъ его съ особеннымъ почетомъ. «Недавно проѣзжалъ здѣсь *писпа* (Ф. епископъ),» или «скоро проѣдетъ писпа», рассказываетъ подводчикъ сѣдоку своему. Присутствуя на годичномъ экзаменѣ въ гимназій или въ элементарномъ училищѣ, епископъ по окончаніи его произноситъ торжественную рѣчь ученикамъ и наставникамъ. По дорогѣ онъ заѣзжаетъ къ пасторамъ, которые на этотъ достопамятный случай берегаютъ лучшія свои хозяйственныя сокровища и истоцаютъ все способы для угощенія достойнымъ образомъ своего начальника.

Уваженіе, оказываемое званію его, такъ велико, что пасторы даже у себя дома обыкновенно стоятъ, когда онъ сидя разговариваетъ съ ними.

Каждая епархія раздѣлена на множество приходовъ (кирхшпилей) * различной величины. Въ нѣкоторыхъ, по обширности ихъ, недостаточно одного сборнаго мѣста для богослуженія: тогда отъ главной церкви (шв. *moderkyrka*) отдѣляется одинъ или нѣсколько округовъ, которые, каждый съ своею церковью, называются капеллами. Округъ главной церкви и зависящихъ отъ нея второстепенныхъ составляетъ пасторатъ и находится въ вѣдѣніи пастора, а капеллами, подъ его надзоромъ, управляютъ капланы.** Назначеніе пасторовъ къ нѣкоторымъ церквамъ требуетъ Высочайшаго утвержденія; такіе пастораты называются *имперіальными* (въ старину были *регальными*). Отъ нихъ отличаются *консисторіальныя*, въ которыхъ пасторскія ваканціи замѣщаются, по предложенію Консисторіи, самимъ приходомъ. Консисторія, изъ числа соискателей, назначаетъ трехъ кандидатовъ.

* По-шведски *församling* или *socken*. Последнее названіе, впрочемъ, означаетъ собственно округъ, подвѣдомственный каждому ленсману (сельскому чиновнику); но такъ какъ округъ церкви почти всегда совпадаетъ съ округомъ ленсмана, то слово *socken* употребляется и для означенія кирхшпилей.

** Впрочемъ и при большей части главныхъ церквей находятся капланы, обязанные помогать пастору въ исполненіи его должности.

Всѣ трое отправляются въ вакантный пасторатъ и въ тамошней церкви три воскресенья сряду произносятъ по очереди пробную проповѣдь. Въ третье послѣ того воскресенье, по окончаніи службы, прихожане избираютъ большинствомъ голосовъ одного изъ кандидатовъ. Право подачи голоса принадлежитъ всякому, владѣющему землею или заводомъ. Для опредѣленія пастора въ имперіальный пасторатъ Консисторія также назначаетъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ приходъ такимъ же порядкомъ, какъ было описано, избираетъ одного; но окончательный выборъ между ними производится по Высочайшему благоусмотрѣнію.

Нѣсколько пасторовъ вмѣстѣ состоятъ подъ вѣдѣніемъ такъ называемаго контраксъ-пробста, который избирается самими пасторами и утверждается Консисторіею. Что касается до званія *пробста*, то это — почетный титулъ, который епископъ предоставляетъ достойнѣйшимъ членамъ сословія. Нѣмецкое слово *пробстъ* (по-шведски *prost*) происходитъ отъ Латинскаго *praepositus*.

Какъ по пространству земли, такъ и по числу прихожанъ, пастораты очень неравны, а отъ этихъ условій зависятъ и большіе или меньшіе доходы пастора, который содержится своею паствою. Онъ получаетъ съ прихожанъ, соразмѣрно съ собственностію cadaго, опредѣленное количество сельскихъ произведеній въ натурѣ, какъ то: ржи, ячме-

ню, мяса, масла и т. п. Кто добровольно не вносить должнаго, съ того оно можетъ быть взыскано сельскими властями. Степень строгости пастора въ истребованіи слѣдующаго ему зависить отъ образа мыслей и воли каждаго. Разумѣется, что въ неурожайныя годы, какіе въ послѣднее время были такъ обыкновенны, доходы пастора значительно уменьшаются, не только отъ недоимокъ, остающихся за крестьянами, но и отъ вспоможеній, въ которыхъ ему трудно отказывать бѣднѣйшимъ изъ прихожанъ. * Въ городахъ производятся въ пользу пастора особенныя денежныя сборы, но такъ какъ сумма, такимъ образомъ составляющаяся, незначительна, то городскій приходъ обыкновенно бываетъ соединенъ съ ближайшимъ сельскимъ.

Пастораты, по степени обширности ихъ и по количеству доставляемыхъ ими доходовъ, раздѣляются на три класса. Между первостепенными есть такіе, которые вносятъ отъ 12-ти до 14 тысячъ руб. ассигнаціями ежегодно. Со многихъ пасторатовъ получается двѣ тысячи руб. серебромъ; съ другихъ только одна тысяча и даже менѣе. Доходный пасторатъ составляетъ высшій предметъ стремленія множества молодыхъ людей, посвящающихъ себя

* Такъ и здѣсь въ Рандасальми 6 лѣтъ сряду не было урожая, и хотя казна не щадила вспоможеній народу, доходы пастора, обыкновенно простирающіеся до двухъ тысячъ руб. сер., не могли не уменьшиться замѣтно.

духовному званію. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе человека, достигшаго этой цѣли, можетъ возбуждать зависть. Вдали отъ городскихъ тревогъ, пользуясь властью и вѣсомъ въ своемъ кругѣ дѣйствія, окруженный всѣми пріятностями независимаго существованія, семейной жизни и сельскаго быта, пасторъ проводитъ дни свои въ покоѣ, въ довольствѣ, часто даже въ изобиліи. Въ старости, когда исполненіе трудныхъ обязанностей ему уже не по силамъ, онъ беретъ *адъюнкта*, — молодаго человека, который, самъ готовясь въ пасторы, охотно принимаетъ на себя большую часть заботъ будущаго своего званія. Въ вознагражденіе за труды свои онъ получаетъ, изъ собственныхъ доходовъ пастора, рублей 200, 300 ассигнаціями, и кромѣ того живетъ у него на всемъ готовомъ, садится за его трапезу и вообще находится въ домѣ его какъ членъ семейства. Въ нѣкоторыхъ пасторатахъ, завѣдывающіе ими, должны по постановленію имѣть адъюнкта, или даже двоихъ.

Что касается до образованности Финляндскихъ пасторовъ, то они до сихъ поръ, вообще говоря, не могутъ похвалиться основательнымъ богословскимъ воспитаніемъ. Посвящающіе себя этому званію обыкновенно учатся сперва въ гимназій; потомъ, выдержавъ въ университетѣ экзаменъ, поступаютъ въ учрежденную при немъ семинарію, откуда, не пріобрѣтя ученой степени, выходятъ для пріисканія

себѣ мѣста; наконецъ судьбу ихъ рѣшаетъ испытаніе со стороны Домкапитула въ одной изъ епархій. При такомъ порядкѣ вещей пасторы Финляндскіе, въ отношеніи къ образованности вообще и къ богословской въ особенности, не могли заслужить слишкомъ выгоднаго о себѣ мнѣнія. Въ послѣднее время приняты мѣры къ улучшенію этой части общественнаго воспитанія, и отъ нихъ надобно ожидать самыхъ благопріятныхъ послѣдствій.

Всякій пасторъ и всякій капланъ живетъ недалеко отъ церкви, въ особомъ домѣ, построенномъ на счетъ прихода. Домъ этотъ съ принадлежащими къ нему строеніями составляетъ такъ называемый *пасторскій дворъ*, *пасторскую усадьбу* (шв. *prestgård*) или, употребляя Финское слово, *pánpilly* (отъ *pappi*, священникъ). Къ этому двору всегда бывають приписаны еще особыя угодья, иногда значительныя: всякій пасторъ есть, слѣдовательно, и помѣщикъ; часть земли своей онъ, по примѣру другихъ владѣльцевъ, не рѣдко отдаетъ крестьянамъ на откупъ.

Войдя въ домъ пастора, вы обыкновенно находите нѣсколько просторныхъ, свѣтлыхъ комнатъ и неприхотливую, но удобную мебель, по большей части сдѣланную изъ простаго дерева и выкрашенную бѣлой и черной краской. Изъ сѣней почти всегда одна дверь ведетъ въ залу, которая служитъ и столовою, а другая—въ кабинетъ, который, для

удобства въ пріемъ приходящихъ крестьянъ, долженъ быть крайнимъ покоемъ. Въ гостиной вы часто замѣтите, противъ дивана, узенькую кровать, покрытую перишами и шелковымъ одѣяломъ и въ случаѣ надобности раздвигающуюся. Эта постель назначена для пріѣзжихъ. Между Финляндскими пасторами гостепріимство неконн составляетъ роль гражданской обязанности или общественной повинности. Въ какую бы глушь вы ни заѣхали, никогда въ пасторскомъ домѣ вы не застанете хозяйки въ расплохъ: кладовая ея неизсякаемый источникъ вкусныхъ и здоровыхъ блюдъ, которыя она съ непритворнымъ радушіемъ предложитъ вамъ. Если вы пріѣдете подъ вечеръ, вамъ никакъ не дадутъ лечь спать безъ обильнаго ужина, состоящаго изъ рыбы, мяса, молока, шоколату, пирожного или т. п. Если пріѣдете пораньше, оирятно одѣгая служанка поднесетъ вамъ и чаю. По утру, едва вы проснетесь, она является къ вамъ съ кофеемъ, который почти всѣ пьютъ въ постелѣ. Часовъ въ девять или раньше васъ призываютъ къ завтраку. Столъ опять покрытъ всякою всячиной. Передъ буфетнымъ шкапомъ на опускной дверцѣ, или на особомъ столикѣ, стоитъ водка. Хозяинъ, наливъ ея въ рюмки, часто самъ подходитъ къ вамъ съ подносомъ и потчуетъ. Мѣстами встрѣчается еще старинный обычай, что возлѣ графина съ водкой стоитъ сткляночка съ желудочными кап-

лями, которыхъ нѣсколько подливается въ водку. Потомъ, сложивъ руки и помолившись, садятся за столъ. Если у пастора есть взрослая или подрастающая дочь, то она въ продолженіе стола нѣсколько разъ встаетъ и подноситъ гостю то соль, то какое нибудь блюдо. Иногда она, совсѣмъ не сядясь, служить все время и разноситъ кушанья. Изрѣдка встаетъ сама хозяйка и подаетъ что нибудь гостю, желая показать особенное къ нему вниманіе. Вотъ патріархальныя права, сохраняющіеся преимущественно въ Сѣверной Финляндіи. За обѣдомъ и за ужиномъ соблюдается то же, что и за завтракомъ. Вскорѣ послѣ обѣда всегда подается кофе и всегда его разноситъ служанка, за первую чашкой предлагая вторую и третью. Крѣпкіе напитки въ большомъ употребленіи. Между обѣдомъ и ужиномъ васъ угощаютъ, кромѣ чаю, виномъ, пуншемъ или *тодди* (смѣсью изъ кипятку и рому или коньяку), при чемъ и хозяинъ и посторонніе пьютъ ваше здоровье. Если вы посѣтите пастора передъ обѣдомъ, то также явится на столъ подносъ съ бутылкой и рюмками, предвѣстникъ тостовъ, которые васъ ожидаютъ.

Станція Хяуриля (Häytilä), 29-го Мая.

*Жилище короннаго фохта — нужда въ Юройскомъ приходѣ —
мѣры Правительства — нравы крестьянъ — водочные адво-
каты.*

Противъ станціи за рѣчкой и водопадомъ, на возвышенномъ берегу, стоитъ привѣтливый желтый домикъ съ садомъ. Здѣсь живетъ коронный фохтъ, сельскій чиновникъ, котораго обязанность заключается, между прочимъ, во взысканіи податей и повинностей. Недалеко отсюда церковь и пасторскій домъ незначительнаго прихода Юройсь (въ немъ около 5600 человѣкъ); а между станціею и церковью кузница, — очень кстати, потому что колеса экипажа моего требуютъ небольшой починки. Это обстоятельство заставило меня расположиться здѣсь на станціи. Отправясь погулять по живописной окрестности, встрѣтилъ я Юройскаго пробста и короннаго фохта, которые по любезности своей шли навѣстить меня. Присоединившись къ нимъ, посѣтилъ я прежде г-на С., а потомъ пастора. Внутренность домика надъ водопадомъ соответствовала его привлекательной наружности: все тутъ обнаруживало довольство и образованность. Я слышалъ, что и въ этомъ приходѣ неурожайные годы повлекли за собою нужду, для

облегченія которой, учреждены *вспомогательныя работы* (шв. *undsättningsarbeten*) по устройству дорогъ. Такимъ образомъ въ фохтствѣ (уѣздѣ) до 1800 человѣкъ, получающихъ пропитаніе отъ казны. Они, по мѣрѣ трудовъ своихъ, раздѣлены на три разряда, изъ которыхъ принадлежащіе къ первому получаютъ въ день по 3 фунта хлѣба и по 3 лота соли; 2 фунта и 2 лота составляютъ порцію третьяго класса, а второй занимаетъ между обоими середину ($2\frac{1}{2}$ и $2\frac{1}{2}$). Въ такомъ положеніи дѣль, на податномъ сословіи лежитъ значительная недомка, и для возмѣщенія ея недостаточно будетъ одного хорошаго года. Къ этому злу присоединяется еще другое: крестьяне занимаются ябедничествомъ и безпрестанно заводятъ между собой тяжбы, которыя часто оканчиваются опискою имущества у бѣднѣйшихъ. Такихъ процессовъ, съ начала года до времени моего проѣзда (начала Іюня по н. с.) было въ здѣшнемъ фохтствѣ уже до 600. Подобная страсть къ тяжбамъ между крестьянами не рѣдкость въ Финляндіи. Есть особенный классъ сельскихъ подъячихъ, — людей, которые за рюмку водки готовы всякому написать самое каверзное прошеніе въ судъ и потому очень характеристически пазываются на Шведскомъ языкѣ *водочными подъячими* (шв. *brännwins-advokater*). Народъ здѣшній вообще лѣнивъ и непромышленъ, о чемъ свидѣлствуютъ, между прочимъ, разбросанные по

полямъ каменья, которые давно бы уже могли быть собраны не безъ пользы для земледѣлія и послужить къ устройству изгородъ, столько же удобныхъ, какъ и прочихъ. Для развитія промышленнаго духа въ народѣ, казна покупаетъ приготовляемую здѣшними крестьянами деревянную посуду и продаетъ ее съ публичнаго торга.

Іоройскіи пасторъ, при скудныхъ доходахъ, обремененъ многочисленнымъ семействомъ. Въ его папшигѣ не видно признаковъ избытка; но и въ этомъ скромномъ жилищѣ проѣзжіи находятъ трогательное гостепріимство. Послѣ вкуснаго сельскаго ужина добрый пробствъ проводилъ меня довольно далеко отъ дому своего; я продолжалъ дорогу съ короннымъ фохтомъ и близъ станціи пожелалъ ему покойной ночи.

6.

Станція Генрикснэсъ, близъ Куопіо, 30-го Мая.

Почтовая контора — заводъ Варкаусъ.

Изъ Іоройса выѣхалъ я сегодня утромъ. По дорогѣ увидѣлъ я вскорѣ строеніе почтовой конторы, которая, не принося казны доходу, стоитъ ей ежегодно до 600 руб. ассигн. Потомъ, между станціями Катисенлаксъ и Тукіансало, проѣхалъ я мимо желѣзна-

го завода *Варкаусъ*, съ которымъ соединены литейная мастерская и пильная мельница. Время не позволило мнѣ хорошенько заняться осмотромъ этихъ заведеній. Мимо стапціи, гдѣ теперь нахожусь, по рѣкѣ, сплавляются въ Варкаусъ бревна. Этотъ заводъ лежитъ при проливѣ того же имени, соединяющемъ воды Саймпиской озерной системы и образующемъ стремительный водопадъ, для обхода котораго прорытъ каналъ.

7.

Куопіо, 2-го Іюня.

Городъ — величайшій приходъ протестантскаго міра — дороговизна — промышленность — положеніе Куопіо — заведенія — газета Сайма и ея редакторъ.

Около 10 часовъ вечера увидѣлъ я бѣлую колокольню Куопіоской церкви. Послѣ Кексгольма, Сердоболя и Нейшлота, этотъ городъ кажется довольно значительнымъ. Въ немъ около 2300 жителей. Онъ возникъ въ 1776 году, и до сихъ поръ составляетъ единственный городъ обширной губерціи, въ которой народу болѣе 177-ти тысячъ человѣкъ. Для этого населенія существуютъ четыре церкви: одна главная въ самомъ Куопіо и три капеллы. Приходъ первой заключаетъ въ себѣ около 26-ти тысячъ человѣкъ городскихъ и сельскихъ обывателей: такимъ

образомъ это самый многочисленный приходъ въ цѣломъ протестантскомъ мірѣ.*

Куопіоскіе жители жалуются на дороговизну съѣстныхъ припасовъ и приписываютъ ее тому, что крестьяне увозятъ множество дичи, масла и т. п. въ Петербургъ, гдѣ сбываютъ свой товаръ гораздо выгоднѣе, нежели могли бы продать его здѣсь. Они ѣздятъ даже въ Остроботнію и тамъ закупаютъ припасы для вывоза ихъ въ Петербургъ. За квартиры въ Куопіо также платится довольно дорого: это частію происходитъ отъ того, что многихъ покоевъ не отдаютъ внаймы на годъ, рассчитывая, что ихъ займутъ купцы во время двухъ бывающихъ здѣсь значительныхъ ярмарокъ. Постоянныхъ лавокъ въ Куопіо до 15 — число довольно значительное; за то перѣдко случается и банкротство. Крестьяне окрестныхъ мѣстъ вообще не отличаются промышленнымъ духомъ; особенно распространенъ здѣсь торгъ лошадьми, которыми славится этотъ край: много ихъ увозится и въ Петербургъ.

Около Куопіо большое число пильныхъ мельницъ. Сплаву досокъ, на нихъ приготовляемыхъ, благопріятствуетъ множество водъ, окружающихъ Куопіо. Онъ лежитъ у озера *Каллавети*, состоящаго въ связи съ Саймой, и если ѣдешь въ этотъ городъ изъ Карелии или съ Сѣвера, то необходимо

* См. Sundlers Geogr. Lexicon.

переправиться на паромѣ черезъ широкій проливъ (шв. Тоівола-pass), составляющій цѣлую станцію въ пять верстъ. Куопіо находится почти въ равномъ разстояніи (450 — 500 в.) отъ Гельсингфорса, отъ Торнео и отъ Петербурга, и слѣдовательно составляетъ какъ-бы центръ окружности, которую можно бы мысленно провести черезъ эти пункты. Изъ нихъ два послѣдніе совпадаютъ съ оконечностями Ботническаго и Финскаго заливовъ; Куопіо лежитъ на серединѣ пути изъ Петербурга въ Торнео.

Въ Куопіо есть гимназія и высшее элементарное училище, книжная лавка и типографія. Здѣсь издаются двѣ газеты: одна на Шведскомъ языкѣ, другая, для простаго народа, на Финскомъ. Первая, подъ заглавіемъ *Сайма*, читается едва ли не болѣе всѣхъ другихъ Финляндскихъ газетъ, имѣя сотъ восемь подписчиковъ. Редакторъ ея, г-нъ Снельманъ, ректоръ здѣшняго училища, есть писатель съ большимъ талантомъ; онъ не только въ Финляндіи, но и за границею пріобрѣлъ извѣстность въ разныхъ родахъ литературы. Въ особенную заслугу вмѣняется ему благотворная перемѣна, какую онъ произвелъ въ Куопіоскомъ училищѣ бдительностію своего надзора и введеніемъ строгой дисциплины. Въ немногіе годы онъ умѣлъ такъ улучшить духъ своихъ учениковъ, что теперь, при отличномъ порядкѣ въ училищѣ, наказанія составляютъ тамъ почти исключеніе.

Куопіо, 4-го Іюня.

*Илья Ивановичъ Ленротъ — сѣбды войны въ Куопіо — Фин-
ская національная литература.*

За нѣсколько дней до меня прибылъ сюда извѣстный Финскій филологъ и литераторъ, докторъ медицины Илья Ивановичъ Ленротъ. Онъ живетъ въ 180 верстахъ отсюда, въ Каянѣ, маленькомъ городкѣ Сѣверной Финляндіи, и нынѣ занимается преимущественно составленіемъ подробнаго Финскаго словаря. Еще въ прошломъ году мы согласились съѣздить когда-нибудь вмѣстѣ въ Торнео, чтобы посмотрѣть на беззакатное солнце, и для этого назначили свиданіе въ Куопіо.

Изъѣздивъ и исходивъ свою родину въ разныхъ направленіяхъ, и потому будучи какъ дома почти въ каждомъ Финляндскомъ селеніи, добрый Илья Ивановичъ познакомилъ меня со многими изъ жителей Куопіо, и, благодаря ихъ любезности, я здѣсь провелъ нѣсколько дней очень пріятно. Между прочимъ былъ я на крестинахъ у купца Р., въ молодости посѣщавшаго Дерптскій университетъ. Онъ родился во время послѣдней войны, когда городъ былъ занятъ Русскими. Родители его жили въ томъ же домѣ, который и теперь принадлежитъ ему и гдѣ онъ живетъ съ семействомъ.

Наши съ кровель тревожили горожанъ и стрѣляли въ ихъ дома. Миѣ показывали окно, близъ котораго лежала тогда мать хозяина; оно было заложено досками, но и сквозь нихъ пули иногда влетали въ комнату.

Лепротъ остановился тамъ же, гдѣ и я, — въ станціонной гостиницѣ, содержимой честно и исправно, даже съ нѣкоторою роскошью. Хозяинъ ея, кандидеръ Викъ, построилъ недавно пароходъ, который по водамъ Саймы ходитъ въ Нейшлотъ и Вильманстрандъ за мукою и другими товарами.*

Вчера встрѣтили мы на нашемъ дворѣ студента Альквиста изъ Гельсингфорса. Онъ ѣдетъ въ Карелию собирать народныя Финскія пѣсни.** Съ недавняго времени этотъ предметъ очень занимаетъ многихъ молодыхъ Финляндцевъ. Вообще обработываніе роднаго языка, приведеніе въ извѣстность старинныхъ памятниковъ національной поэзіи, изданіе книгъ для простолюдиновъ сдѣлалось господствующею идеею современной литературы здѣшняго края. Докторъ Лепротъ первый совершилъ на этомъ поприщѣ труды большаго объема. Примѣръ подавъ былъ еще въ исходѣ прошлаго

* Теперь гостиница уже перешла въ другія руки.

** Изъ всѣхъ частей Финляндіи самая богатая народными пѣснями и преданіями есть та, которая прилегаетъ къ Олонецкой губерціи. Смежныя съ границею селенія, даже и на Русской сторонѣ, представляютъ неисчерпаемый источникъ новыхъ открытій для любителей старинной Финской поэзіи.

столятія, особливо славнымъ Портаномъ, профессоромъ въ Або. Но никто еще не дѣйствовалъ для этой цѣли съ такою исключительною любовью, съ такимъ неустойчивымъ постоянствомъ и самоотверженіемъ, какъ Ленротъ. Средства къ исполненію и изданію трудовъ его были доставляемы ему, по большей части, Финскимъ Литературнымъ обществомъ, учрежденнымъ въ Гельсингфорсѣ.

Лишенія и трудности, которымъ онъ на каждомъ шагу подвергался во время своихъ пѣшеходныхъ странствованій, оставили на немъ рѣзкій отпечатокъ. Нельзя вообразить себѣ никого скромнѣе его, простосердечнѣе, равнодушнѣе къ удобствамъ и пріятностямъ жизни, безпечнѣе о самомъ себѣ. По его лицу и всей наружности уже легко узнать человека, неизмѣженнаго прихотями утопченнаго городского быта. Надобно прибавить, что онъ самъ происходилъ изъ крестьянскаго сословія. Это обстоятельство, многозначущее для его дѣятельности, очень важно и при оцѣнкѣ всей особы его.

ОТДѢЛЪ III.

ОТЪ КУОPIO ДО ТОРНЕО.

9.

Иденсальми, въ 90 верстахъ къ сѣверу отъ Куоpio, 6-го Юня.

Докторъ Фростерусъ — учительская вечеринка — переправа черезъ проливъ — гейматъ Иалойсъ — дымокуры — непривычный свѣтъ — памятникъ князю Долгорукому — воспоминаніе изъ Финляндской войны 1808-го года — анекдотъ о Кульневѣ — пріязнь Русскихъ офицеровъ съ Финляндскими — воспоминаніе старухи.

Иденсальми есть одинъ изъ самыхъ значительныхъ и богатыхъ пасторатовъ Финляндіи. Здѣшній пасторъ, докторъ и пробстъ Фростерусъ, исправляетъ должность инспектора учебныхъ заведе-

ній въ Куопіо. Вмѣстѣ съ нимъ я присутствовалъ тамъ на годичномъ экзаменѣ въ гимназіи и въ высшемъ элементарномъ училищѣ. Послѣ испытаній, занявшихъ два утра, преподаватели обоихъ заведеній во второй день пригласили доктора Фростеруса и меня провести съ ними вечеръ за городомъ. Мѣстомъ собранія назначена была станція Келлоіеми, верстахъ въ 4-хъ отъ Куопіо. Она лежитъ на берегу озера у переправы черезъ проливъ Тóйволу (шв. Toivola-pass). Въ стѣнѣ этого дома еще ясно видны мѣста, прострѣленные пулями, которыя въ послѣднюю войну летали съ озера.

Денроть былъ также приглашенъ на училищную вечеринку, гдѣ веселые разговоры смѣнялись чоканіемъ рюмокъ и прелестными пѣснями. Она кончилась послѣ полуночи, когда докторъ Фростерусъ, при громкихъ ура всего провожавшаго его собранія, сѣлъ на паромъ для переправы черезъ проливъ и отъѣзда въ свой пасторатъ; послѣ него и мы, остальные гости, поспѣшили отправиться въ городъ.

Слѣдующій день, т. е. вчера, назначили мы для отъѣзда въ Торнео. Путь намъ лежалъ черезъ Иденсальми, и мы обѣщали гостепріимному пробсту захватить къ нему на пѣппилу. * Часу въ 11-мъ утра были мы опять у знакомой переправы. Кро-

* Пасторская мыза: см. *Рандасало*, стр. 32.

мѣ насъ и нашего экипажа съ лошадьми, помѣстились на паромѣ еще двое пассажировъ, дама и кавалеръ, ихъ одноколка и лошадь; подводчики и гребцы дополняли наше маленькое общество. Въ одно время съ нами, по въ другую сторону, отправился на меньшемъ паромѣ какой-то пасторъ, ѣхавшій въ одноколкѣ. Черезъ часъ съ небольшимъ были мы на противоположномъ берегу; намъ опять запрягли лошадей, и мы пустились далѣе. По совету знакомыхъ въ Куопіо, мы, поднявшись на вершину горы, — по обѣ стороны которой въ 1808 году стояли войска сражавшихся, — оглянулись назадъ, и намъ открылся одинъ изъ тѣхъ обширныхъ и величавыхъ видовъ, какими путешествующій по Финляндіи часто имѣетъ случай наслаждаться.

Послѣ этой горы намъ предстояло уже очень мало значительныхъ возвышеній на пути, и, начиная отъ станціи Пöлья (Pöljä), мы ѣхали почти по совершенно ровной поверхности. Такова же вообще будетъ дорога до самаго Торнео. Верстахъ въ восьми не доѣзжая церкви Иденсальми, виденъ въ сторонѣ крестьянскій *гейматъ** при рѣкѣ Пáлойсь,

* Известно, что въ Финляндіи крестьяне по большей части владѣютъ землею. Принадлежащее одному семейству имѣніе со всеѣмъ, что входитъ въ составъ его, называется *гейматомъ*. Иногда, когда требуютъ обстоятельства, часть такого владѣнія отдѣляется въ видѣ особаго геймата, для одного изъ членовъ семейства, которому оно принадлежитъ. Участокъ земли, предоставляемый постороннему крестьянину въ пользованіе за нѣкоторую

впадающей въ озеро того же имени. Близъ этого мѣста было сраженіе съ Шведами. Русское правительство имѣло въ виду построить здѣсь крѣпость и для того купило нѣсколько гейматовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и упомянутый. *

Солнце только-что сѣло, когда мы приближались къ Иденсальми. Мѣстами, по обѣ стороны дороги, съ поля подымался дымъ (ф. sawu) изъ тлѣвшихъ кучъ валежника, земли и мху, а вокругъ этихъ дымокуровъ (какъ зовутъ ихъ въ Сибири) коровы и телята искали убѣжища отъ докучныхъ комаровъ. Здѣсь обычай раскладывать такіе огни имѣетъ еще особаго рода значеніе. Въ Сѣверной Финляндіи, гдѣ лѣсу мало, почти не водится волковъ, а потому нѣтъ надобности и въ пастухахъ. Скотъ пасется одинъ въ разсыпную. Почти съ самаго рожденія приученный къ вечернему дыму, онъ въ определенное время всегда чувствуетъ въ немъ потребность и на ночь съ разныхъ сторонъ собирается въ одно мѣсто.

Было совершенно свѣтло. Вокругъ гейматовъ и торновъ шевелились люди, съ любопытствомъ глядѣвшіе на проѣзжавшій экипажъ. Наконецъ мы въѣхали въ длинную и широкую березовую аллею, которая ведетъ къ воротамъ пасторскаго дома. Я

плату или подъ условіемъ извѣстныхъ работъ, называется *торпонтъ*, а самъ поселившійся на немъ, — *торпаремъ*.

* Какъ слышно, этотъ гейматъ недавно обращенъ въ собственность Финляндскаго Правительства.

посмотрѣлъ на часы: къ удивленію моему было уже одиннадцать. По мѣрѣ приближенія къ полярнымъ странамъ, болѣе и болѣе исчезаетъ разница между днемъ и ночью; по путешественникъ не легко оставляетъ привычку судить о времени по свѣту.

Близъ здѣшней церкви есть историческій памятникъ, драгоцѣнный для каждаго Русскаго. Послѣ утренняго кофею и сытнаго завтрака, мы вмѣстѣ съ любезнымъ хозяиномъ и его адъютантомъ пошли взглянуть на эту примѣчательность. На берегу озера мы сѣли въ маленькую лодку, и вскорѣ ясно увидѣли на той же сторонѣ, откуда отправились, довольно высокій деревянныйobeliskъ сѣраго цвѣта. Когда мы вышли изъ лодки и приблизились къ монументу, я прочелъ на немъ надпись:

Здѣсь

15 Октября 1808

въ сраженіи съ Шведами

убитъ

храбрый Россійско—Императорскій

Генералъ—Адъютантъ

Князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій.

Почитатели его возобновили

сей памятникъ 1828 г.

Передъobeliskомъ, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, видна въ песчаномъ грунтѣ яма — настоящее мѣсто паденія князя Долгорукаго. Этотъ моло-

дой генералъ, пользовавшійся особенною довѣренностью Государя, незадолго передъ тѣмъ присланъ былъ на театръ войны и еще не участвовалъ ни въ одномъ значительномъ дѣлѣ. Наканунѣ былъ послѣдній день довольно продолжительнаго перемирія. Въ полдень оно должно было кончиться. Пылкій герой, командуя авангардомъ Тучкова, держалъ часы въ рукахъ и съ нетерпѣніемъ считалъ минуты, остававшіяся до начала сраженія. Наконецъ оно завязалось. Шведы, по небольшому мосту перейдя проливъ между двумя озерами, * отдѣлявшій ихъ позицію отъ нашей, получили нѣкоторую поверхность. Князь Долгорукій старался склонить перевѣсъ на нашу сторону; но въ то самое время, когда онъ, увлекаясь мужествомъ, забылъ осторожность, непріятельская пуля сразила его... Къ ночи превосходство было на сторонѣ Шведовъ.

Чтобы приблизительно опредѣлить высоту монумента, Ленротъ употребилъ извѣстный способъ: воткнувъ въ землю шесть въ нѣкоторомъ разстояніи отъ обелиска, онъ легъ на траву такъ, что ногами касался шеста и могъ видѣть верхнюю оконечность его на одной линіи съ вершиною памятника: выводомъ глазомѣрнаго исчисленія было 8 Шведскихъ саженой (онѣ нѣсколько короче нашихъ). Обелискъ начинаеть приходить въ вѣхость и, въ слѣдствіе

* Одно изъ этихъ озеръ называется *И-озеромъ*, *Ijärgvi*. Отъ него и проливъ, и весь приходъ получили названіе *Idensalmi*.

представленія доктора Фростеруса, родственники падшаго недавно опредѣлили вновь сумму денегъ на сооруженіе каменнаго монумента.

Отъ Куопіо мы постоянно ѣдемъ и еще дня два будемъ ѣхать по направленію, которому въ 1808 году слѣдовала часть Русской арміи. Генераль Тучковъ 1-й, выступивъ изъ Нейшлота и, перейдя границу Старой Финляндіи, двинулся на Куопіо, куда черезъ Варкаусъ отступали Шведы. 4-го Марта Тучковъ занялъ Куопіо, при чемъ потерялъ 60 человекъ; самъ онъ вскорѣ отправился къ берегамъ Ботническаго залива на соединеніе съ Расвскимъ и Кульневымъ, а здѣсь оставилъ генерала Булатова. Въ Апрѣлѣ Булатовъ пошелъ на *Францило* (мѣсто, которое мы вскорѣ увидимъ), преслѣдуя Саволакскую бригаду. При Револаксѣ, въ Остроботніи, произошло сраженіе, и Булатовъ взятъ былъ въ плѣнъ. Потомъ изъ Куопіо двинулся полковникъ Обуховъ; за нимъ пошелъ со стороны Шведовъ прославившійся въ этой войнѣ Сандельсъ. Они сразились при *Пулкилъ* (близъ станціи *Лаукка*, гдѣ пройдемъ завтра): наши потерпѣли неудачу. Вскорѣ Русскій гарнизонъ въ Куопіо приведенъ былъ въ необходимость оставить этотъ городъ и черезъ Варкаусъ отступить на югъ; но въ Іюнѣ мы снова заняли Куопіо. Наконецъ, переправясь чрезъ проливъ Тойволу, Тучковъ соединился съ княземъ Долгорукимъ; отсюда они пошли на Пулкилу, и 15-го

Октября послѣдовалъ въ Иденсальми бой съ отступавшими Шведами.

Такимъ образомъ оружіе Русскихъ на этомъ направленіи, какъ и вообще въ первую половину послѣдней Шведской войны, не сопровождалось постояннымъ успѣхомъ; но и отъ этой эпохи еще довольно остается именъ и дѣлъ для украшенія страницъ Русской исторіи. Много поэтическихъ воспоминаній внесли тогдашнія событія въ лѣтописи отечественной славы, отчасти и литературной: среди бивачныхъ огней Батюшковъ и Давыдовъ здѣсь положили основаніе своимъ успѣхамъ въ словесности. * Двойнымъ блескомъ увѣнчалъ память свою

Батюшковъ, находясь въ корпусѣ Тучкова, былъ также въ Иденсальми, и въ посланіи къ II-ну (барону Палену, адъютанту Тучкова) говоритъ:

«Помнишь ли, питомецъ славы,
Иденсальми страшну ночь?»

По эти слова относятся не къ тому дѣлу, въ которомъ убитъ былъ кн. Долгорукій, а къ другому, происшедшему спустя двѣ недѣли послѣ того. Тучкову велѣно было, вопреки первоначальному плану, прервать наступательное движеніе, и онъ остался въ Иденсальми: здѣсь 30-го Октября, ночью, Шведскіе партизаны внезапно напали на Русскій авангардъ, расположенный близъ упомянутаго пролива, и произвели страшную тревогу, которая однако-жъ кончилась тѣмъ, что непріятелей прогнали съ урономъ. И объ этомъ Батюшковъ воспоминаетъ:

«Между тѣмъ, какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками...
Ужину вамъ приготовлялъ.»

Кульневъ, — какъ безстрашный герой и какъ благороднѣйшій человѣкъ. До сихъ поръ имя его съ любовью произносится въ цѣлой Финляндіи, особливо въ Остроботніи, куда онъ посланъ былъ почти въ самомъ началѣ похода для преслѣдованія генерала Адлеркрейца. Въ городѣ Якобштатѣ, гдѣ онъ долго стоялъ, видѣлъ его извѣстный нынѣ своимъ прекраснымъ талантомъ Рунебергъ, въ то время еще только пятилѣтній ребенокъ. Рѣзкая физіономія Кульнева, его живые глаза, большой носъ и усы — какъ самъ поэтъ рассказывалъ мнѣ, — неизгладимо запечатлѣлись въ его памяти. Безъ чиновъ, но добродушно обращаясь съ жителями, герой хаживалъ ко всѣмъ и у всѣхъ былъ какъ дома. Такъ посѣщалъ онъ и родителей Рунеберга: бывало, придетъ, самъ отворитъ шкапъ, вынетъ себѣ оттуда графинъ съ водкой, до которой былъ большой охотникъ, и потчуетъ хозяевъ; въ то-же время ласкалъ онъ дѣтей и игралъ съ ними.

Въ Якобштатѣ былъ извѣстенъ о Кульневѣ анекдотъ. Разъ на балѣ онъ тамъ влюбился въ какую-то молоденькую дѣвушку и весь вечеръ занимался ею. Незадолго передъ окончаніемъ бала, во время ужина, когда она вышла въ прихожую, онъ попросилъ башмака съ ноги ея. Бѣдная дѣвушка не знала что дѣлать; но бывшія съ нею дамы, ея родныя и знакомыя, испуганныя физіономіею Кульнева, стали умолять ее, чтобъ она не раздражала отка-

зомъ этого ужаснаго человѣка, который въ гнѣвѣ, пожалуй, сожжетъ городъ. Нечего было дѣлать: красавица, хотя не безъ трепета, сняла съ ноги башмакъ и, потупя глаза, вручила его усастому воину. Кульневъ въ восторгѣ возвратился въ залу, налилъ въ башмакъ шампанскаго и торжественно выпилъ за здоровье молодой Финляндки.

Во время войны многіе изъ Русскихъ офицеровъ были знакомы съ Финляндскими. Когда бывало перемиріе, они съ обѣихъ сторонъ дружески сходились и пировали, какъ давнишніе пріятели. Потомъ прямо съ такой пирушки они отправлялись на сраженіе и исправно убивали другъ друга. Случалось также, что на веселой сходкѣ Русскій офицеръ ссорился съ Финскимъ, и ссора кончалась поединкомъ. Разъ П. за столомъ сказалъ, что съ Шведской стороны много является переметчиковъ. «Это какіе нибудь цыганы,» отвѣчалъ Шведскій офицеръ. Завязался споръ и одинъ изъ противниковъ плеснулъ другому супомъ въ лицо. Послѣ обѣда рѣшено было стрѣляться. Однако-жъ начальство успѣло предупредить поединокъ, отправивъ П. въ Турецкую армію. Черезъ много лѣтъ послѣ того П. пріѣхалъ въ Финляндскій городъ ***, гдѣ тогда жилъ прежній противникъ его, и, являсь къ нему, приставилъ руку къ его сердцу, какъ будто намѣреваясь выстрѣлить. Черезъ минуту они братски обнялись и радостно помянули бывшее.

Воспоминанія о времени войны, сохраняющіяся на мѣстахъ, гдѣ она свирѣпствовала, составляютъ историческую драгоцѣнность, которой не могутъ замѣнить никакіе документы. Вотъ почему надобно бы записывать всякое такое воспоминаніе, дошедшее до насъ въ дорогѣ. Мысль эта приводитъ мнѣ на память то, что слышалъ я отъ болтливой старухи на одной станціи близъ Выборга. Она во время послѣдней Шведской войны была еще дѣвочкой и жила въ услуженіи на какой-то мызѣ около Або. Помѣщики такъ боялись раздражать Русскихъ сопротивленіемъ, что приказывали людямъ, въ случаѣ почнаго нападенія, тотчасъ отворять двери страшнымъ гостямъ. А такъ какъ на эту услугу не легко было найти охотниковъ, то за нее хозяева сулили по червонцу. Раскащица была бойкою дѣвочкой и потому, видя опасенія своей госпожи, сама вызвалась принять на себя такой подвигъ, съ тѣмъ, чтобъ и ей дали червонецъ. Не знаю, желала ли отважная служанка непріятельскаго нападенія, чтобъ заслужить обѣщанную награду, — только она по почамъ напрасно ожидала Русскихъ: они не пришли.

10.

Иденсальми, передъ отъѣздомъ, 6-го Іюня.

Путь въ Улеоборгъ — приготовленіе крестьянъ къ первому причащенію.

Прежде насъ прибыло сюда изъ Куопіо нѣсколь-
ко гимназистовъ и воспитанниковъ училища, между
которыми былъ и сынъ хозяина. Сегодня уже рано
утромъ стояла передъ крыльцомъ большая коляска
стариннаго фасона и за нею двѣ или три курьерскія
тележки. * Молодые люди собирались ѣхать въ
Улеоборгъ къ роднымъ.

Туда же отправимся и мы. Можно бы ѣхать на-
передъ въ Каяну, а оттуда уже черезъ озеро Улео и
рѣку того же имени пуститься въ Улеоборгъ. Но
этотъ водяной путь, при довольно большомъ эки-
пажѣ, слишкомъ затруднителенъ, и мы предпочи-
таемъ ѣхать сухимъ путемъ. Намъ до Улеоборга
210 верстъ.

Подъ окномъ, у котораго я пишу, слышно гром-
кое чтеніе, въ нѣсколько голосовъ, какъ будто за-
тверживаемаго урока. Выглянувъ на дворъ, я уви-
дѣлъ, что тамъ на травѣ, близъ дома, лежитъ нѣ-
сколько молодыхъ крестьянокъ и передъ каждою

* Kugig-käggä: такъ называется особенный родъ дорожныхъ
однокодокъ.

по книжкѣ. Онѣ повторяютъ катихизисъ, приготавлиаясь къ экзамену, для котораго сошлись сюда изъ разныхъ селеній прихода. Въ другомъ мѣстѣ готовятся подобнымъ же образомъ мущины. Такой экзаменъ (шв. skriftskola) непременно долженъ предшествовать первому причащенію каждаго прихожанина: сверхъ яснаго понятія о существеннѣйшихъ основаніяхъ религіи, требуется свободное чтеніе по книгѣ и знаніе катихизиса наизусть. Кто не оказываетъ достаточныхъ свѣдѣній, тотъ долженъ со временемъ явиться вторично. Самое причащеніе удовлетворительно-выдержавшихъ испытаніе бываетъ разъ въ годъ. Передъ допущеніемъ къ причастію никто не можетъ вступать въ бракъ. Случается, что иной, по безграмотности и невѣжеству, еще и въ зрѣломъ возрастѣ остается безъ причастія. На такихъ несчастныхъ прочіе смотрятъ съ презрѣніемъ, какъ на полуязычниковъ. Къ разряду ихъ принадлежатъ гораздо чаще мущины, нежели женщины. Мальчики, по большой части, съ самыхъ раннихъ лѣтъ уже должны помогать отцу и работать съ нимъ въ полѣ. Вотъ главная причина замѣченной разницы въ этомъ отношеніи.

11.

Станція Кумпумяки, 7-го Іюня.

Сходные корни словъ Русскихъ и Финскихъ — трудности Финскаго языка — Финская баня — парильницы и терлицы.

Изъ Иденсальми достались намъ такіа плохіа лошади, что мы едва дотащились до этой станціи. Нѣсколько верстъ передъ нею прошли мы пѣшкомъ. Для препровожденія времени искали мы сходныхъ корней въ Русскомъ и въ Финскомъ языкѣ, и нашли ихъ довольно много. * Между прочимъ заняло насъ сравненіе словъ *гора* и *korkea* (высокій), которыхъ корень *gr* (*kr*) послужилъ, кажется, къ образованію многихъ Русскихъ словъ, съ перваго взгляда не имѣющихъ между собою внутренней связи, наприм. *гордый*, *гораздо*, *горьтъ* (пылая, стремиться горѣ), *горбъ*. Слово *куча* сродни Финскому *коко*, которое въ видѣ существительнаго означаетъ *собраніе*, а въ видѣ прилагательнаго *цѣлый*. Нашему глаголу *чую* соотвѣтствуетъ Финскій *коен*, Русскому *киверу*—*kuräkä*, шлемъ у древнихъ Финновъ. *Неводъ* есть Финское слово *неишот* (мш. ч.), снаря-

* При слѣдующихъ строкахъ читатель, конечно, не забудетъ, что ему здѣсь предлагаются не ученые розысканія, а только бѣглыя филологическія догадки.

ды, снасти. Русское *высокій* есть первоначально то же, что Финское *iso* (большой).

Финскій языкъ чрезвычайно труденъ для всякаго иностранника, даже для Русскаго. Въ немъ столько особенностей, которыя сначала и понять трудно. Сюда относится, между прочимъ, *склоненіе* извѣстныхъ *частицъ*, которыя, замѣняя предлоги, ставятся послѣ существительныхъ для выраженія разныхъ отношеній; далѣе, на примѣръ, *спряженіе* отрицательной *частицы* передъ глаголомъ, или еще употребленіе двухъ притяжательныхъ мѣстоименій, одного передъ словомъ, другаго послѣ него (такъ *мой отецъ*, *minun isäni*). Не легче и Финское произношеніе, котораго тонкости долго остаются

* Прибавлю здѣсь, кстати, еще нѣсколько замѣчаній, до того еще мною сдѣланныхъ при сравненіи Финскихъ словъ съ Русскими.

Названіе *Чухонецъ*, *Чухна*, по всей вѣроятности, заимствовано отъ имени *Суоми*, которымъ Финны сами называютъ свой край. У нихъ буква *s*, во многихъ случаяхъ, по необходимости замѣняетъ наше *ч*: такъ слово *siisti* у нихъ значитъ то же, что у насъ *чистый*; не мудрено, что и мы ихъ *s* иногда превращаемъ въ *ч*. Буквы *m* и *n* у насъ не рѣдко смѣшиваются: простой народъ говоритъ *Миколай*, *Микифоръ*. Такимъ образомъ мы вмѣсто буквъ *suom* приняли въ основаніе слова звуки *чу он*; а какъ Русскій языкъ не терпитъ двугласныхъ, то между *у* и *о* естественно вдвинулось *а*.

Кажется, и нарѣчіе *очень* Финскаго происхожденія: у Финновъ *Uzein* значитъ *часто* и образовано изъ прилагательнаго *usiä*, *многіе*; *usiä* очевидно одного корня съ нашимъ *весь*, *всѣ*. Въ самомъ дѣлѣ *очень* значитъ то же, что *весьма*, а иногда и *много*.

неуловимыми для иноземнаго уха. Вникая въ выговоръ доктора Лепрота, я увидѣлъ ясно причину этой трудности для Русскаго. У Финновъ все строеніе слова, весь внѣшній составъ его опирается на *гласныя*, тогда какъ у насъ онѣ занимаютъ только второстепенное мѣсто: мы въ произношеніи часто замѣняемъ одну гласную другою; у Финновъ, напротивъ того, чрезвычайно непостоянны и даже неопредѣленны *согласныя*, такъ что въ томъ же словѣ является то одна, то другая, смотря по его окончанію въ разныхъ падежахъ. Не говорю уже объ областныхъ различіяхъ, въ слѣдствіе которыхъ, напримѣръ, вмѣсто *d* встрѣчается въ одной области *l*, въ другой *r*, въ третьей *t*; въ четвертой согласная совсѣмъ пропадаетъ. Вотъ почему, изучая Финскій языкъ, надобно обращать особенное вниманіе на произношеніе гласныхъ. Такимъ образомъ онѣ, по составу словъ своихъ, совершенно противоположенъ нашему. Устные органы Финновъ тщательно избѣгаютъ усилія, потребнаго для выговора согласныхъ, особенно болѣе трудныхъ или составныхъ. Отъ того они въ началѣ слова никогда не допускаютъ двухъ согласныхъ; отъ того же нѣтъ у нихъ ни *ч*, ни *ш*, ни *ж*, ни *з*, не говоря уже о *щ*; у насъ, напротивъ того, согласныя, даже по три и по четыре сряду, безпрестанно сталкиваются между собой, и въ азбукѣ нашей соединяются почти всѣ существующія въ человѣческомъ языкѣ соглас-

ныя. Въ замѣнъ того у Финновъ встрѣчаются въ изумительномъ общіи сочетанія гласныхъ (дифтонги). Не служатъ ли свойства языка, въ отношеніи къ звукамъ, выраженіемъ самаго характера націи? Сравните въ этомъ отношеніи Итальянца съ Нѣмцемъ или Англичаниномъ. Объясненіе различіе между Финскимъ и Русскимъ языкомъ не указываетъ ли рѣзкой противоположности между флегмою одного и живостію другого народа?

Въ Кумпумяки топились баня, когда мы сюда прибыли, и товарищъ мой обрадовался случаю попариться. Для меня также любопытно было познакомиться съ настоящею Финскою банею (ф. *sauna*). Она вообще похожа на Русскую, и Финны посѣщаютъ баню такъ же прилежно, какъ наши крестьяне. Здѣшніе обыватели сказали намъ, что у нихъ она топится черезъ день. Сельская баня у Финновъ всегда составляетъ отдѣльный низенькій домъ безъ трубы, съ небольшимъ четвероугольнымъ отверстіемъ въ стѣнѣ, вмѣсто окошка, и съ низенькою дверью. Наружная стѣна надъ этимъ входомъ обыкновенно бываетъ закопчена дымомъ, и по этому легко узнать баню между остальными строеніями двора, изъ которыхъ впрочемъ *рига* (овишъ) поситъ подобный же отличительный признакъ надъ дверью; но бываетъ гораздо бѣльшаго размѣра. Войдя въ баню, я увидѣлъ влѣво отъ входа низенькую печь, окруженную собранными въ кучу булыжниками;

все это было также черно отъ копоти. Въ лѣвомъ углу противъ входа былъ устроенъ полокъ (ф. laudet, lawu): двѣ широкія доски, отдѣленные одна отъ другой промежуткомъ почти такой же ширины, утверждены были на деревянныхъ подставкахъ. Въ промежуткѣ между обѣими половинами полка была лѣсенка. Направо отъ этого возвышенія стояла на полу скамеечка, на которую садятся для мытья, а вдоль стѣны, противъ полка, лежали въ нѣсколько слоевъ вѣшники, покрытые полотномъ, для того, чтобы на нихъ можно было раздѣваться.

Въ углу направо отъ двери сидѣла на полу дѣвка рядомъ съ молодымъ парнемъ, а возлѣ нихъ стояла дѣвочка лѣтъ 13-ти; всѣвъ полномъ туалетѣ. Мы начали раздѣваться; къ удивленію моему это маленькое общество не только не удалилось, но позволяло еще дѣвочку, которая вошла съ свѣжими вѣшниками. Тутъ я услышалъ, что она и сверстница ея будутъ мыть насъ. Когда мы легли на полокъ, покрытый чистымъ холстомъ, маленькія парильщицы попеременно взлѣзали по лѣсенкѣ, били и терли насъ вѣшниками. Иногда для усиленія жару поливали онѣ водою круглые камни вокругъ печки. Наконецъ, вымывъ насъ падъ маленькою скамеечкою, каждая изъ нихъ получила по гривенику, и обѣ были очень довольны. Между тѣмъ зрительница и зритель, расположенные въ углу, оставались на своемъ мѣстѣ безмолвны и неподвижны. По вре-

менамъ присоединялось къ нимъ со двора еще какое нибудь третье лицо. *

Можно бы подумать, что господствующія въ Финскихъ баняхъ обыкновенія, соблюдаемыя еще и въ городахъ, неблагопріятно дѣйствуютъ на чистоту нравовъ; но увѣряютъ, что молодые парильщицы сохраняютъ всю естественную стыдливость своего пола, и что исправленіе ихъ должности обрашается имъ съ дѣтства въ дѣло ничего не значащей привычки. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Финляндіи, какъ и внутри Россіи, есть еще особенныя *тѣрищицы*, которыя въ банѣ или на дому, съ помощію мыла или масла, трутъ тѣло, съ разными искусственными приемами перебирая мускулы и жилы. Такими терщицами славится особенно Карелія. Нѣтъ сомнѣнія, что искусство ихъ во многихъ случаяхъ можетъ служить дѣйствительнымъ средствомъ къ облегченію разныхъ недуговъ.

Послѣ бани мы ужинали. Намъ подали заказанную напередъ соломату изъ ржаной муки (ф. *jauho-ruugo*, шв. *rågmjölsgröt*) — здоровое и вкусное кушанье крестьянъ, которое на каждой станціи можно получить довольно скоро.

* Довольно любопытно сравнить съ этимъ описаніемъ то, что Французскій писатель Ренаръ (Regnard), посѣтившій Сѣверную Финляндію въ 1681-мъ году, рассказываетъ по тому же предмету въ своемъ *Voyage de Laponie* (см. *Oeuv. de Regnard*, T. V. p. 69, édition stéréot., Paris, 1817).

Близъ *Кумбудяки* видно нѣсколько строеній у рѣчки. Это Салахме, желѣзный заводъ, принадлежащій г-ну Францену, купцу въ городѣ Брагестадѣ и брату знаменитаго Шведскаго поэта.

12.

Станція Ниссилы (Nissilä), 7-го Іюня.

Воспоминаніе объ Императорѣ Александрѣ.

Вотъ историческое мѣсто. Лѣтомъ 1819-го года Императоръ Александръ осчастливилъ Финляндію посѣщеніемъ самыхъ пустынныхъ краевъ ея. Вездѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ, до сихъ поръ живетъ еще свѣжее воспоминаніе о томъ времени, когда Александръ Благословенный явился ангеломъ милости народу, вокругъ котораго некогда все было сурово, какъ самая природа этихъ мѣстъ. Мы постараемся слѣдовать, сколько можно, по направленію, ознаменованному достопамятнымъ путешествіемъ Монарха. Вѣроятно намъ удастся встрѣтить нѣкоторыхъ изъ лицъ, имѣвшихъ счастье видѣть тогда Императора, и малѣйшую подробность, которую услышу отъ нихъ по этому предмету, буду записывать какъ драгоцѣнное историческое свѣдѣніе.

Здѣсь жива еще хозяйка, удостоившаяся 27 лѣтъ тому назадъ принимать Государя. Она еще не очень стара и наружность у нея довольно пріятная. Мы думали, что она знаетъ только по-фински: отвѣчая моему товарищу на этомъ языкѣ, она долго не вмѣшивалась въ Шведскій нашъ разговоръ, пока наконецъ предметъ его — путешествіе Александра — не заставилъ ее невольно принять участіе въ томъ, что мы говорили.

Проѣхавъ изъ Архангельска въ Сердоболь, Александръ черезъ Куопіо прибылъ сюда ¹⁵/₂₇ Іюля въ 7 часовъ вечера. На другое утро ранехонько Государь, въ сопровожденіи свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго, баронета Вилъе и еще нѣкоторыхъ менѣе значительныхъ особъ, отправился въ городъ Каяну. Между тѣмъ въ Ниссиля оставалось еще 24 человѣка низшихъ придворныхъ чиновъ изъ свиты Его Величества. Послѣ самаго затруднительнаго и даже крайне опаснаго пути въ Каяну водою и оттуда сухимъ путемъ, Императоръ Александръ ¹⁷/₂₉ числа вечеромъ, часу въ 10-мъ, возвратился въ Ниссиля, еще разъ переночевалъ здѣсь и на другое утро въ 7 часовъ началъ путешествіе въ Улеоборгъ. Его Свѣтлость князь Петръ Михайловичъ Волконскій, чувствуя себя нездоровымъ, пробылъ здѣсь еще до 4-хъ часовъ послѣ обѣда.

Во время пребыванія въ Ниссиля, для Государя и

Его свиты заколото было 9 барановъ. Передъ отъѣздомъ Его Величество пожаловалъ хозяйкѣ 500 руб. ассигнаціями.

13.

Домъ пастора въ Лѣмминго, верстахъ въ 30-ти до Улеоборга, 8-го Іюня.

Обширное болото — добываніе смолы — смолевой костеръ — анекдотъ о Густавѣ II — сосновая кора — пища на станціяхъ — благосостояніе крестьянъ въ Сѣверной Финляндіи.*

Первая станція послѣ Исселя находится уже въ обширной Улеоборгской губерніи. Почти отъ самой Исселя верстъ на 100 въ сѣверозападномъ направленіи вплоть до Ботническаго залива (по теченію рѣки Сѣйкаіоки*) тянется необозримое болото (Pelsuo), и потому дорога, по которой мы ѣхали вчера, вообще однообразна. По обѣ стороны ея идетъ почти непрерывно сосновый лѣсъ. Мѣстами видно множество деревьевъ съ облуплен-

* Значитъ: *Сиговая рѣка*. Замѣчательно, что въ нашихъ лѣтописяхъ Финскія имена урочищъ не рѣдко встрѣчаются въ Русскомъ переводѣ. Такъ въ описаніи бывшаго въ 1496 году похода на *Калію* или на *десять рѣкъ* (въ Остроботніи) упоминаются между прочимъ рѣки *Сиговая* (Siikajoki) и *Ситъжена* (Lumijoki) (см. Архив. и Арханг. Лѣт.)

нымъ стволомъ, —загадка для большей части произвѣжнихъ. Это признакъ первоначальнаго производства господствующей здѣсь промышленности —добыванія смолы. Зимой, когда земля еще покрыта снѣгомъ, съ сосенъ сдирается кора, начиная близъ корня вверхъ локтя на три; съ сѣверной стороны оставляется во всю длину очищеннаго ствола узкая полоса коры, для того, чтобы дерево, при дѣйствіи на него солнечныхъ лучей, не высыхало однако же совершенно. Въ такомъ видѣ дерево стоитъ три года; въ четвертую зиму или весну стволъ сосны облупаютъ еще на локоть выше, снимая и уцѣлѣвшую полосу коры. Мало по малу вся смола собирается въ обнаженную часть дерева; тогда его срубаютъ осенью, и низъ, лишенный коры, раскалываютъ на тонкія, длинныя полѣнья (осмоль). Въ слѣдующемъ Іюнѣ, около Иванова дня, сожигаютъ ихъ для полученія смолы. И эту часть производства мы также видѣли въ лѣсу, съ большой дороги. Наколотыя полѣнья складываются въ огромный круглый костеръ, такимъ образомъ, что всѣ они, какъ лучи, обращены однимъ концомъ къ общему центру, а другимъ, нѣсколько возвышеннымъ, образуютъ съ верхней стороны пологость, похожую на скатъ холма. Этотъ, столь правильно устроенный костеръ, обкладываютъ землею или дерномъ, чтобы полѣнья, съ наружнаго края зажженные въ разныхъ мѣстахъ, только тлѣли, а не

пылали.* Въ срединѣ этого круглаго холма остается пустое пространство, суживающееся къ верху; оттуда въ наклонномъ направленіи проведена деревянная труба къ вышней окружности основанія костра. При горѣніи дерева, смола стекаетъ сперва на круглое, обложенное глиною и нѣсколько покатое дно внутренней пустоты, а потомъ черезъ трубу выходитъ уже готовая въ поставленную бочку.**

Вмѣстѣ съ объясненіемъ всего этого производства услышалъ я отъ моего сопутника довольно забавный анекдотъ. Въ 1802 году Шведскій король Густавъ IV Адольфъ, проѣзжая по здѣшнему же

* Такого костра не должно смѣшивать съ другимъ, очень похожимъ на него, который сжигаютъ для полученія угля. И подобный видѣли мы здѣсь по дорогѣ. Въ Россіи, сколько мнѣ извѣство, куреніе смолы по большей части производится въ ямахъ.

** Мнѣ не случилось распросить, сколько бочекъ смолы, приблизительномъ счетомъ, получается отъ смолевого костра. Рюсъ, (Rühs) въ книгѣ: *Финляндія и ея жители* (Finland och dess invånare), говоритъ, что «большой костеръ можетъ доставлять 100 бочекъ смолы и отъ 13 до 20 бочекъ угля; онъ сжараетъ педѣли съ полторы: можно принять, что на каждый костеръ идетъ 72 дерева.» Изъ Статистики Швеціи, изданной Форселемъ, видно что въ сѣверной части этой страны количество смолы, добываемой изъ порядочнаго костра, составляетъ отъ 40 до 60 бочекъ. Впрочемъ тамошнее производство, по описанію Форсея, не совсемъ сходно съ тѣмъ, какое здѣсь употребительно (Ср. Travels etc. by E. D. Clarke, Part III, Scandinavia, pag. 232. Англійскій путешественникъ замѣчаетъ, что существующій въ Вестроботніи способъ добыванія смолы, сходный съ описаннымъ мною, совершенно тотъ же, какой употреблялся у древнихъ Грековъ.

красо Финляндіи, спросилъ у одного изъ лицъ, сопровождавшихъ его, что значать всѣ эти облупленные деревья. Вельможа, не болѣе самого короля знакомый съ подробностями сельской промышленности, не затруднился однако же вопросомъ и смѣло отвѣчалъ: «По случаю проѣзда Вашего Величества сiali неприятную для глазъ кору.» — Глупый народъ! — замѣтилъ король съ улыбкой сожалѣнія.

Внутренняя кора (мязга) сосны составляетъ пищу вкусную и здоровую. Въ Куопіо, когда я разъ утромъ вошелъ къ доктору Ленроту, онъ подалъ мнѣ блюдечко, на которомъ лежало нѣсколько сложенныхъ вдвое гладкихъ лоскутковъ чего-то свѣтложелтаго, лоснящагося и на видъ очень привлекательнаго. Это была сосновая кора, присланная ему пріятелемъ, — лакомство, которое въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи извѣстно подъ именемъ *сосноваго соку* и въ началѣ весны продается бабами на улицахъ. Иногда съ большой дороги видно одно только дерево съ облупленнымъ стволомъ: это и значить, что съ него взята внутренняя кора (шв. *saftva*) для пищи. Внешняя кора (шв. *bark*) сосны употребляется въ бѣднѣйшихъ краяхъ Финляндіи для приготовленія хлѣба, нездороваго и мало питательнаго; для примѣси ко ржаному хлѣбу употребляютъ эту кору во многихъ мѣстахъ и безъ надобности, по одной привычкѣ.

Отъ Ниссея проѣхали мы вчера еще верстъ 65 и почевали въ *Лауккѣ* (Lauckko), близъ церкви Пулкилы (Pulkila). Сегодня, часовъ въ 12, остановились мы на станціи *Франциль*,* и, пока намъ готовили обѣдъ, мы выкупались въ рѣчкѣ, протекающей передъ самымъ дворомъ. Пища, которую намъ подаютъ по этой дорогѣ, состоитъ почти всегда въ простоквашѣ и соленой рыбѣ; иногда получаемъ мы хорошую лососину (тайму) и провѣсеную говядину (ф. *palwattu liha*). Въ рыбу свою Финны кладутъ такъ много соли, что безъ привычки трудно ѣсть ее; чаще всего попадаются лещи (ф. *lahna*); сушеное мясо на видъ не привлекательно, но довольно вкусно. Кофе вообще готовится не дурно, по крайней мѣрѣ на вкусъ проѣзжаго, не слишкомъ избалованнаго.

Отъ станціи Кярсямя начинается богатый край, поражающій путешественника множествомъ крестьянскихъ гейматовъ, встрѣчаемыхъ здѣсь почти на каждомъ шагу то ближе, то далѣе отъ большой дороги. Между ними вьется рѣчка, черезъ которую мѣстами проведены мостики съ затѣйливыми украшеніями; вокругъ лежатъ хорошо обработанные поля. Строеній много; возлѣ старыхъ возводятся новыя; въ главномъ домѣ нѣсколько про-

О сраженіяхъ при Пулкилѣ и Францилѣ было уже упомянуто выше, на стр. 50. Въ продолженіе войны эти два пункта в послѣдъ не разъ назначаемы были цѣлю движеній Русскаго войска.

сторныхъ комнатъ и большія окна. Во всемъ этомъ выражается господствующая удѣшскихъ крестьянъ охота строиться. Они стараются въ этомъ отношеніи перещеголять другъ друга, и лишніе деньги употребляютъ на постройки. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что имъ до лѣсу не близко: многіе изъ нихъ отправляются за 60 верстъ и далѣе для полученія бревенъ. Непремѣнныя принадлежности каждаго двора — рига, баня, житница, колодезь; часто присоединяются къ нимъ мельница и кузница. Последняя служитъ еще остаткомъ обычая Финскихъ крестьянъ, своими руками готовить для домашняго обихода всѣ издѣлія, собственно составляющія предметъ разнородныхъ ремеслъ. Многіе изъ удѣшскихъ гейматовъ построены съ такою роскошью, что они похожи болѣе на господскія помѣстья, нежели на крестьянскіе дворы. Между тѣмъ въ Остроботніи очень мало имѣній, принадлежащихъ господамъ. Въ Южной Финляндіи замѣчается противное, и крестьяне тамъ бѣднѣе. Тамъ большое число ихъ принадлежитъ къ разряду торпарей, съ которыхъ, по мѣрѣ улучшенія ихъ состоянія, увеличиваются и требованія, такъ что имъ трудно нажить нѣкоторое богатство. Напротивъ въ Остроботніи количество торпарей незначительно, да и обязанности ихъ въ отношеніи къ хозяевамъ, крестьянамъ же, не тягостны.

Домъ пастора въ Лѣмминго, 9-го Іюня.

Докторъ Боргъ — богатство крестьянъ — приготовленія въ празднику — экзамены прихожанамъ — нравы въ Лѣмминго — честность не вездѣ.

Мы пріѣхали сюда вчера вечеромъ довольно рано. Здѣшній пасторъ, докторъ богословія Боргъ, былъ еще недавно профессоромъ при Гельзингфорескомъ университетѣ. Онъ молодъ, полонъ усердія къ своему дѣлу, одаренъ отличными способностями, и потому можетъ радостно смотрѣть на тихое, но прекрасное поприще, которое избралъ. Приходъ его не изъ самыхъ многочисленныхъ, заключаая въ себѣ 8600 человѣкъ; но такъ какъ здѣшніе крестьяне по большей части владѣльцы гейматовъ, то доходы пастора значительны. Нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ имѣютъ 60 — 70 тысячъ рублей капитала; такихъ, у которыхъ 9 — 10 тысячъ, не мало. За то иные между ними и живутъ ужъ слишкомъ по-господски, всю работу предоставляя прислугѣ.

Когда мы, свернувъ съ большой дороги влѣво, пріѣхали въ довольно отдаленный отъ нея пасторскій домъ, мы застали тамъ большую суматоху. Комнаты перекрашиваются, чистятся и убираются для праздника, который будетъ здѣсь черезъ недѣлю въ воскресенье, по случаю *инсталляціи* (введе-

нія въ должностъ) новаго пастора. Его самого не было дома: онъ производилъ въ церкви экзаменъ готовившимся къ первому причащенію. Мы пошли ему на встрѣчу и вскорѣ увидѣли его возвращавшагося вмѣстѣ съ своимъ капланомъ, пасторомъ Эймелеусомъ. Не смотря на домашнія хлопоты, онъ уговорилъ насъ ночевать у него. Большую часть вечера провели мы на крыльцѣ пасторскаго дома, разговаривая и попивая здоровье другъ друга.

Изобиліе, распространенное въ этомъ приходѣ, не могло остаться безъ вреднаго вліянія на чистоту нравовъ. При всемъ томъ, въ нихъ сохраняются и многія похвальныя черты. Когда пасторъ, по заведенному порядку, разъ въ годъ объѣзжаетъ приходъ свой для испытанія всѣхъ сельскихъ жителей, отъ мала до велика, въ чтеніи и законѣ Божіемъ (шв. läsförhör, ф. luku-kinkeri),* то крестьяне въ Лиминго угощаютъ своего духовнаго отца великолѣпно, однако-жъ никогда не подносятъ ему водки или вина, и сами не употребляютъ крѣпкихъ напитковъ, а потчуютъ другъ друга кофеемъ.

* Разумѣется, что пастору на такихъ испытаніяхъ приходится иногда слышать отвѣты — довольно неожиданные. Какой-то престарѣлый пробствъ со всею обыкновенною торжественностью своей рѣчи и осязки спросилъ у одного изъ экзаменуемыхъ крестьянъ: «Можешь ли ты, другъ мой, сказать мнѣ, какъ распадаются (т. е. раздѣляются) скрижали закона?» Крестьянинъ отвѣчалъ: «Моисей, точно, разбилъ ихъ, это я знаю; но на сколько кусковъ онѣ распались — не умѣю сказать.»

Честность Финновъ извѣстна. Не только въ деревняхъ и на большой дорогѣ можно быть совершенно спокойнымъ на счетъ своей собственности; но и въ городахъ менѣе значительныхъ воровство такъ необыкновенно, что жители по большой части не замыкаютъ дверей своихъ на ночь. Противъ двухъ только родовъ вещей честность Финна не всегда можетъ устоять, именно противъ желѣза и кожаныхъ издѣлій. Падкость его къ желѣзу происходитъ, вѣроятно, отъ важности, какую предки его придавали этому металлу, и отъ возможности вымѣнивать на него разныя мелочи. Все это сказано здѣсь мимоходомъ; я хотѣлъ только замѣтить, что крестьяне въ Лиминго, не смотря на искушенія, ихъ окружающія, раздѣляютъ господствующую добродѣтель своихъ соотечественниковъ. Надобно прибавить однако-жъ, что есть въ Финляндіи мѣста, составляющія исключеніе изъ общаго правила. Таковы особенно около Вазы приходы: Лайхела, Аилькюро, Сторкюро, Лаппо, Куóртапе. Въ этомъ краю, на нѣкоторыхъ станціяхъ, опасно даже оставлять вещи свои у окна: бывали примѣры, что со двора выламывали стекла и уносили что можно было достать рукой. Говорятъ впрочемъ, что въ последнее время и тамъ нравы начали исправляться.

15.

Улеоборгъ, 9-го Іюня.

Дорога изъ Лиминго — обширные луга — недостатокъ воды.

Сейчасъ я пріѣхалъ сюда съ пасторшей изъ Лиминго. Товарищъ мой ранѣе меня отправился съ самымъ докторомъ въ одноколкѣ и уже сидѣлъ за обѣдомъ, когда я вошелъ въ Улеоборгскую гостиницу.

Отъ Лиминго до этого города уже не видно близъ дороги прежняго довольства. Здѣсь, по-большой части, — торпы, и при нихъ часто бросаются въ глаза низенькія землянки: это бани, сложенные изъ дерна за скудостію лѣса. Вся окружающая страна представляетъ равнину, за которою слѣва виденъ Ботническій заливъ. Луга прихода Лиминго извѣстны въ цѣлой Финляндіи своею обширностью.* Край этотъ, по плоскости своей, лишенъ красивыхъ мѣстоположеній; но важнѣе въ немъ недостатокъ хорошей воды. Та, которая получается изъ рѣчки Ли-

* Есть даже двустипіе, прославляющее ихъ рядомъ съ пашнями Сторкюро:

Storkyro åker och Limingo äng
Har ej sin like i bredd eller längd,

т. е. пашни Сторкюро и луга Лиминго не имѣютъ равныхъ себѣ ни въ длину, ни въ ширину.

минго, и подается на ближайшихъ станціяхъ, совершенно желтаго цвѣта. Семейство пастора пьетъ чистую и свѣтлую воду; но ее достаютъ въ 2½ верстахъ отъ его дома, за церковью, гдѣ находится хорошій колодезь.

Я подъѣзжалъ къ Улеоборгу съ тѣмъ любопытствомъ, какое мы всегда ощущаемъ, приближаясь въ первый разъ къ мѣсту, давно знакомому намъ по наслышкѣ. Но такъ какъ мы еще будемъ здѣсь на обратномъ пути, то я теперь не стану говорить объ этомъ городѣ. Мы не должны медлить, чтобы во-время доѣхать до Торнео, а къ будущему воскресенью опять поспѣть въ Лиминго, гдѣ мы обѣщали присутствовать на инсталляціи нашего гостепріимнаго друга. Разстояніе отсюда до Торнео составляетъ полтора ста верстъ съ небольшимъ.

16.

Станція Брусла, въ 45 верстахъ къ сѣверу отъ Улеоборга; 9-го іюня.

Содержаніе станцій — Финская изба — станціи въ городахъ — переправа черезъ рѣку Улео — изба перевозчика — любовь къ чтенію.

Вотъ богатый гейматъ, и мы рѣшились здѣсь поужинать. Надобно кстати замѣтить, что въ Финляндіи каждая станція устроена въ какомъ нибудь

гейматъ. Такъ какъ народъ вообще не гонится за прибылью, то повинность принимать проѣзжихъ многіе владѣльцы гейматовъ находятъ тягостною. Но однажды взявъ на себя эту обязанность, они исполняютъ ее чрезвычайно совѣстно.

Обыкновенно одна половина дома назначена для проѣзжихъ (гастгеберство), а другую занимаютъ сами хозяева. Избу ихъ (ф. *pirtti*) составляетъ просторная комната съ огромною печью, скамьями вдоль стѣнъ, столомъ, шкапомъ и кроватью. Часто тутъ же бываетъ ткацкій станокъ, маслобойная кадка, иногда нѣсколько стульевъ и стѣнные часы. У нѣкоторыхъ встрѣчаются двѣ большія избы.

Здѣсь мы пошли на хозяйскую половину и черезъ большой свѣтлый покой, гдѣ между прочимъ я замѣтилъ книги на комодѣ, попали мы въ другую, меньшую комнату съ часами противъ дверей и крашенымъ столомъ у окна. Сюда хозяйка принесла намъ обыкновенный ужинъ съ опрятнымъ приборомъ. Прибавка послѣднихъ словъ нужна, потому что на этихъ пустынныхъ дорогахъ ножи, ложки и проч. не всегда могутъ дать выгодное понятіе о хозяйствѣ геймата.

Мы выѣхали изъ Улеоборга часа въ 4 послѣ обѣда, потому что долго должны были дожидаться лошадей, которыхъ нѣтъ на самой станціи. Въ большей части Финляндскихъ городовъ лошади для проѣзжихъ поставляются не приходящими изъ

разныхъ мѣстъ крестьянами, какъ то бываетъ по почтовымъ дорогамъ, а живущими въ самыхъ этихъ городахъ фурманами. Содержаніе лошадей стоить имъ дороже и отъ того-то за проѣздъ отъ города до первой станціи платятся, по большой части, двойные прогоны.

Такъ какъ Улеоборгъ лежитъ на южномъ берегу рѣки Улео при впаденіи ея въ Ботническій заливъ, то намъ надобно было переправиться черезъ широкое взморье. Дулъ сильный вѣтеръ, и потому перѣздъ нашъ былъ продолжительнѣе обыкновеннаго. Мы оставили вправо устье Улео съ его значительными порогами. Множество складочныхъ магазиновъ у пристани, съ которой мы сѣли на паромъ, а вдали налѣво корабельная верфь свидѣтельствовали объ оживленномъ судоходствѣ торговаго города. Приморскіе жители съ дѣтства родятся съ грозною стихіею: тамъ съ берега двѣ молоденькія дѣвушки съ маленькимъ братомъ безпечно прыгнули въ крошечную шлюбку и смѣясь пустились бороться съ сердитыми волнами. А тутъ передъ самыми порогами двое молодыхъ людей, поднявъ парусъ на красивой лодкѣ, для потѣхи быстро и смѣло кружатся по бурному заливу.

Продолжая ѣзду сухимъ путемъ, мы между первою и второю станціею по выходѣ на берегъ должны были опять переправиться черезъ рѣку Хаукикудасъ. Въ избѣ перевозчика, куда мы вошли, бы-

ли двѣ старушки: одна качала люльку и баюкала непривычными для меня звуками внучку свою; другая, съ мѣдными очками на носу, сидѣла у окошка и для воскреснаго дня читала вслухъ какую-то духовную книжку, которую держала въ костливой, приподнятой рукѣ. Та и другая продолжали свое дѣло, какъ будто и не замѣчая насъ, когда мы сѣли у стѣны и любовались картиною бѣднаго сельскаго быта. На полу играло нѣсколько дѣтей; между тѣмъ и двѣ дѣвочки, постарше ихъ, съ непринужденною и живою мимикой разговаривая между собой, также нисколько не стѣснялись нашимъ присутствіемъ.

Непремѣнно въ каждой избѣ находимъ мы нѣсколько книжекъ на Финскомъ языкѣ, по большой части духовныхъ, по нѣрѣдко и другихъ, особенно изъ вновь издаваемыхъ для простаго народа. Товарищъ мой, немедленно по пріѣздѣ на станцію, почти всегда отправляется въ *pirtti* (избу) и, расположившись тамъ съ своею маленькою трубкой, похожею на крестьянскія, беретъ въ руки одну изъ такихъ книжекъ. Хотя сочинители ихъ, по новості Финскаго языка въ литературномъ употребленіи, часто принуждены бываютъ составлять новыя слова, однако-жъ поселяне, какъ я слышалъ, не затрудняются ими при чтеніи. Особо отъ прочихъ книжекъ лежитъ на полкѣ или виситъ на деревянномъ гвоздѣ крошечный простонародный кален-

дарь, въ которомъ крестьянинъ между прочимъ находитъ, для каждаго дня въ году, предсказаніе погоды.

Лепроть въ крестьянской избѣ совершенно какъ дома. Войдя туда и сказавъ хозяевамъ обычное: «hywää räiwää» (Ф. добраго дня), онъ молча садится на скамью и продолжаетъ курить свою трубку. Потомъ онъ иногда безъ церемоній отворитъ какой нибудь ящикъ или шкапикъ и начнетъ разсматривать то, что найдетъ тамъ; если это книга, онъ съ нею часто ложится на крестьянскую кровать и остается тутъ, пока не запрягутъ лошадей. Въ разговоръ съ крестьянами онъ вступаетъ довольно рѣдко и не любитъ дѣлать имъ вопросы безъ особенной надобности. Но никогда не забываетъ опъ, при встрѣчѣ съ ними гдѣ бы ни было, своего «hywää räiwää,» а при отъѣздѣ со станціи всегда прощается, говоря: «hywästi.»

Между двумя слѣдующими станціями мы встрѣтили опять перевозъ чрезъ довольно широкую рѣку Іію (Ijo). Отъ Улеборга до Торнео приходится перѣзжать водою не менѣе восьми разъ черезъ рѣки и рѣчки, впадающія въ Ботническій заливъ. Надобно надѣяться, что по крайней мѣрѣ черезъ нѣкоторыя изъ нихъ со временемъ проведены будутъ мосты. Нынѣшній Улеборгскій губернаторъ, г-нъ Лагерборгъ, дѣятельно заботится объ улучшеніи путей сообщенія въ полупустынной еще Сѣверной

Финляндіи, и многое уже сдѣлаю имъ въ этомъ отношеніи.

17.

Станція Вуорикосъ, 10-го Іюня.

Крестьянки изъ Далекарліи — раздѣль почлега — общество изъ Улсборга.

Въ Брусиѣ, гдѣ мы ужинали вчера, видѣли мы на большой дорогѣ множество крестьянокъ, одинаково одѣтыхъ, которыя шли пѣшкомъ съ мѣшками и узлами на плечахъ. Мы тотчасъ узнали въ нихъ женщинъ изъ Далекарліи, какихъ лѣтомъ много бываетъ въ Гельсингфорсѣ. Цвѣтная одежда ихъ довольно красива, и существенную часть ея составляетъ передникъ, котораго лишеніе есть знакъ безчестія. Жители Далекарліи отличаются строгостію своихъ патріархальныхъ нравовъ, и въ разговорѣ, по крайней мѣрѣ у себя на родинѣ, всѣмъ говорятъ *ты*, не исключая и самого короля. Далекарлія въ послѣдніе годы терпѣла неурожай, и вотъ отъ чего число крестьянокъ, покидающихъ область, чрезвычайно увеличилось. Эти по-шведски такъ называемыя *Dalkullor* добываютъ хлѣбъ продажею разныхъ приготовляемыхъ ими волосяныхъ издѣлій, и до глубокой осени показываются во

всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Финляндіи. Тѣ, которыхъ мы здѣсь встрѣтили, сказывали намъ, что ихъ болѣе 40 идетъ изъ Швеціи береговою дорогою; а до нихъ уже прошли другія партіи. Онѣ сами не знали, куда именно отправиться, и готовы были принять всякій совѣтъ. *

Вчера послѣ ужина мы проѣхали еще 18 верстъ и почевали здѣсь, за недостаткомъ порядочной комнаты, въ тѣсной каморкѣ. Единственную деревянную софу или, точнѣе, скамью, какая стоитъ здѣсь, раздѣлили мы между собой такимъ образомъ, что докторъ Лепротъ снялъ съ нея доску, на которой сидятъ, и съ помощью стульевъ устроилъ себѣ изъ этого походную кровать, а я легъ въ углубленіе, открывшееся въ софѣ подъ этой доской. Вскорѣ послѣ насъ прибыло сюда же въ большой, красивой коляскѣ Шведской работы купеческое общество изъ Улеоборга. Оно также отправляется въ Торнео и, не нашедши здѣсь мѣста, поѣхало далѣе съ тѣмъ, чтобы почевать не далеко отсюда на стеклянномъ заводѣ.

* Мѣсяца черезъ два послѣ этой встрѣчи я ѣхалъ изъ Петербурга въ Выборгъ. И тутъ, на одной станціи, нашелъ я Далекарліекъ, которые пѣшкомъ возвращались изъ Петербурга, очень недовольныя своимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ, гдѣ почти ни съ кѣмъ не могли говорить и гдѣ лѣтомъ, какъ извѣстно, бываетъ довольно пусто.

18.

Станція Кулью, на правомъ берегу Торнео, 11-го Іюня.

*Рѣка Кеми — мѣсто ярмарки — три церкви — городъ Торнео —
Ханаранда — переправа — церковь на островѣ — отъѣздъ на
Авасаксу — ночное солнце.*

Верстѣ за 35 до Торнео переправились мы черезъ большую рѣку Кеми.* Острова ея и берега, поросшія шественными деревьями; вокругъ красивые гейматы и засѣяныя поля, — все это вмѣстѣ составляетъ очень живописный видъ. На самой рѣкѣ въ разныхъ мѣстахъ разставлены такъ называемые заколы (шв. rata) для ловли лососины, — одинъ изъ главныхъ промысловъ всего береговаго края отъ Улеоборга къ сѣверу. На правомъ берегу рѣки построены цѣлый рядъ домиковъ для бывающей здѣсь ежегодно ярмарки.

На противоположной сторонѣ возвышается большая церковь, красивая снаружи, величественная внутри. Возлѣ нея рисуются развалины прежней церкви: когда мы проѣзжали здѣсь, между колоннами ея стояли овцы; испуганныя звономъ нашего колокольчика, онѣ робко выглядывали на большую

* Рѣка эта названа такъ, вѣроятно, по имени Кеми, впадающей въ Бѣлое море, съ береговъ котораго часть Финновъ, какъ надобно полагать, переселилась сюда.

дорогу — была особенная прелесть въ этой картинѣ. Разрушенная церковь построена была не прежде, какъ въ исходѣ прошлаго столѣтія (1799). Но вскорѣ въ стѣнахъ ея оказались трещины, и Императоръ Александръ, по проѣздѣ чрезъ эти мѣста въ 1819-мъ году, ассигновалъ сумму для построенія новой церкви, которая и окончена въ 1827-мъ году. Напротивъ нея, черезъ дорогу, стоитъ еще третья, древнѣйшая церковь (построенная въ 1519-мъ году) подъ крышею, снятою съ оставленнаго зданія первой. Въ послѣдней сохраняются, во время зимы, покойники до погребенія ихъ весною на кладбищѣ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ переѣзжаютъ черезъ рѣку Кемп, находятся небольшіе пороги: гребцы направляютъ паромъ въ самую средину ихъ, откуда вдругъ теченіе устремляетъ его къ противоположному берегу.

Близъ Торнео опять появляются безпрестанно крестьянскіе гейматы; красный цвѣтъ ихъ посреди зелени еще болѣе оживляетъ мѣстность. Прежнее замѣчаніе объ охотѣ крестьянъ къ постройкамъ относится и сюда.

Вчера вечеромъ, часовъ въ 7, достигли мы наконецъ берега рѣки Торнео. За нею видно два города: направо Торнео съ его красною Финскою церковью; налѣво Шведскій пограничный же городъ Хåпаранда; высокое въ немъ зданіе, которое представ-

ляется довольно хорошо, есть домъ тамошняго училища. Обыкновенно воображаютъ, что Торнео на восточной сторонѣ рѣки, а Хапаранда на западной. Это ошибочно: Торнео лежитъ на островѣ, отдѣляемомъ отъ Шведскаго берега только узкимъ протокомъ, иногда почти совершенно высыхающимъ. Черезъ него устроены мостъ, такъ что сообщеніе между обоими городами возможно и сухимъ путемъ, хотя болѣе отдаленнымъ (верстъ 5). Во время войны съ Швеціею граждане Торнео изъявили желаніе перейти въ подданство Русскаго Императора: При присоединеніи Финляндіи къ Россіи жителямъ края предоставлено было право въ теченіе трехъ лѣтъ переселяться въ Швецію, чѣмъ и здѣсь нѣкоторые воспользовались. Тогда же Шведское правительство положило основать въ томъ краю новый городъ въ замѣну утраченнаго; но Хапаранда возникла не прежде 1815-го года, и не на томъ мѣстѣ, которое первоначально для нея назначалось.

Когда мы съ экипажемъ нашимъ уже были на паромѣ и отплыли довольно далеко отъ берега, тогда только мы догадались, что по-настоящему намъ бы совсѣмъ не нужно было *теперь* переправляться въ Торнео, потому что мы на другое утро собирались ѣхать еще далѣе на сѣверъ, и для того должны были опять воротиться на лѣвый берегъ рѣки. Ошибка наша произошла отъ того, что мы прежде

въ продолженіе всей дороги считали необходимымъ понасть напередъ въ Торнео. «Посмотримъ,» сказалъ кто-то изъ насъ, «не послужитъ ли и это неожиданнымъ лучшимъ.» Надежда эта въ послѣдствіи оправдалась. — Здѣсь въ устьѣ рѣки Торнео теченіе ея очень быстро по причинѣ пороговъ, образуемыхъ ею нѣсколько выше. Такъ какъ сверхъ того съ сѣвера дулъ сильный вѣтеръ, то мы должны были подняться по рѣкѣ на довольно значительное пространство, пока достигли середины ея и могли принять надлежащее направленіе.

Влѣво отъ насъ находился небольшой островъ съ церковью, принадлежащею къ сельскому приходу Торнео. Когда, еще въ Шведское время, надобно было построить для этого прихода церковь, то жители обоихъ береговъ рѣки старались отклонить ея построеніе на ихъ сторонѣ, и для рѣшенія спора она помѣщена на островѣ. Сзади насъ возвышался на берегу красивый желтый домикъ—жилище провинціальнаго лекаря, доктора Э. Когда мы вышли на берегъ въ Торнео, лодочники отвезли легкую коляску нашу на станцію, до которой отъ пристани недалеко. «Мы можемъ вообразить,» сказалъ шутя докторъ Ленротъ, «что съ триумфомъ въѣзжаемъ въ Торнео и что жители на себѣ везутъ насъ, какъ великихъ современныхъ артистовъ.» Но жители какъ будто прятались отъ южныхъ гостей своихъ: на улицахъ не видно было никого.

Было 10 (22) Іюня, а смотрѣть на *полуночное* солнце (шв. *midnattsolen*) съѣзжаются обыкновенно 11 (23) наканунѣ Іванова дня. * Изъ Торнео можно видѣть его во всю ночь не иначе, какъ развѣ съ колокольни. Вотъ почему любопытные отправляются еще на 70 верстъ ближе къ полюсу и тамъ всходятъ на гору *Авасаксу*. Мы очень дорожили временемъ для того, чтобы еще успѣть найтѣ близъ этого мѣста пристанище въ случаѣ стеченія туда нѣсколькихъ путешественниковъ. По этому-то, велѣвъ кузнецу осмотрѣть нашу *триллу*, ** и узнавъ, что она требуетъ починки, мы рѣшились ѣхать къ *Авасаксѣ* на легкѣ въ станціонной тележкѣ, а свой экипажъ съ человѣкомъ оставить въ Торнео до возвращенія нашего. Такъ-то переправа наша черезъ рѣку Торнео обратилась намъ въ пользу; не переѣхавъ туда, мы бы и не подумали о возможности отправиться къ *Авасаксѣ* на перекладныхъ, а этотъ способъ былъ для насъ во многихъ отношеніяхъ самымъ удобнымъ, и мы весело могли сказать: «все къ лучшему.»

Теперь ничто не мѣшало намъ въ тотъ же вечеръ переправиться назадъ черезъ рѣку Торнео. Между

* Въ Финляндіи наканунѣ этого дня, вечеромъ, вообще водится всходить на высоты, чтобы видѣть зажигаемые въ разныхъ мѣстахъ огни.

* Такъ называется очень употребительная въ Финляндіи маленькая коляска, въ которой по городу обыкновенно ѣздятъ въ одиночку.

тѣмъ вѣтеръ утихъ, и она едва струилась, когда мы въ половинѣ 12-го часа ночи плыли на противоположный берегъ при полномъ сіяніи солнца, съ сѣверной стороны стоявшаго надъ свѣтлою поверхностію воды. На лодкѣ переправилась съ нами тележка, въ которой мы, проѣхавъ отъ берега версты $2\frac{1}{2}$, и прибыли сюда послѣ полуночи. Мы нашли здѣсь просторную, чистую комнату съ двумя постелями и всѣ удобства покойнаго ночлега. Только что мы пріѣхали, я по обыкновенію началъ завѣшивать окна, чтобы на время сна защититься отъ свѣта, который здѣсь такъ неизмѣнно сопровождаетъ насъ. Сегодня рано утромъ внимательная хозяйка напоила насъ отличнымъ кофею и мы сейчасъ отправляемся въ путь.

ОТДѢЛЪ IV.

ПОѢЗДКА КЪ ГОРѢ АВАСАКСѢ

II

НЕЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ.

19.

Гейматъ Ханцуккала, близъ горы Авасаксы, въ Ивановъ день.

Берега рѣки Торнео — крайніе пункты земледѣлія — роды деревъсѣвъ — промышленность — опасная тележка — станція Юрва — пробстъ Кастренъ — наблюденія надъ солнцемъ — дорога къ Авасаксѣ — крестьянскій дворъ — двочка изъ Ханаранды — семейство судьи.

Вопреки общему понятію объ отдаленномъ Сѣверѣ, берега Торнео производятъ на путешественника самое выгодное впечатлѣніе. По обѣ стороны рѣки встрѣчаетъ онъ хорошо построенные крестьянскіе гейматы, которыхъ видъ свидѣтельствуесть

о довольствѣ жителей. Гейматы идутъ еще далеко на сѣверъ до самой Муоніониски, верстъ за 300 отъ Торнео. Разведеніе ячменю и картофеля продолжается до озера Эпаре, что на краю Лапландіи, между тѣмъ какъ въ Архангельской губерніи земледѣльство, въ видѣ общаго промысла, оканчивается около трехъ сотъ верстъ южнѣе, у города Кемі при Бѣломъ морѣ, т. е. на одинаковой широтѣ съ Улеоборгомъ. Въ растительности и въ родахъ деревьевъ замѣтно мало различія между берегами Торнео и болѣе южными частями края: здѣсь, какъ и тамъ, растутъ ель, сосна, береза, ольха, осина, черемуха, ива и пр.; но деревья вообще нѣсколько ниже. Рожь сѣютъ только мѣстами, замѣняя ее ячменемъ. Благодаря обилію свѣта въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, хлѣбъ созрѣваетъ здѣсь ранѣе и уже теперь стоитъ выше, нежели въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мы проѣзжали. То же должно сказать и о травѣ. Земледѣліе составляетъ здѣсь главный промыселъ; рыбная ловля и скотоводство занимаютъ второстепенное мѣсто. По берегамъ Торнео не должно однако-жъ судить о внутренней, болѣе отдаленной отъ нихъ части сѣвернаго края, гдѣ населеніе и продовольствіе скудны.

Двуколесныя тележки, которыя мы получали на станціяхъ, были вообще плохи, хотя устроенное надъ осью сидѣнье и довольно удобно. Сопровождавшій насъ подводчикъ, обыкновенно маленькій

мальчикъ, становился сзади, и мы правили сами. Одна изъ доставшихся намъ тележекъ была такъ ветха, что, не смотря на веревки, которыми ее напередъ кое-какъ связали, она вся едва было не развалилась дорогою: вмѣстѣ съ сидѣньемъ мы покачнулись назадъ и могли бы раздавить мальчика. Къ счастью мы остановили лошадь еще во-время, и, воротясь на станцію, откуда отъѣхали не далеко, потребовали другой тележки. Такъ какъ здѣшніе подводчики ѣздятъ безъ кнутовъ, а свой мы забыли взять изъ Торнео, то мы подвигались не слишкомъ скоро, хотя дорога совсѣмъ не дурна. Впрочемъ она довольно гориста; къ тому же не надобно забывать, что мы, ѣдучи вдоль берега вверхъ по теченію рѣки, безпрестанно подымались въ гору. Дорога эта устроена еще только лѣтъ 25 тому назадъ, а до того ѣздили по Шведскому берегу. Она довольно узка; по обѣ стороны ея идутъ овраги, и потому ѣзда въ большомъ экипажѣ требуетъ здѣсь особенной осторожности.

Рѣка Торнео иногда расширяется на значительное пространство; между станціями Піусуа и Роусу (Piusua, Rousu) стремится она бурно черезъ пороги. Недалеко отсюда—церковь Карунки (Karunki), противъ которой на Шведскомъ берегу другая. Тамошняя сторона Торнео вообще уступаетъ здѣшней по почвѣ и разработкѣ земли, но въ этомъ мѣстѣ различіе повидимому исчезаетъ.

Послѣ Піусуа опять встрѣчается небольшая переправа черезъ рѣчку Лізакка (Lieaska), впадающую въ Торнео. Слѣдующая станція верстахъ въ 15-ти отъ перевоза. До Роусу, гдѣ насъ накормили не совсѣмъ удовлетворительно, ѣхали мы черезъ Нижне-Торнеоскій приходъ; за этою станціею вскорѣ начинается приходъ Верхне-Торнеоскій.

Въ Юрвѣ, послѣдней станціи передъ Авасаксою, нашіи мы для проѣзжихъ одну только тѣсную комнату. Пріѣхавшій за нѣсколько минутъ передъ нами полковникъ баронъ Любекеръ изъ Гельзингфорса занялъ покой на хозяйской половинѣ. Близъ станціи, у большой же дороги, находится церковь Алькула (Alkuła), а подалѣе и пасторскій домъ. Такъ какъ было еще рано, мы рѣшились навѣстить пробста Кастрена, одного изъ давнишнихъ пріятелей доктора Ленрота. Онъ насъ принялъ съ обыкновеннымъ радушіемъ Финляндскихъ пасторовъ. Трубки, пушъ, вино, кофе и чай — все это успѣло вмѣститься въ короткое время нашего посѣщенія. Пробстъ Кастрень родился въ уѣздѣ Каяны, но провелъ здѣсь уже 23 года, въ продолженіе которыхъ только однажды былъ на Авасаксѣ, хотя ему до нея только 10 верстъ. Между тѣмъ онъ по обязанности ежегодно объѣзжаетъ приходъ, который отъ юга къ сѣверу простирается на 180 верстъ и частью заключаетъ въ себѣ жилища Лапландцевъ. Естественно, что разговоръ нашъ часто возвращался къ

солнцу — въ краю, который оно то съ избыткомъ даритъ своимъ присутствіемъ, то надолго покидаетъ почти совершенно: зимой оно свѣтитъ здѣсь не болѣе какъ часа 3 въ сутки (отъ 11 до 2-хъ). Нѣкоторыя явленія, замѣченныя здѣсь, подали жителямъ поводъ думать, что оно въ разные годы подымается на различную высоту. Одинъ крестьянинъ рассказывалъ пастору, что въ окна его, заслопленные другимъ домомъ, лучи солнечные не всякое лѣто проникаютъ черезъ крышу сосѣда. Самъ пасторъ замѣтилъ у себя въ комнатѣ, что крайняя черта, съ которой тамъ начинается тѣнь, бываетъ въ одинъ годъ ближе, въ другой дальше отъ окна. Истиннаго объясненія этихъ различій должно, кажется, искать въ законахъ преломленія свѣта.

Разставаясь съ пасторомъ, чтобы ѣхать на Авасаксу, мы получили приглашеніе обѣдать у него завтра при возвращеніи оттуда. Отъ станціи Юрвы до этой горы остается 10 верстъ, и прежде нельзя было иначе попасть туда, какъ водою. Нынче въ первый разъ можно было ѣхать до самой Авасаксы по дорогѣ, только что оконченной, но уже порядочной, и которую предполагается продолжить еще гораздо дальше, до Муоніоньски. Такъ какъ было очень вѣтрено, то мы съ радостію воспользовались этимъ сухопутнымъ сообщеніемъ. Верстахъ въ двухъ отъ горы увидѣли мы большую группу молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ, которые шли по

тому же направлеію. Когда мы поравнялись съ ними, нѣкоторые изъ мушкетъру пустились бѣжать возлѣ нашей тележки и за нею, какъ будто взапуски съ лошадыю. Впереди насъ ѣхалъ баронъ Любекеръ и рядомъ съ его одноколкою также бѣжало два человѣка. Мы не могли понять, что это значить. «Не въ томъ ли дѣло, чтобы завлечь пріѣзжихъ къ себѣ на квартиру?» сказалъ я. Но товарищъ мой замѣтилъ, что между Финнами, вообще лишенными промышленнаго духа, особливо здѣсь, въ такомъ малолюдномъ краѣ, нельзя предполагать подобной смѣтливости.

По совѣту пробста Кастрена, мы рѣшились пристать близъ горы въ гейматѣ Ханнуккалы (въ переводѣ Вашино, Иваново). Этотъ крестьянскіи дворъ лежитъ почти у подошвы Авасаксы, вправо отъ дороги. Ошибкою проѣхали мы слишкомъ далеко; ѣдучи же назадъ, встрѣтили коляску Улеоборгскаго общества и, придерживая налѣво, чтобы дать ей мѣсто, едва не очутились въ оврагѣ. Въ избѣ Ханнуккалы, куда мы съ большой дороги должны были идти пѣшкомъ по тропинкѣ, нашли мы дѣвочку лѣтъ 13-ти, которая сидѣла у стѣны передъ люлькой. Она по-шведски сказала намъ, что служитъ у судьи Тиккандера, обыкновенно живущаго близъ Торнео, но теперь разъѣзжающаго съ семействомъ своимъ по должности: они остановились здѣсь и были въ другой комнатѣ. Сама дѣвочка

была Шведка изъ Хапаранды, гдѣ отецъ ея — сапожникъ. «Умѣешь ли ты читать?» спросилъ я ее. — Нѣтъ, не умѣю. — «Слыхала ли ты о Петербургѣ?» — Не слыхала. — Между тѣмъ улыбка, какою сопровождались эти отвѣты, ясно выражала намѣреніе дѣвочки потрунить надъ проѣзжимъ, который предлагалъ ей такіе, по ея мнѣнію, странные вопросы.

20.

Гейматъ Ханпуккала, въ Пвановъ днь.

Авасакса — разложенный огонь — промышленность на горѣ — анекдотъ объ Англичанинѣ — общество на Авасаксѣ — окрестный видъ — полупочное солнце — Шведскій магистръ — возвращеніе въ гейматъ.

Удоставившись, что и насъ готовы принять въ этомъ домѣ, мы съ проводникомъ пошли къ Авасаксѣ. Изъ множества горъ, наполняющихъ окрестности, она самая высокая; но о вышинѣ ея трудно судить, стоя у подошвы, потому что за пологостію, поросшею лѣсомъ, не видно вершины. Хотя Авасакса и не крута, однако-жъ восхожденіе на нее довольно трудно по множеству большихъ, острыхъ камней, мѣстами лежащихъ цѣлыми грядами на ея скатѣ. Въ направленіи, по которому мы взбира-

лись, она расположена уступами и нѣкоторые изъ нихъ отдѣлены другъ отъ друга громадами утесовъ. Проворно перескакивалъ нашъ проводникъ съ камня на камень, и мы, сколько могли, не отставали отъ него.

Говорятъ, что со стороны рѣки еще труднѣе подыматься на гору. Съ полчаса продолжался нашъ путь отъ геймата до вершины Авасаксы и составлялъ всего версты полторы: съ версту можно положить на самую гору.

На вершинѣ уже было нѣсколько пріѣзжихъ. Съ сѣвера дулъ сильный, холодный вѣтеръ; * передъ скалою, защищавшею отъ него, на небольшомъ уступѣ разложенъ былъ огонь, въ который отъ времени до времени бросали огромные сучья елей и сосенъ, росшихъ по близости. Здѣсь не знаютъ господствующаго въ другихъ частяхъ Фипляндіи обычая: наканунѣ Иванова дня, вечеромъ, жечь на высотахъ бочки и цѣлыя кучи набросанныхъ деревьевъ. Здѣсь огонь горѣлъ только для удобства собиравшихся посѣтителей, и вокругъ него безпрестанно было нѣсколько человѣкъ: пылая съ трескомъ и густымъ дымомъ, онъ согрѣвалъ и веселилъ насъ.

* Весь день была такая стужа, что крестьяне на станціяхъ говорили намъ: «недостаетъ только снѣгу, а то была бы совершенная зима.» На обратномъ пути мы потомъ услышали, что въ ночь на Ивановъ день дѣйствительно шелъ сильный снѣгъ на всей полосѣ края отъ Улеоборга до Куопіо, и на слѣдующее утро, часовъ до 9-ти, земля покрыта была бѣлымъ пологомъ.

Небо было обложено тучами и отнимало почти всякую надежду увидѣть въ эту ночь солнце.

Едва мы достигли вершины горы, какъ къ намъ подошли два или три человѣка съ какимъ-то инструментомъ въ рукахъ, показывая на лежащія вблизи камни. Эти камни были покрыты множествомъ именъ и начальныхъ буквъ: дѣло шло о томъ, чтобы насъ обезсмертить такимъ образомъ. Заказавъ по одной буквѣ, мы теперь поняли, что имѣли въ виду преслѣдовавшіе давеча нашу тележку; они думали, что мы подъѣдемъ прямо къ горѣ и спѣшили прежде другихъ предложить намъ свои услуги. Существованіе здѣсь этой промышленности, такъ какъ и большое число надписей на горѣ, показываетъ, что Авасакса посѣщается довольно много. Мы слышали однако-жъ, что въ послѣдніе годы здѣсь было менѣе путешественниковъ, нежели въ прежнее время. Бывало, сюда пріѣзжали нерѣдко и Англичане, о которыхъ въ окрестностяхъ сохранилось нѣсколько забавныхъ анекдотовъ. Вотъ одинъ для примѣра. Съ вечера Джонъ Буль легъ спать и отдалъ лакею приказаніе, чтобы тотъ разбудилъ его въ полночь, если солнце будетъ видно. Лакей былъ человѣкъ аккуратный и въ назначенное время явился съ докладомъ. Но Англичанинъ, довольный своимъ положеніемъ, только повернулся на постели и сказалъ слугѣ: «ну, хорошо: поди же на гору, посмотри за меня;» потомъ опять отворотился и снова

заснулъ. — Намъ сказывали въ дорогѣ, что нынче въ Торнео ожидаютъ изъ Стокгольма пароходъ съ пассажирами, собирающимися на Авасаксу. Однако-жъ никого не было видно, кромѣ барона Любекера, Улеоборгскаго общества, семейства судьи, трехъ молодыхъ людей изъ дома пробста Кастрена, да группы крестьянъ и нарядныхъ крестьянокъ, весело расположившейся на возвышеніи близъ пламени. Единственныя двѣ дамы принадлежали къ обществу судьи. Приѣзжіе изъ Улеборга, запасшись водою и виномъ, потчевали остальныхъ дымящимися стаканами.

Названіе Авасаксы не имѣетъ значенія на Финскомъ языкѣ и потому трудно объяснить происхожденіе этого имени. Видъ съ вершины обширенъ и разнообразенъ: его составляютъ горы, разбросанныя въ различномъ отдаленіи отъ зрителя и живописно выступающія одна изъ-за другой; нѣсколько гейматовъ; рѣка Торнео со впадающею въ нее Тенкели и четыре озера. Имена ихъ (Portima, Aita, Särki, Soukula и Oriljärvi) продиктовалъ мнѣ одинъ изъ крестьянъ, высѣкавшихъ надписи на камняхъ. Я обходилъ гору съ разныхъ сторонъ и мѣстами встрѣчалъ крутыя стремнины. Съ западнаго края у самой подошвы протекаетъ Торнео: лодка, пересѣкавшая черезъ рѣку съ Шведскаго берега, казалась ползущимъ наѣкомъ. Желая унести съ Авасаксы какое-нибудь воспоминаніе, я нарвалъ

иѣсколько бѣлыхъ цвѣточковъ (*trientalis europæa*), которые какъ звѣздочки выглядывали всюду изъ-подъ вереска и черничныхъ листочковъ.

Между тѣмъ общество наше иѣсколько увеличилось. Мы увидѣли вдругъ четырехъ молодыхъ людей, щегольски и почти одинаково одѣтыхъ, въ свѣтло-сѣрыхъ, сверху выпуклыхъ шляпахъ съ широкими полями. Вскорѣ узнали мы, что это Шведы, въ тотъ же день прибывшіе на пароходѣ въ Хапаранду, и что старшій изъ нихъ (прочіе были почти мальчики)—магистръ Хаммаргрѣнъ. Вслѣдъ за ними явился еще одинъ пассажиръ того же парохода, Нѣмецкій купецъ К. Всѣ были изъ Стокгольма.

Уже мы вовсе не надѣялись увидѣть солнца. Но оно какъ будто ожидало только той минуты, когда появленіе его именно нужно было для оправданія вѣры въ его невидимое присутствіе. Внезапно раздвинулось облако, будто раздралась завѣса, и засіялъ полный, изкрасна золотистый кругъ, яркій, но безъ лучей. Я посмотрѣлъ на часы: было ровно двѣнадцать. Долго и непрерывно глядѣлъ я на величественное свѣтло, и глазъ безъ труда выносилъ его блескъ. Оно стояло надъ горизонтомъ, какъ казалось, на высотѣ одного своего діаметра и, по видимому, оставалось иѣсколько времени совершенно неподвижно. Около половины перваго часа опять нашли тучи и солнце исчезло. Краткое время пре-

быванія солнца на одной высотѣ замѣняетъ здѣсь ночь: тогда природа отдыхаетъ и съ нею всѣ твари на мигъ предаются покою. Но едва царь свѣта вновь начнетъ свое восхожденіе, все оживляется: выпархиваютъ птички изъ лиственныхъ пріютовъ и радостными звуками славятъ непрерывное присутствіе благотворнаго дня.

Цѣль посѣтителей была достигнута. Когда и прилежные гравёры окончили свое дѣло, общество начало мало по малу расходиться. Многіе передъ уходомъ вспомнили небольшой столбъ, стоящій на вершинѣ Авасаксы съ жестянымъ ящикомъ и надписью: *для бѣдныхъ*. Мы удалились послѣ всѣхъ. Молодой магистръ, узнавъ, что въ обществѣ находится докторъ Лепротъ, извѣстный ему по наслышкѣ, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и, съ любопытствомъ освѣдомляясь о предметахъ его дѣятельности, показалъ довольно рѣдкое въ Швеціи знакомство съ движеніемъ новѣйшей Финской литературы. Едва мы простились съ магистромъ и его товарищами, какъ солнце показалось вновь; но уже былъ часъ, и мы, не чувствуя охоты послѣдовать его примѣру, рѣшились по обыкновенію лечь отдохнуть.

Уже не нуждаясь въ проводникѣ, мы прежнимъ путемъ сошли съ Авасаксы и воротились въ Ханпуккалу. Здѣсь, по распоряженію любезнаго судьи, намъ была приготовлена компата, которую самъ

онъ занималъ прежде, но теперь предоставилъ намъ, переселившись со своимъ семействомъ въ просторную избу. Какъ ни поздно было, однако-жъ мы уступили потребности подкрѣпить себя пищею послѣ необыкновенной прогулки, и простой, сельскій ужинъ показался намъ вкусомъ самыхъ роскошныхъ яствъ. Ячный хлѣбъ, какого намъ подали, былъ для меня новостью. Этотъ такъ называемый «*rieska leipä*» (ф. прѣсный хлѣбъ) преимущественно употребляется простымъ народомъ здѣшняго края, гдѣ вообще мало сѣютъ ржи. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне ѣдятъ мягкій ржаный хлѣбъ, который, для отличія отъ общеупотребительнаго крѣпкаго, называется *perch leipä* (ф. людской хлѣбъ). Простой народъ сушитъ свой хлѣбъ только въ нѣкоторыхъ областяхъ Южной Финляндіи.

Обыкновенно проѣзжающіе по мѣстамъ отдаленнымъ и скуднымъ запасаются пищею всякаго рода. Съ нами нѣтъ никакихъ съѣстныхъ припасовъ, и мы еще ни разу не сожалѣли о томъ. Напротивъ, взявъ за правило не ѣсть въ дорогѣ болѣе двухъ разъ въ день, и потому всегда принося къ столу самый исправный аппетитъ, мы чувствуемъ отъ кушанья, подаваемого на станціяхъ, величайшую пользу для здоровья. Когда мы спускались съ Ава-саксы, докторъ Ленротъ справедливо замѣтилъ, что противъ такого образа жизни, какой мы теперь ведемъ, не устояли бы никакіе недуги изнѣженнаго го-

рожанина, если-бъ только онъ рѣшился, такъ какъ мы, лазить по горамъ и довольствоваться крестьянскою пищею.

21.

Станція Хирстіѳ (Hirstiö), въ 20 верстахъ по сѣю сторону Авасахсы, 13-го Іюня.

Лапландская дѣвочка — содержаніе оленей — черта жестокости — Лапландцы — польза оленя — Лапландскіе сани — рецензѣи доктора Л. — отъѣздъ изъ Ханнукалы — обѣдъ у пробста Кастрена — Берлинскій профессоръ — рыбная ловля — земледѣліе — народъ — ярмарка — сношенія пограничныхъ жителей.

На другое утро добрый судья, угощая насъ завтракомъ изъ своего дорожнаго запаса, разсказалъ намъ, какъ, при сходѣ съ горы, его обогнала одна Лапландская дѣвочка, которая какъ серна неслась съ удивительною быстротою, огромными прыжками съ камня на камень. Зимой около Торнео сообщеніе по глубокимъ снѣгамъ было бы невозможно безъ оленей, и потому здѣшніе крестьяне держатъ цѣлыя стада ихъ; а пастухами служатъ имъ Лапландцы, которыхъ они для этого нанимаютъ цѣлыми семействами. Плата состоитъ въ хлѣбѣ, въ маслѣ, въ правѣ пользоваться молокомъ оленей

и сыромъ, изъ него приготовляемымъ, который Лапландцы частью обращаютъ въ продажу. Вотъ какимъ образомъ попала сюда и дѣвочка, изумившая г-на Тиккандера своимъ проворствомъ. Мать ея съ нею, и рассказывала, какъ, лѣтъ 30 тому назадъ, какой-то путешественникъ уговорилъ ее, еще молодую, и ея мужа ѣхать съ нимъ за границу, и какъ онъ тамъ, въ Германіи, намѣренъ былъ посадить ихъ въ клѣтку, чтобы показывать за деньги. Къ счастью, нашлись люди, которые, съ негодованіемъ узнавъ о его корыстолюбіи и жестокости, успѣли доставить несчастной четѣ возможность воротиться на родину.

Замѣчательно, что жилища Лапландцевъ съ теченіемъ времени постепенно рѣдѣютъ съ южной стороны, между тѣмъ какъ Финны въ той же мѣрѣ подвигаются далѣе и далѣе на сѣверъ. Тамъ не рѣдко ищутъ убѣжища преслѣдуемые закономъ; но потомство ихъ составляетъ хорошее народонаселеніе. Въ Сѣверной Норвегіи, до которой это наиболѣе относится, такъ много Финновъ, что тамъ Лапландскіе пасторы не могутъ обойтись безъ знанія Финскаго языка. Довольно вѣроятно, что нѣкогда Лапландцы совершенно исчезнутъ какъ народъ и будутъ только пасти оленей въ услуженіи у Финновъ. При всей видимой скудости существованія Лапландца, онъ ведетъ жизнь спокойную, не зная никакихъ заботъ, кромѣ пазора за своими оленя-

ми. II не надобно вообразать, будто страна его — голая пустыня: у него есть лѣсъ, часто и близко отъ его жилищъ, только что растительность приходитъ очень медленно. — Здѣсь, въ краю около Торнео, оленей держатъ не только для ѣзды, но и для употребленія мяса ихъ въ пищу, а кожи на мѣха. Оленьи окорока и языки, какъ сырые, такъ и копченые, пользуются значительнымъ сбытомъ. Удобство оленя для ѣзды по снѣгамъ заключается не только въ легкости и быстротѣ его, но и въ устройствѣ копытъ его, которое не позволяетъ ногѣ глубоко погружаться въ снѣгъ.

Сани у Лапландцевъ двоякія: одни употребляются для перевоза клажи, другія — собственно для ѣзды. Последніе (pulka) похожи на башмакъ: ноги сѣдока помещаются въ тѣсномъ, закрытомъ пространствѣ, а туловище торчитъ изъ отверстія. Въ рукахъ ѣдущаго одна только возжа, которую онъ перекидываетъ черезъ оленя, то на одну сторону, то на другую, смотря по надобности, для указанія ему направленія. Проводникъ ѣдетъ такимъ-же образомъ впереди.

Любопытно было бы взглянуть на оленье стадо, принадлежащее кому нибудь изъ здѣшнихъ крестьянъ; но такъ какъ до мѣста, гдѣ можно увидѣть его въ лѣсу, было довольно далеко, а мы должны были рассчитывать свое время, то и отказались отъ этого удовольствія.

Пока мы готовились ѣхать, къ доктору Лепроту приходили изъ окрестностей больные крестьяне и крестьянки за совѣтами. Онъ привыкъ къ такимъ посѣщеніямъ на станціяхъ, гдѣ проѣзжаетъ, и здѣсь съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ раздавалъ рецепты. Изъ благодарности хозяева, при отъѣздѣ нашемъ, не приняли отъ насъ никакой платы, и мы, какъ водится, у каждаго изъ нихъ дружески пожали руку за гостепріимство. Хозяйка сказала намъ при прощаніи, что она сестра того капитана Юпеліуса, который въ 1819-мъ году былъ кормщикомъ Императора Александра на бурномъ озерѣ Улео, о чемъ я вскорѣ надѣюсь имѣть случай упомянуть подробно.

Хозяинъ взялся отвезти насъ назадъ до первой станціи (Юрвы) на собственной лошади. На его маленькой двухколесной тележкѣ не было особой скамьи, какая устроена на станціонныхъ повозкахъ, и мы должны были сидѣть, свѣсивъ ноги впередъ къ хвосту его прыткой лошади. Хозяинъ то шелъ, то сидѣлъ сзади насъ, смотря по свойству дороги, которой большая часть еще такъ нова, что не позволяетъ ѣхать слишкомъ скоро. Въ Юрвѣ, поправивъ нашъ туалетъ, немного разстроившійся отъ такой оригинальной ѣзды, мы отправились къ пробсту Кастрену. Уже было болѣе двухъ часовъ, но обѣдня недавно отошла и насъ еще ждали къ столу. Вскорѣ послѣ обѣда, за которымъ не было

пасторши и дочери ея, мы опять увидѣлись здѣсь съ судьею, также прїѣхавшимъ съ Авасаксы. Въ Юрвѣ узнали мы давеча, что на одномъ изъ сосѣднихъ гейматовъ остановился какой-то иностранецъ съ дамами. Въ предположеніи, что онъ, не зная Финскаго языка, можетъ находиться въ затрудненіи, мы рѣшились пойти цѣлымъ обществомъ навѣстить его. На дворѣ геймата стояла высокая коляска довольно древняго фасона. Въ комнатѣ, куда мы вошли, сидѣли за столомъ, передъ блюдомъ каши, высокій сѣдой мушкетеръ и двѣ дамы: одна, какъ мы вскорѣ узнали, была дочь его, а другая—Англичанка не первой уже молодости. Сопровождавшій ихъ мушкетеръ былъ Германскій профессоръ К*. Онъ также хотѣлъ взглянуть на беззакатное солнце и ѣхалъ изъ Стокгольма, гдѣ участвовалъ въ засѣданіи общества трезвости. Противъ чаянія нашего, свѣдѣнія, которыми мы хотѣли ему услужить, повидимому не очень интересовали его. Вѣроятно, однако-жъ, онъ доволенъ былъ свиданіемъ съ нами, потому что оно доставило ему возможность извлечь изъ своего путешествія важное географическое открытіе: онъ услышалъ отъ насъ о существованіи въ Финляндіи нѣкоего города, по имени Гельзингфорса, и нѣкоего въ немъ университета; что безъ встрѣчи съ нами, можетъ быть, до гробовой доски оставалось бы для него тайною. Диковинное имя этого города

вмѣстѣ съ нашими внесено было, по желанію профессора, *четкими буквами* въ его записную книжку, и потому, конечно, не будетъ забыто. Мы узнали послѣ, что при ученомъ путешественникѣ былъ человѣкъ, который могъ служить ему переводчикомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, и, безъ сомнѣнія, въ крайности умѣлъ бы также привести въ ясность, какъ называется главный городъ края, гдѣ странствовалъ его просвѣщенный господинъ.

Мы провели часть вечера за трубкою, тостами и чаемъ въ кабинетѣ пробста, и я слышалъ тутъ нѣсколько любопытныхъ мѣстныхъ подробностей. Ловля лососины и сходной съ нею таймы составляетъ принадлежность казны и отдается на откупъ крестьянамъ. Она производится посредствомъ заколовъ (забоевъ); собираясь вынимать рыбу изъ загородокъ, ее напередъ убиваютъ сквозь круглое отверстіе ударами багра и потомъ почти всю солятъ въ запасъ. Въ каждомъ заколѣ участвуютъ многіе, но доли всѣхъ солятъ вмѣстѣ, безъ раздѣла, и расчетъ дѣлается уже по продажѣ бочекъ гуртомъ. Вотъ почему на мѣстѣ не охотно продаютъ эту рыбу въ розницу, и чтобы не терпѣть въ ней недостатка, надобно имѣть часть въ заколѣ. Тайма* ловится особенно осенью и по вкусу считается ниже лососины. Въ нынѣшнемъ году той и

* Или собственно таймень (*salmo taimen*), рыба, свойственная также Сибирскимъ рѣкамъ.

другой такъ мало, что арендаторы боятся быть въ накладѣ.

Рыбная ловля составляетъ впрочемъ, какъ уже было замѣчено, промыслъ только побочный; главный же — земледѣліе, которое вообще въ хорошемъ состояніи и постепенно все совершенствуется. Болѣе всего сѣютъ ячмень; овса вовсе нѣтъ. Восемь лѣтъ сряду были неурожай, но на послѣдніе годы нельзя было жаловаться; нынче здѣсь и помину нѣтъ о той нуждѣ, какую претерпѣваютъ болѣе южныя области края.*

Плодовыхъ деревьевъ нѣтъ не только здѣсь, но и въ Улеоборгѣ, даже въ Куопіо. Вѣроятно впрочемъ, что, при болѣе старательномъ ухаживаніи за ними, можно бы здѣсь разводить съ успѣхомъ по крайней мѣрѣ яблоки.

Народъ вообще одаренъ хорошими способностями ума: довольно сложныя вычисленія производятъ опъ въ головѣ вѣриѣ, нежели шой землемѣръ на бумагѣ. Довольство пораждаетъ роскошь, которая примѣтно усиливается. Близъ церкви Алькулы бываетъ ярмарка, и главный торгъ состоитъ

* Подробное описаніе Сѣверной Финляндіи въ хозяйственномъ отношеніи можно найти въ 3-мъ томѣ записокъ Финляндскаго Экономическаго Общества, изд. въ Або 1819, въ статьѣ: «Oesonomiska Anteckningar rörande norra delen af Uleåborgs Län etc., af H. Deutsch.»—Сюда же относятся два особо изданныя описанія Кемской Лапландіи, одно Вагенберга (Стокг. 1804), другое Шёгрена (Гельзингф. 1828).

въ предметахъ прихоти. Къ обѣднѣ являются красавицы, щегольски одѣтыя по ихъ состоянію, въ шелковыхъ платочкахъ и такихъ же перчаткахъ. Отмѣна ярмарки едва ли бы послужила къ уменьшенію этой роскоши, пока на Шведской сторонѣ бываетъ подобная же ярмарка еще въ большемъ размѣрѣ. Противуположный берегъ рѣки Торнео населяютъ также Финны, съ которыми здѣшніе жители свободно могутъ производить сношенія. Для предупрежденія провоза контрабанды, нашъ берегъ объѣзжаютъ казаки и земскій фискаль, котораго мы также видѣли у пробста. Муку здѣшніе крестьяне часто покупаютъ на Шведской сторонѣ. Отъ этихъ сообщеній происходитъ, что и по сию сторону Торнео цѣна товарамъ еще опредѣляется Шведскою монетою: 3 далера равняются двумъ нашимъ копѣйкамъ мѣди. Женитьбы между Русскими и Шведскими Финнами не рѣдки въ здѣшнемъ краю. Все это отнесется равнымъ образомъ къ жителямъ городовъ Торнео и Хапаранды.

Не удивительно, что въ Финскій языкъ Верхне-Торнеоскаго прихода вмѣшалось много Шведскихъ стихій. Крестьяне даже стараются пестрить рѣчь свою чуждыми словами, полагая въ томъ признакъ образованности: они употребляютъ, напримѣръ, слова: *profitia* (прибыль), *sinne* (духъ, смыслъ), *religion*. Извѣстно, что Финны въ началѣ слова обыкновенно не могутъ выговаривать двухъ соглас-

ныхъ сряду: здѣшніе жители, желая показать свое превосходство въ этомъ отношеніи, часто вовсе не кстати ставятъ передъ начальною согласною букву *s*. Отъ этого слово получаетъ иногда совершенно новое значеніе и забавнымъ образомъ переименовываетъ смыслъ рѣчи.

Долговѣчность въ этомъ краю есть, повидимому, преимущество жепскаго пола: по крайней мѣрѣ мы на многихъ станціяхъ видѣли старухъ лѣтъ 80-ти и болѣе, но не встрѣтились ни съ однимъ старикомъ такого почтеннаго возраста. Съ этимъ замѣчаніемъ согласны и статистическія показанія.

22.

Станція Хирстіѵ, 13-го Іюня.

Гора Луппіавара — отъѣздъ отъ пастора — ужинъ на станціи — восхожденіе на Гуйтапери — астрономическая экспедиція 1756-го года — остатки подмоетковъ — опять полуполночное солнце.

На Шведскомъ берегу, почти противъ церкви Алькулы, есть огромная скала Луппіавара (*waaga*, Финское областное слово, значитъ *гора*), замѣчательная не только по вышинѣ своей, но и по множеству находящихся въ ней пещеръ. Эти углубленія поражаютъ прихотливою и разнообразною игрою природы, отличающею ихъ. Мы собрались посѣтить

и Луппіавару, привлекающую вниманіе всѣхъ путешественниковъ; но такъ какъ еще продолжался необыкновенно сильный вѣтеръ, а большой лодки не было, то и не могли мы переправиться на ту сторону.

За то мы ходили съ этой станціи на другую, не менѣе замѣчательную гору, отъ которой не отдѣляется насъ рѣка Торнео. И эта гора такъ высока, что съ нея также можно видѣть полуночное солнце. Чтобы отсюда еще разъ взглянуть на него, мы уже часу въ девятомъ вечера оставили насторекій домъ, куда со станціи привели намъ лошадь и тележку. Проѣхавъ небольшое разстояніе, мы, по совѣту пробста Кастрена, обратили вниманіе на гору, лежащую влѣво отъ дороги: съ вершины ея изъ маленькаго озера течетъ рѣчка, на которой по скату горы устроено на незначительномъ пространствѣ не менѣе восемнадцати водяныхъ мельницъ (шв. *sqvaltor*).

Пріѣхавъ сюда, на станцію Хирстіо, мы прежде всего сочли нужнымъ подкрѣпить себя на предстоящую прогулку: до вершины горы, куда мы собирались, было версты четыре. Привѣтливая и опрятная хозяйка подала намъ оленьяго окорока, лососины и горячаго молока съ сахаромъ, въ которое, во время кипяченія его, приливо было немного Французскаго вина (ф. *ranskaviiina*); отъ чего въ этой смѣси образовался на днѣ родъ творогу. Это

показалось намъ очень удачнымъ видоизмѣненіемъ болѣе обыкновеннаго, но также вкуснаго Финскаго кушанья, въ которомъ, вмѣсто вина, кислое молоко примѣшано къ прѣсному при первомъ его кипѣніи, и гдѣ также образуется творогъ: смѣсь эта называется *riimän juoksutus* (свернувшееся молоко).

Гора, на которую послѣ ужина мы пошли съ проводникомъ, называется *Guittaneri*; въ этихъ звукахъ, вѣроятно, скрывается испорченное Шведское названіе *Hvitaberg* (бѣлая гора), которое гора могла получить потому, что на ней мѣстами растетъ бѣлая брусника. Въ этотъ вечеръ небо было совершенно чисто и солнце не скрывалось за тучи, но, въ ожиданіи полуночи, мы занялись другимъ предметомъ. Съ горою этою соединяется еще особенная примѣчательность: она достопамятна въ исторіи науки. На ея вершинѣ, 110 лѣтъ тому назадъ, производила свои наблюденія извѣстная Французская экспедиція, снаряженная подъ начальствомъ Мопертюи (*Mauvertuis*) для точнѣйшаго опредѣленія формы земли. Наблюдатели устроили здѣсь въ то время подмости, которыхъ остатки до сихъ поръ видны во множествѣ деревянныхъ обломковъ и щепокъ, мѣстами покрывающихъ вершину горы, — сѣрыхъ, полусогнутыхъ. Я выбралъ изъ нихъ нѣсколько кусковъ, со слѣдами вбитыхъ гвоздей, чтобы порадовать знакомаго математика — антикварія

такими, какъ миѣ казалось, драгоценными для него предметами. Между тѣмъ проводникъ усердно рылся въ разбросанныхъ щепкахъ, чтобы отыскать хоть одинъ какой нибудь гвоздь; но какъ онъ ни трудился, то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, старанія его были тщетны.* Настала полночь, и мы все вниманіе опять обратили на солнце: оно видно было почти во всей своей полнотѣ; только малая часть его была подъ горизонтомъ. Гуйтапери ниже Авасаксы и отличается бѣльшею дикостью, состоя почти вся изъ голаго камня. Сходя съ горы по югозападному крутому скату ея, мы увидѣли открытую, просторную пещеру подъ навѣсомъ огромныхъ, будто готовыхъ обрушиться утесовъ. Одинъ изъ нихъ страшнымъ клиномъ вдавился между двумя другими. Проводникъ не умѣлъ объяснить намъ, отъ чего эта пещера прозвана *Королевскою палатою* (kuninkaap kamari).

* Мопертюи оставилъ любопытныя записки о своей жизни: въ нихъ рассказывается, между прочимъ, одно замѣчательное обстоятельство, относящееся къ пребыванію Французскаго астронома въ Лапландскомъ краю. Находясь однажды въ Торнеоской церкви, онъ такъ былъ очарованъ какою-то молодою крестьялкою, что послѣ уговорилъ ее ѣхать съ нимъ во Францію, и она долго удивляла весь Парижъ своею красотою.

ОТДѢЛЪ V.

ТОРНЕО И УЛЕОБОРГЪ.

23.

ТОРНЕО, 14-го Іюня.

Безкорыстіе народа — медовѣжій мѣхъ — извѣстія о городѣ — успѣхи хлѣбопашества — климатъ — благосостояніе крестьянъ около Торнео — тесъ и дрова — Русскій приходъ — Хапаранда — характеристическіе товары — отъѣздъ.

Въ Италіи природа великолѣпна, общество богато разнообразными плодами вѣковъ; но развратъ и нищенство въ народѣ, неопрятность и жадность къ деньгамъ въ гостиницахъ отравляютъ много минутъ у путешествующаго по прекраснѣйшему краю. Здѣсь на Сѣверѣ нѣтъ тѣхъ обильныхъ наслажде-

ній, какія представляет блестящій Югъ, но отсутствіе ихъ вознаграждается утѣшительнымъ зрѣлищемъ рѣдкаго безкорыстія и честности. На многихъ ужъ стаціяхъ мы замѣтили, что съ насъ берутъ гораздо менѣе, нежели слѣдовало бы по таксѣ, какая въ каждой гостинницѣ виситъ на стѣнѣ. Въ Хирстіо заплатили мы за ужинъ, почлегъ и кофе всего 40 коп. серебромъ, т. е., какъ мы рассчитали, ровно половину того, что назначено въ таксѣ. Для сравненій по этому предмету выписывалъ я въ разныхъ мѣстахъ нѣкоторыя статьи таксы. Вотъ табличка, составленная изъ моихъ выписокъ:

	Между Идеп-сальми и Угес-оборгомъ.	Между Угес-оборгомъ и Торнео.	Торнео и Аванео и Аванео саксою.
	СЕРЕБРОМЪ.		
1 обѣдъ сельскаго кушанья	10 к.	9 к.	17 к.
1 чарка водки	3	2	3-1 1/2
1 фунтъ масла коровьяго	10	10	12
1 фунтъ провялой говядины	5	4	4
1 фунтъ сушеннаго ржаннаго хлѣба ..	3	4	4
1 чашка кофе	2	1 1/2	4
За почлегъ для одной особы, съ постелью	8	5	12

На стаціи Юпти висѣлъ въ избѣ огромный медвѣжій мѣхъ, недавно еще снятый со звѣря. Молодая хозяйка предложила мнѣ купить его за 12 рублей серебромъ, однако-жъ безъ труда согласилась взять только 10, и мѣхъ поѣхалъ съ нами. Улеоборгскіе купцы, прежде насъ предлагавшіе за него только 30 рублей ассигнаціями, находятъ однако-жъ, что заплачено недорого; впрочемъ надобно прибавить, что онъ не очень шерстистъ и не совсѣмъ черенъ.

Прибывъ сюда, мы встрѣтили на дворѣ стаціи, гдѣ остановились, Гельзингфорскаго литератора, магистра философіи Гренблада, который съ двумя родственниками ѣдетъ берегомъ въ Швецію, гдѣ онъ намѣренъ заняться историческими розысканіями въ архивахъ. Мы спѣшили ознакомиться съ городомъ и его окрестностями. Докторъ Эрстремъ, живущій на другомъ берегу рѣки, охотно согласился быть нашимъ путеводителемъ.

Торнео — маленькій городокъ съ красными домиками, какими отличаются старинные Шведскіе города, съ улицами, на которыхъ растетъ трава. Въ старину онъ былъ значительенъ по торговлѣ съ Стокгольмомъ, куда доставлялъ особенно много масла и рыбы. Мнѣ рассказывали даже, что его нѣкогда называли маленькимъ Стокгольмомъ, и что когда онъ сгорѣлъ въ 1762-мъ году, то, для построенія въ немъ новой церкви, Стокгольмскія да-

мы пожертвовали множествомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, и эти драгоценности вошли частию въ составъ колоколовъ, которые будто-бы какою-то особенною звонкостію до сихъ поръ напоминаютъ о своемъ благородномъ пропсхожденіи.

1845-го года въ Торнео было не болѣе 550 жителей. Вывозъ изъ него ограничивается малымъ количествомъ смолы и досокъ. Вывозъ масла въ Швецію обложень теперь высокою пошлиною, но составлялъ прежде важный источникъ доходовъ, потому что тамъ цѣны на этотъ предметъ высоки: за лесундъ ($\frac{1}{2}$ пуда) платятъ 7—10—12 риксдалеровъ (1 риксд. = 1 руб. 20 коп. мѣдью, по среднему курсу). Число же коровъ на шномъ гейматѣ простирается отъ 20 до 30 штукъ. Не менѣе выгодна была и продажа соленой лососины въ Швецію, гдѣ за бочку этой рыбы можно получить отъ 40 до 60 риксдалеровъ; а такъ какъ шному удастся наловить ея бочекъ 40, то доходъ его съ одной этой статьи могъ-бы составлять около 2400 риксдалеровъ.

Хлѣбопашество около Торнео сдѣлало въ послѣднія десятилѣтія успѣхи значительные: нынче оно уже вообще въ хорошемъ состояніи, а еще въ 1810-мъ году не было здѣсь много земледѣльческаго орудія, кромѣ заступа. Къ такой благодѣтельной перемѣнѣ много содѣйствовало здѣсь оконченное уже общее межеваніе, которое должно обнять

всю Финляндію и уже давно въ ней производится, но до многихъ мѣстъ еще не дошло. Здѣсь вовсе еще не видно пожогъ: *пала* допускается только въ Карелии и Саволакѣ, гдѣ она необходима по бесплодію каменистой почвы.* Начавшаяся здѣсь въ повѣйшее время осушка болотъ обѣщаетъ земледѣлію болѣе и болѣе успѣховъ. Въ отношеніи къ климату, Торнео мало отличается отъ мѣстъ, въ серединѣ Финляндіи находящихся, напримѣръ отъ Куопіо. Растительность въ здѣшнемъ краю вообще хороша. Обиліе свѣта въ лѣтніе мѣсяцы совершенно вознаграждаетъ за кратковременность лѣта: пшеница въ шесть созрѣваетъ хлѣбъ, и уже теперь встрѣчаются, хотя изрѣдка, колосья, которые цвѣтутъ. Въ зимнее время отяготительно непомѣрное множество снѣгу, котораго въ Финляндіи бо-

* *Пала*, т. е. выжиганіе лѣсистыхъ участковъ земли для обращенія ихъ въ пашни, распространена въ сильной мѣрѣ особенно около Нейшлота. Тамъ съ большой дороги часто видно въ полѣ пламя; полунагая старуха съ ребятишками перетаскиваетъ горящія сучья съ мѣста на мѣсто; кругомъ все пусто; глухая дичь, лѣсъ, камни, вѣтеръ и дымъ, среди котораго съ развѣвающимися волосами, съ законѣлымъ лицомъ движется будто Шекспировская вѣдьма! Черезъ 15 — 20 лѣтъ по истребленіи такимъ образомъ хвойнаго лѣсу растетъ на мѣстѣ его уже довольно высокій лиственный лѣсъ, который тогда снова выжигаютъ, — и даже предпочтительно передъ хвойнымъ. Лѣсъ, выжженный разъ пять, обыкновенно превращается наконецъ въ ольховый, и тучная трава растетъ на почвѣ его. Въ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ пала, старый лѣсъ составляетъ рѣдкость.

лѣе всего не на самомъ крайнемъ сѣверѣ, а въ мѣстахъ средней широты.

Приходъ Торнескій, по общему благосостоянію и правамъ крестьянъ, есть одинъ изъ первыхъ въ цѣлой Финляндіи. Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ признаковъ этого можетъ служить то, что мы нигдѣ въ здѣшней сторонѣ не встрѣчали нищихъ (но мы близъ церкви Алькумы встрѣтили *нѣднаго* старика). Охота строиться просторно и удобно еще и здѣсь замѣтна между сельскими жителями, хотя бревна получаютъ не ближе, какъ въ 120-ти верстахъ отсюда. Вообще лѣсу вокругъ мало; за дровами надобно ѣздить 60 верстъ; сажень березовыхъ стоитъ среднею мѣрою 4 руб. ассигнаціями,—цѣна, которая здѣсь считается довольно высокою.

Въ Торнео есть, сверхъ Лютеранской, и Русская церковь, къ которой принадлежитъ съ небольшимъ 40 человѣкъ прихожанъ, по большей части козаковъ, составляющихъ таможенную стражу. Здѣсь есть также элементарная школа, гдѣ до 30 учениковъ.

При перевозѣ изъ Торнео въ Хапаранду устроена застава, но жители могутъ свободно во всякое время отправляться по своимъ надобностямъ изъ одного города въ другой. Близость и легкость сообщенія соединяетъ оба берега отношеніями знакомства, пріязни и родства.

Названіе Хапаранда Финское и значитъ *осиновый берегъ*.^{*} Городу этому едва минуло двадцать лѣтъ, и своимъ свѣжимъ видомъ (въ немъ только два старыхъ строенія) онъ рѣзко отличается отъ Торнео, хотя до сихъ поръ менѣе его и по количеству домовъ и по народонаселенію: въ Хапарандѣ только 300 жителей съ небольшимъ; но въ тамошней школѣ до 60 учениковъ (тогда какъ въ Торнеоской ихъ 30). Такая несоразмѣрность числа учащихъ въ этихъ двухъ городахъ зависитъ отъ того, что въ школѣ Хапаранды (шв. *trivial-skola*) проходится болѣе обширный курсъ, и она принадлежитъ къ высшему разряду элементарныхъ училищъ.

Людямъ, временно находящимся въ Торнео, запрещено, подѣ опасніемъ высокаго денежнаго штрафа, переѣзжать безъ пашпорта въ Хапаранду, и говорятъ, что таможенные чиновники въ этомъ Шведскомъ городѣ вовсе не отличаются снисходительностію или даже вѣжливостію въ отношеніи къ посѣщающимъ его.

Въ Торнео есть нѣсколько характеристическихъ товаровъ, которыми я желалъ запастись передъ отъѣздомъ. Особенные крестьянскіе сапоги, приготовляемые изъ коровьей кожи, мягкіе, непромокаемые и чрезвычайно прочные, съ приподнятыми къверху, заостренными концами, составляютъ общую

^{*} Хапаранда иначе называется городомъ Карла Іоанна.

потребность народа во всей Сѣверной Финляндіи, но приготавливаются лучше всего въ Торнео.* Они по-фински называются *Pieksu kengät*. Здѣсь же продаются** тонкія шкурки молодаго оленя для приготвленія перчатокъ, извѣстныхъ подъ именемъ Шведскихъ.

Конечные оленьи языки и окорокъ довольно вкусны и держатся чрезвычайно долго, даже въ порядочно теплой температурѣ (окорокъ и пара языковъ стоятъ не болѣе 3 рублей 20 копѣекъ мѣдыю). Небольшіе оленьи мѣха (штука по 2 руб. 50 коп.— 3 руб. мѣдыю) кладутся подъ ноги въ сапи.

Всѣ эти товары принесены были по распоряженію хозяйки на станцію, когда мы воротились туда съ завтрака, бывшаго у г-на Вальденса, управляющаго таможенною. Здѣсь мы видѣли, между прочимъ, почтеннаго судью Экстрема, живущаго 100 верстъ къ сѣверу отъ Торнео въ капеллѣ Тúrтолѣ. Говорятъ, что семейство и домъ его поражаютъ путешественника образованностію и пріятностями, необыкновенными въ мѣстахъ столь отдаленныхъ. Въ главной комнатѣ станціонной гостиницы Торнео стоитъ бильярдъ. Здѣсь устроенъ родъ шинка; но, получивъ компату въ верхнемъ этажѣ, мы не чувствовали отъ того неудобствъ.

* У Орстрема; они стоятъ по пѣлковому паре. Подобные сапоги носятъ крестьянинъ и въ Карелии.

** У Лундмарка.

Мы желали бы остаться здѣсь нѣсколько долѣе, но пора назадъ въ Улеоборгъ; иначе не успѣемъ на приглашеніе въ Лимпнго.

24.

Паппила (пасторскій домъ) Кеми, 14-го Іюня.

Вакантный пасторатъ — зажиточность крестьянъ — рыбная ловля — приходы Рованьеми и Кусамо — скотоводство на Сѣверѣ — цѣптокъ.

Здѣсь, не доѣзжая рѣки Кеми, остановились мы, чтобы навѣстить пастора Кастрѣна. Старый пробствъ тамошней церкви (по имени также Кастрѣнъ, какъ будто на Сѣверѣ Финляндіи всѣ пасторы должны носить эту фамилію) не такъ давно умеръ, и мѣсто его покуда занимаетъ викарій; но доходы съ этого пастората, какъ вакантнаго, обращаются, по общему правилу, въ пользу Гельсингфорскаго университета. Угодья такихъ пасторатовъ университетъ съ публичныхъ торговъ отдастъ на аренду, и пасторскія земли въ Кеми находятся нынѣ въ рукахъ крестьянъ этого прихода, какъ предложившихъ высшую плату (3 тысячи рублей серебромъ или около того). Но виды на урожай въ текущемъ году сомнительны и многіе опасаются, чтобы арен-

даторы не потерпѣли убытка. Впрочемъ этотъ приходъ есть одинъ изъ самыхъ счастливыхъ въ цѣломъ краѣ по зажиточности крестьянъ. Они занимаются особенно торговлею и имѣютъ въ Ботническомъ заливѣ суда, которыя ходятъ даже въ Петербургъ. Рѣка Кеми и другая (ближе къ Улеоборгу впадающая въ море) рѣка Іію такъ изобилуютъ рыбою, что къ берегамъ ихъ пріѣзжаютъ закупать ее рыбаки изъ самаго Петербурга. Они по-своему слегка солятъ лососину здѣсь на мѣстѣ, а потомъ контятъ дома. Сиговъ собираютъ они въ садки; когда же начнутся холода, выбрасываютъ рыбу на берегъ и мерзлую увозятъ въ Россію. Нынче здѣсь есть также двое или трое Русскихъ, пріѣхавшихъ сюда для этого промысла.

Верстахъ во 100 отъ церкви Кеми, вверхъ по теченію рѣки, начинается другой приходъ, Рованіемп, гдѣ крестьяне не менѣе достаточны и живутъ также совершенно по-господски: просторныя, чистыя комнаты ихъ убраны хорошою мебелью; вина, отчасти дорогія, составляютъ обыкновенную принадлежность угощенія. Отличаясь также торговымъ духомъ и разъѣзжая по ярмаркамъ для продажи и покупки товаровъ, они однако-жъ сохраняютъ до сихъ поръ удивительную честность. Рослые и крѣпкіе жители Кеми и Рованіемп, по мнѣнію многихъ, составляютъ особое Финское поколѣніе, что замѣтно и въ языкѣ ихъ.

Къ востоку отъ Кемп, ближе къ Русской границѣ, находится также богатый приходъ Кусамо. Жители его торгуютъ особенно съ сосѣднею Архангельскою губерніею и отличаются отъ крестьянъ Рованіеми малымъ ростомъ, свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и кожи. Они состоятъ на правахъ Лапландцевъ и содержатъ стада ручныхъ оленей, для которыхъ нанимаютъ пастуховъ изъ Лапландіи.

Въ лучшемъ положеніи скотоводство находится въ сѣверныхъ приходахъ: Муоніонпеска, Киттиля, Соданкюля. Жители добываютъ отъ коровъ своихъ такое множество молока, что могутъ ежегодно обращать въ продажу по крайней мѣрѣ 6 лиспундовъ (3 пуда) масла съ cadaго двора, и за лиспундъ получаютъ въ Норвегіи до 18 руб.

Уѣзжая изъ паппилы Кемп, прибавлю для любителей ботаники, что въ окрестностяхъ здѣшней церкви растетъ цвѣтокъ *Orchidium boreale*, котораго нѣсколько экземпляровъ удѣлилъ мнѣ обязательный пасторъ.

25.

Станція Биси, близъ церкви Лѣминго, Воскресенье, 16-го
Іюня.

*Инсталлація пастора — обрядъ и рѣчи — власть пасторовъ —
недостатокъ лѣсу.*

Сегодня происходила *инсталлація* нашего пріятеля, пастора въ Лѣминго. Часовъ въ 7-мъ утра мы выѣхали изъ Улеоборга, куда во-время прибыли вчера вечеромъ. Подъѣзжая къ церкви Лѣминго, мы увидѣли, что у главныхъ ея входовъ стояло множество одноколокъ и другихъ экипажей, и шевелились люди, которые то входили въ церковь, то изъ нея выходили. Оставивъ на этой станціи нашъ экипажъ, мы также пошли въ церковь. Она была такъ полна, что за народомъ вовсе нельзя было видѣть продолжавшагося еще обряда *инсталлаціи*. Слышенъ былъ только трепещущій голосъ старца, пробста Фростеруса, говорившаго предъ алтаремъ въ качествѣ *инсталлатора*. Главная часть обряда — чтеніе символа вѣры самимъ пасторомъ, утверждаемымъ въ должности, — была уже кончена. Когда совершенъ былъ весь обрядъ, въ церкви стало просторнѣе. На кафедру возшелъ капланъ, г-нъ Эймелеусъ, и началъ проповѣдь. Само собою разумѣется, что все про-

исходило на Финскомъ языкѣ. Только въ Южной Остроботніи живутъ по морскому берегу потомки Шведскихъ колонистовъ, въ Сѣверной приходы состоятъ изъ чистыхъ Финновъ. Въ самомъ Торнео Лютеранское богослуженіе всегда бываетъ на Финскомъ языкѣ, и только разъ или два въ годъ пасторъ проповѣдуетъ по-шведски. Тоже наблюдается и въ другихъ маленькихъ городахъ Средней и Сѣверной Финляндіи. Еще не будучи въ состояніи понимать Финскую проповѣдь, отправился я къ пасторскому дому и, не доходя до него, сѣлъ на столбикъ у мостика, проведеннаго черезъ мелкую, мутную рѣчку.* Влѣво видна была станція, вправо шла вдоль берега большая, богатая деревня. Вскорѣ на дорогѣ передо мною начали показываться одна за другою двухколесныя тележки, въ которыхъ крестьяне и крестьянки возвращались домой. Многія одноколки были новы и красивы; бойкая лошадь подъ нарядною сбруей мчалась какъ вѣтеръ, а молодой парень въ синей суконной курткѣ, съ натянутыми возжами въ рукахъ, сидѣлъ по сере-

* Объ этой рѣчкѣ упомянуто въ лѣтописи при описаніи предпріятого Русскими въ 1496-мъ году похода на *Каянію* (Остроботнію). «Сей походъ», говоритъ Карамзинъ: «имѣлъ важнѣйшее слѣдствіе: Князя Ушатые не только разорили всю землю отъ Корелін до Ланландіи, но и присоединили къ Россійскимъ владѣніямъ берега Лименги» (т. е. Лиминго) «ковхъ жители отправили посольство къ Великому Князю въ Москву и дали клятву быть его вѣрноподдавыми.» (П. Г. Р., т. VI, гл. VI).

динѣ на колѣняхъ у двухъ своихъ сосѣдокъ, въ пухъ разряженныхъ. Между тѣмъ приближался къ деревнѣ и пѣшеходы различныхъ званій. Вотъ наконецъ идетъ и добрый спутникъ мой, и рядомъ съ нимъ Улеоборгскій губернаторъ, г-нъ Лагерборгъ, которому я тутъ же былъ въ первый разъ представленъ.

Черезъ полчаса въ домѣ пастора сидѣло за столомъ человѣкъ 50 гостей, и въ числѣ ихъ болѣе 12-ти пасторовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ. Остальные были по большей части Улеоборгскіе жители. Между тѣмъ въ другой половинѣ строенія обѣдало нѣсколько избранныхъ крестьянъ, приглашенныхъ участвовать въ праздникѣ, столь близкомъ для всѣхъ ихъ собратій по приходу.

Послѣ того, какъ губернаторъ въ немногихъ словахъ отвѣчалъ на тостъ и привѣтствіе ему хозяина, въ залу введено было десятеро крестьянъ, и пасторъ сказалъ отъ ихъ имени на Финскомъ языкѣ новую рѣчь губернатору, которая на всѣхъ произвела самое благопріятное впечатлѣніе, какъ по легкости, съ какою говоритъ пасторъ Боргъ, такъ и по трогательному содержанію.

Въ Финляндіи пасторъ есть не только духовный отецъ своихъ прихожанъ: во многихъ случаяхъ на немъ лежатъ, въ отношеніи къ нимъ, и обязанности гражданскихъ властей. Народное благосостояніе въ нѣкоторой степени зависитъ и отъ пасторовъ,

которыхъ дѣятельность по этому не можетъ быть чуждою для управляющаго губерніею, хотя они впрочемъ нисколько не подчинены ему. Часа черезъ два послѣ обѣда хозяинъ пилъ тостъ призванныхъ въ залу крестьянъ; выпивъ свои рюмки пуншу, они стали прощаться, при чемъ пасторъ каждому изъ нихъ ласково пожалъ руку.

Близъ палатки, гдѣ гости потомъ сидѣли передъ своими стаканами и рюмками, видна была за плетнемъ избушка, и возлѣ нея цѣлая стѣна хворосту, назначеннаго, какъ миѣ сказали, служить топливомъ по недостатку дровъ.

Подъ вечеръ многіе изъ гостей стали уѣзжать, другіе располагались ночевать на папплѣ. Боясь употребить во зло гостепріимство хозяина, мой товарищъ и я, часу въ 10-мъ, отправились на эту станцію, и здѣсь мы проведемъ ночь.

26.

Улеоборгъ, 17-го Іюня.

Содержаніе дорогъ — признакъ нравовъ — наружная физіономія города — торговый духъ — число кораблей — главные negociанты — торговля — мѣстоположеніе — гостепріимство.

На другое утро послѣ инсталляціи мы пошли проститься съ пасторомъ и его супругою, и нашли

у нихъ еще много вчерашнихъ гостей. Общему разѣзду предшествовалъ обильный завтракъ.

Ѣдучи въ городъ, обратили мы вниманіе на маленькіе красные столбики, которые безпрестанно попадаются на сторонахъ дороги, иногда очень близко одинъ отъ другаго. Они означаютъ то пространство дороги, какое каждый гейматъ долженъ содержать въ исправности: проведеніе дорогъ и содержаніе ихъ есть въ Финляндіи общая казенная повинность сельскихъ обывателей. Отъ значительности геймата зависитъ величина участка, отмѣреннаго на долю каждаго. Разумѣется также, что чѣмъ болѣе гейматовъ въ уѣздѣ, тѣмъ участки дороги бываютъ меньше и повинность легче. Не удивительно, что здѣсь около Улеоборга столбики разставлены такъ часто. Насъ поразила точность, съ какою при всемъ томъ на каждомъ изъ нихъ помѣщено по три номера: верхній есть цифра самаго столбика по всему уѣзду; а два подъ нимъ находящіеся — номера гейматовъ: одинъ показываетъ конецъ предыдущаго участка, другой — начало слѣдующаго.

Здѣсь не водится между крестьянами кланяться господамъ, проѣзжающимъ по большой дорогѣ. Этотъ обычай, замѣченный мною въ другихъ мѣстахъ, вообще не соблюдается по близости болѣе значительныхъ городовъ. Здѣсь отсутствіе его происходитъ, можетъ быть, и отъ особенностей ха-

рактера жителей Остроботніи: торговый духъ, зажиточность и нѣкоторая, связанная съ нею независимость отъ другихъ сословіи нигдѣ не остаются безъ примѣтнаго вліянія на нравы народа.

Видъ Улеоборга не производитъ выгоднаго впечатлѣнія на въѣжающаго сюда сухимъ путемъ. Правда, улицы прямы и широки, но дома почти всѣ одноэтажные, деревянные. Къ тому же фундаментъ ихъ часто скрывается мостовою, потому что послѣ пожара, истребившаго городъ въ 1822-мъ году, улицы не были предварительно выравнены, и это предпринято только въ недавнемъ времени, когда большая часть домовъ уже была построена. Въ главныхъ улицахъ почти въ каждомъ домѣ видна лавка съ небольшимъ крыльцомъ и дверью на улицу. Это множество лавокъ въ городѣ, гдѣ жителей всего отъ 5-ти до 6-ти тысячъ человѣкъ, служитъ выраженіемъ преобладающаго въ немъ торговаго характера. Здѣсь считается до 70-ти торгующихъ, и у каждаго изъ нихъ по крайней мѣрѣ одна лавка. Число кораблей, принадлежащихъ Улеоборгекому купечеству, простирается до 40, и почти не проходитъ года, въ который бы на здѣшней верфи не было построено двухъ, трехъ купеческихъ судовъ. Самые богатые въ городѣ негоціанты — коммерціи совѣтники Францѣнъ и Бергбомъ. У перваго 12 кораблей, и хотя они не застрахованы, счастіе такъ ему благопріятствуетъ, что у него еще не поги-

бло ни одного судна, тогда какъ между другими Улеоборгскими кунцами, болѣе его осторожными, нѣтъ почти никого, кто бы не потерялъ застрахованнаго корабля. Такъ и молодой Г., съ которымъ мы познакомились на Авасаксѣ и еще незнавшій неудачъ въ торговлѣ, услышалъ при возвращеніи въ Улеоборгъ, что одно изъ судовъ его погибло на южныхъ берегахъ Испаніи.

Впрочемъ съ заграничными мѣстами Улеоборгъ производитъ преимущественно только фрахтовую торговлю. Въ старину онъ былъ несравненно значительнѣе въ торговомъ отношеніи; въ новѣйшія времена Выборгъ заступилъ его мѣсто. Но Улеоборгъ еще сохраняетъ часть своей важности по обширному вывозу досокъ и смолы.

Берегъ Ботническаго залива при Улеоборгѣ такъ мелководенъ, что большія суда должны останавливаться за нѣсколько верстъ отсюда. По этому, а также и въ другихъ отношеніяхъ, было бы, какъ многіе полагаютъ, выгоднѣе, если-бъ послѣ пожара городъ возобновленъ былъ не на южномъ, а на сѣверномъ берегу устья Улео. Это и предполагалось въ то время, но встрѣтило противодѣйствіе со стороны тѣхъ, у кого по сию сторону рѣки были участки земли, съ которыми они не хотѣли разстаться. Въ городѣ до сихъ поръ нѣтъ еще никакого гульбища, и вообще къ украшенію его сдѣлано очень мало. Вотъ почему нѣкоторые упрекаютъ жителей въ ис-

ключительно-торговомъ направленіи и въ недостаткѣ всякой потребности эстетическихъ наслажденій. Какъ бы то ни было, путешественникъ показалъ бы неблагодарность, если-бъ подтвердилъ этотъ упрекъ, потому что всякій прїѣзжій встрѣчаетъ въ Улеоборгѣ рѣдкое гостепріимство и покидаетъ городъ съ самыми пріятными воспоминаніями, хотя обычай ласковыхъ жителей, при всякомъ случаѣ потчевать крѣпкими напитками, не каждому, можетъ быть, придется понутру.

Мы здѣсь живемъ уже около недѣли, но еще не успѣли соскучиться. Каждый вечеръ проводимъ мы у кого нибудь изъ нашихъ знакомыхъ. Къ существеннымъ предметамъ угощенія принадлежитъ трубка. Общую и необходимую мебель составляетъ полукруглый столикъ, обставленный чубуками; изъ нихъ нѣкоторые всегда отличаются особеннымъ щегольствомъ, покрытые шпьемъ изъ разноцвѣтнаго бисера. Вообще въ быту и въ одеждѣ замѣтна здѣсь роскошь, напоминающая, что предметы, служащіе къ удовлетворенію ея, легко получаютъ жителями изъ первыхъ рукъ.

27.

Улеоборгъ, 18-го Іюня.

Прогулка на смольный дворъ — смолевые бочки — магазины — вывозъ смолы — смолевые лодки — промышленность около Улеоборга — дегтярный заводъ — историческая шлюпка.

На дняхъ сдѣлали мы пріятную и поучительную прогулку. Смолевой запахъ, часто замѣчаемый здѣсь на улицахъ, давно уже возбуждалъ въ насъ желаніе увидѣть огромное складочное мѣсто смолы, о которомъ намъ говорили. Въ одно утро мы отправились къ негоціанту Гранбергу и, выпивъ у него бутылку шампанскаго, пошли вмѣстѣ съ нимъ и почтъ — инспекторомъ, г-мъ Угглюю, къ пристани, гдѣ насъ ожидала легкая, уютная шлюпка. Оставивъ за собою строепія таможи, пакгауза и складочныхъ магазиновъ, окружающія пристань, мы поплыли на сѣверъ по Ботническому заливу, миновали слѣва корабельную верфь, справа еще магазины, построенные у пролива, гдѣ пристають мелкія суда, и наконецъ причалили къ острову, покрытому множествомъ смоляныхъ бочекъ. Мѣсто это называется по — шведски *tjärhof* (смольный дворъ). Крестьяне, занимающіеся производствомъ смолы, привозятъ сюда наполненные ею бочки въ лодкахъ, особо для того назначенныхъ

и потому известныхъ подъ именемъ смолевыхъ (tjärbåtar). Посредствомъ блока, бочки (каждая вѣситъ до 9-ти пудовъ) поднимаются на бревенчатый помостъ, устроенный на берегу. Съ сутки остаются онѣ на помостѣ, чтобы можно было испытать, не течетъ ли та или другая; и въ такомъ случаѣ смола посредствомъ желоба уходитъ въ море. Потомъ годныя бочки вкатываются въ широкіе, низенькіе магазины и тамъ складываются рядами въ два яруса. Всѣхъ магазиновъ шесть, и въ каждомъ помѣщается около двухъ тысячъ бочекъ. Бракованныя кладутся особо на заднемъ краю помоста, и изъ нихъ смола сливается въ полубочки. Сюда въ день привозится иногда до 1300 бочекъ; самый значительный привозъ бываетъ въ концѣ лѣта, когда крестьяне освободятся отъ земледѣльческихъ работъ. Такимъ образомъ здѣсь лежитъ по временамъ тысячъ тридцать смолевыхъ бочекъ разомъ. Это огромнѣйшая складка смолы въ Финляндіи и, безъ сомнѣнія, одна изъ значительнѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ. Всего вывозится этого продукта черезъ Улеоборгъ до 55 тысячъ бочекъ въ годъ, наиболѣе въ Англію, гдѣ среднею мѣрою платятъ 14—15 шиллинговъ за бочку. Прежде, особливо въ эпоху могущества Наполеона, вывозъ смолы изъ Улеоборга былъ еще гораздо обширнѣе. Производители ея до сихъ поръ жалуются на худыя времена, наступившія послѣ того, какъ не стало великаго потребителя

смолы, *Пунапарт* (т. е. Бонапарта, что по Фрицскому произношенію значитъ: *рыжая борода*). Иышче вывозъ досокъ втрое значительнѣе смолеваго.

При пась происходило на помостѣ сильное движеніе; со всѣхъ сторонъ шевелились работники, катая и складывая бочки. Мы только жалѣли, что въ нашемъ присутствіи не прибыло ни одной лодки, нагруженной смолою. Однако-жъ мы видѣли у берега двѣ-три пустыя. Каждая бываетъ длиною сажень въ шесть или нѣсколько болѣе; бока у нея очень выгнуты; будучи нагружена, она сидитъ въ водѣ такъ глубоко, что къ обоимъ бортамъ ея, во всю ихъ длину, надобно на то время придѣлывать особыя доски; плотно пришиваемыя къ лодкѣ жидкими березовыми прутьями, онѣ какъ будто составляютъ съ нею одно цѣлое и только отличаются обыкновенно цвѣтомъ болѣе свѣтлымъ. Въ смолевой лодкѣ помѣщается отъ 20-ти до 25-ти бочекъ, изъ которыхъ за каждую производитель получаетъ, среднею мѣрою, по 6½ рублей ассигнаціями. Для надзора за этою промышленностію, на смолянскомъ дворѣ живетъ особый инспекторъ въ построенномъ для него домѣ.

Воротясь въ свою шлюпку, мы выпили по стакану прекраснаго Улеоборгскаго пива, приготовляемаго однимъ поселившимся здѣсь Шведомъ и которое несравненно лучше Гельзингфорскаго. Оно привезено было въ красивой плетеной корзинкѣ, сдѣлан-

ной, какъ мнѣ сказали, крестьянскомъ изъ древесныхъ кореньевъ. По всему замѣтно, что около Улеоборга живетъ народъ промышленный. Во многихъ домахъ видѣлъ я очень удобные и прочныя тростниковые коврики, приготовляемые въ деревнѣ Лумійоки; на улицахъ встрѣчалъ я крестьянокъ, торговавшихъ полотномъ своего издѣлія. Жаль, что сообщеніе между городами Финляндіи еще такъ недостаточно и что различныя области ея не могутъ между собой мѣняться своими произведеніями.

На обратномъ пути мы посѣтили островокъ съ дегтярнымъ заводомъ и корабельною верфью. Когда мы, достигнувъ Улеоборга, опять вышли на пристань, намъ показали здѣсь, между другими строеніями, маленькій домикъ, гдѣ хранится историческая драгоценность. Тамъ стоитъ довольно большая шлюпка, нѣсколько разъ служившая для переправы Императору Александру, когда онъ въ 1819-мъ году путешествовалъ по Остроботніи. На ней, между прочимъ, переправился Государь 19-го Августа (ст. ст.) изъ Улеоборга черезъ рѣку Улео, чтобы ѣхать въ Торнео и въ другой разъ 21-го Августа на обратномъ пути оттуда. Но всего замѣчательнѣе было плаваніе Его на этой шлюпкѣ черезъ бурное озеро Улео, съ которымъ вскорѣ и мы познакомимся. Тогда возобновимъ и воспоминаніе о незабвенной переправѣ Императора. Благо-

даря добротѣ и услужливости консула Хамера, я видѣлъ эту шлюпку, съ судьбою которой нѣкогда связана была на нѣсколько часовъ жизнь Александра, — слѣдовательно и судьба Россіи.

28.

Улеоборгъ, 19-го Іюня.

Обѣдъ у губернатора — прежній губернаторскій домъ — вышина у озморья — рѣка Улео — пороги.

Сегодня мы обѣдали у губернатора, г-на Лагерборга, вмѣстѣ съ коронными фохтами, съѣхавшими сюда изъ всей губерніи для представленія начальнику ея годового отчета о сборѣ податей. Ласковый хозяинъ, предложивъ тостъ за здоровье собравшихся у него подчиненныхъ, изъяснилъ, что удовлетвори-тельный результатъ ихъ донесеній превзошелъ всѣ ожиданія. Начальникъ Улеоборгской губерніи, уже девять лѣтъ занимающій нынѣшнее свое мѣсто, пользуется уваженіемъ и любовью всѣхъ ея жителей; чѣмъ обязанъ онъ необыкновенному знанію края и дѣятельной заботливости о благѣ его, соединенной съ справедливостью и человеколюбіемъ.

Прежде былъ особый губернаторскій домъ на маленькомъ островѣ въ устьѣ Улео. Но, по мысли предшественника нынѣшняго губернатора, домъ

этотъ обращенъ въ лазаретъ, при которомъ есть и небольшое отдѣленіе для умалишенныхъ. Между тѣмъ садикъ, находящійся возлѣ этого дома, остается въ распоряженіи губернатора; здѣсь образованное и милое семейство его проводитъ большую часть лѣтнихъ вечеровъ. Старинный красный домъ лазарета въ Шведское время занятъ былъ винокуреннымъ заводомъ, почему онъ и до сихъ поръ еще извѣстенъ подъ именемъ *Bränneri*.

Послѣ обѣда отправился я на этотъ островокъ, и здѣсь, пройдя мимо лазарета, увидѣлъ на самомъ берегу рѣки Улео довольно высокій деревянный балконъ, очевидно устроенный для того, чтобъ можно было удобнѣе наслаждаться видомъ на окрестности. Въ самомъ дѣлѣ этотъ видъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Впереди въ отдаленіи является взморье, усѣянное островами, и на ближайшемъ изъ нихъ, у самаго города, находится дача коммерціи совѣтника Францена съ садомъ. Но самое любопытное зрѣлище вправо и сзади: здѣсь рѣка, передъ впаденіемъ въ море разбиваясь о пороги, шумитъ и клубится пѣною;* мѣстами перегораживаютъ ее заколы. Теченіе рѣки Улео, составляющее сто верстъ слишкомъ отъ озера того же имени до Ботническаго залива, вообще бурно: она пѣсколько разъ встрѣчаетъ пороги, изъ которыхъ

* Эти пороги при впаденіи рѣки въ море называются *merikoski* (морскіе пороги).

иѣкоторыя очень значительны, какъ по величинѣ своей, такъ и по пространству, ими занимаемому.

Увлеченный въ нихъ неопытный пловецъ неминуемо долженъ погибнуть; но съ помощію искусства плаваніе почти по всѣмъ имъ возможно. При началѣ пороговъ есть лоцманá, съ которыми всякая лодка проходитъ безопасно надъ кипящею пучиной. Такимъ образомъ черезъ пороги перевозятся невредимо цѣлыя клади досокъ и смолевыхъ бочекъ.

Вонъ, повыше пороговъ, на лѣвомъ берегу рѣки, стоитъ хижина, гдѣ живутъ лоцманá; тамъ останавливается лодка и ждетъ, пока искусный кормщикъ сядетъ у руля ея. Вотъ кто-то скользитъ вдалекѣ по поверхности Улео, еще спокойной; не къ порогамъ ли гребетъ онъ? Но онъ проплылъ поперегъ рѣки и скрылся въ другомъ, тихомъ рукавѣ ея.

Долго стоялъ я въ ожиданіи, не увижу ли, какъ лодка пройдетъ черезъ пороги; но сколько ни провозится ежедневно смолы мимо города, теперь какъ нарочно не видно было ни одной лодки.

УЛЕОБОРГЪ, 20-го Іюня.

*Неудачныя прогулки — возвращеніе лодокъ вверхъ по поро-
гамъ — ловля хариусовъ — Англичане въ Финляндіи — исторія
вышки.*

Я ходилъ къ порогамъ еще два раза для той же цѣли, и хотя съ намѣреніемъ выбиралъ разные часы дня, мои прогулки были напрасны. Около часу, въ каждый пріемъ, стоялъ я на вышкѣ, кое-какъ обороняясь зонтикомъ отъ милліоновъ мошекъ, — обыкновеннаго явленія околотоводопадовъ. У ногъ моихъ полощутъ въ рѣкѣ губернаторское бѣлье; позади бѣлѣются колпаки на жилахъ лазарета, гуляющихъ по двору: картина, можетъ быть, имѣющая свою заманчивость, но теперь вовсе не занимающая меня. Все еще вижу я только, какъ опорожненныя лодки, возвращаясь отъ смольнаго двора, тянутся вверхъ по рѣкѣ, даже противъ стремительнаго теченія ея, посреди пороговъ. Тамъ, гдѣ уже нельзя грести, люди выходятъ на берегъ. Къ посу лодки привязывается бечева изъ березовыхъ лозъ, и крестьянинъ, идучи по берегу, тянетъ ее за собою, тогда какъ другой помогаетъ ему, упирая багоръ съ берега же въ передній конецъ лодки.

Въ этихъ порогахъ ловятъ и на удочку много рыбы, особенно *хариусовъ* (*salmo thymallus*). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прїѣзжало сюда двое Англичанъ, которые отличались особеннымъ искусствомъ въ этой ловлѣ. Тутъ вмѣсто червяка насаживаются на крючокъ поддѣльные бабочки съ яркосвѣтящимся перышками. Въ озерахъ вокругъ Нейшлота являлись также Англичане для ловли дикихъ птицъ, и въ народѣ осталось тамъ много рассказовъ объ искусствѣ, съ какимъ они ее производили, часто входя по горло въ воду.

Балконъ, съ котораго любуются на устье Улео, первоначально построенъ былъ въ 1802-мъ году, для путешествовавшаго по Финляндіи Шведскаго короля Густава IV Адольфа. Черезъ 17 лѣтъ стоялъ тутъ, восхищаясь красотами Финляндской природы, Императоръ Александръ. Тогда эта вышка еще состояла только изъ нижней половины; верхняя пристроена въ послѣдствіи, во время посѣщенія Улеоборга бывшимъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи, А. А. Закревскимъ.

30.

Улеоборгъ, 21-го Іюня.

Судоходство черезъ пороги — плата лоцманамъ — несчастные случаи — церковь — Мессеніусъ — гостиница.

Накопецъ сегодня, въ 12 часовъ, я увидѣлъ двѣ лодки, проплывшія одна за другою черезъ пороги. На каждой, по обыкновенію, было только два человека. Они не взяли лоцмана, и, не останавливаясь, пустились въ кипящія волны. Они шли тутъ, какъ казалось, въ совершенно прямомъ направленіи, держась праваго берега рѣки. Сидѣвшій на кормѣ управлялъ длиннымъ, широкимъ рулемъ (потесью); но вотъ приходитъ самое бурное мѣсто: тутъ онъ проворно встаетъ, упирается въ руль всею тяжестью тѣла и съ напряженнымъ вниманіемъ глядитъ на пучину. Бѣлые, клокочущіе валы такъ и хлещутъ со всѣхъ сторонъ, иногда влетая въ самую лодку, но она, только колеблясь и содрогаясь, быстро и вѣрно движется впередъ, послушная правящей волѣ, и скоро достигаетъ болѣе спокойныхъ, хотя все еще пѣнистыхъ водъ.

Плата лоцману довольно высока: здѣсь получаетъ онъ, за каждый провозъ, 35 коп. серебр. Для

избѣжанія этой издержки нѣкоторые промышленники сами управляютъ лодкой надъ порогами, и отъ того случаются иногда бѣды, которыя прежде, когда не было особыхъ лоцмановъ, повторялись даже перѣдко. Еще вчера у одного крестьянина разбилась такимъ образомъ лодка и пропало нѣсколько бочекъ смолы; онъ пошелъ къ губернатору жаловаться на свое несчастіе, но, самъ будучи виноватъ, не могъ получить никакого вознагражденія.

Чтобы не пропустить ни одной примѣчательности Улеоборга, надобно еще упомянуть о здѣшнемъ элементарномъ училищѣ, помѣщающемся въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, о городской тюрьмѣ и чрезвычайно длинномъ строеніи канатнаго завода. Большая Улеоборгская церковь, гдѣ одно воскресенье проповѣдь бываетъ по-шведски, а другое по-фински, замѣчательна, въ историческомъ отношеніи, воспоминаніемъ о знаменитомъ Шведскомъ ученомъ Іоаниѣ Мессеніусѣ. Подробнѣе поговорю о немъ въ Каапиѣ, гдѣ онъ долго сидѣлъ въ заключеніи. Здѣсь довольно замѣтить, что онъ, умерши въ Улеоборгѣ 1637-го года, погребенъ въ этой церкви; тутъ же виситъ портретъ его. Вокругъ церкви насажены въ два ряда деревья, подъ которыми предполагается устроить бульваръ для гулянья.

Къ одной изъ сторонъ этого зеленого простран-

ства обращены окна станціонной гостиницы, гдѣ мы остановились. Ее содержитъ пожилая вдова, г-жа Аппельгрень, которой совѣстливая заботливость объ удобствѣ постояльцевъ заслуживаетъ признательнаго отзыва.

ОТДѢЛЪ VI.

ОЗЕРО УЛЕО И ГОРОДЪ КАЯНА.

31.

Папила Мухосъ, въ 34 верстахъ отъ Улеоборга,
21-го Іюня.

*Дорога въ Каяну — гора Кориламяки — бѣдность прихода —
рыба Улео — посѣщеніе землемѣра — прогулка водою — по-
роги.*

Наконецъ выбрались мы изъ Улеоборга, откуда со дня на день отлагали свой отъѣздъ. Теперь ѣдемъ мы въ Каяну; хочу проводить моего товарища домой, взглянуть на жилище мудреца-философа и на городъ, замѣчательный по мѣстоположенію. Тамъ, вѣроятно, мы и разстанемся. Отъ Улеоборга до Каяны 160 верстъ; но между этими двумя

городами еще нѣтъ непрерывнаго сообщенія сухимъ путемъ: послѣднія 60 верстъ должно ѣхать озеромъ Улео, и это плаваніе по многимъ причинамъ довольно безпокойно.

Первыя сто верстъ дорога идетъ вдоль рѣки Улео, которая почти все время остается передъ глазами ѣдущаго и придаетъ мѣстности живописную прелесть. Особенно хороши окрестности паппилы Мухосъ. Здѣшняго пастора, сѣдовласаго и почтеннаго пробста Фростеруса, видѣли мы въ Лиминго, гдѣ онъ былъ инсталлаторомъ, какъ старинный наставникъ тамошняго молодого собрата своего. Любезный старецъ взялъ съ насъ слово, что мы по пути навѣстимъ его.

За нѣсколько верстъ до паппилы мы остановились на горѣ Кориламяки (Korilamäki) и долго наслаждались, при вечернемъ освѣщеніи, далекимъ, великолѣпнымъ видомъ, который открывается отсюда, особливо къ сторонѣ церкви. Красоты природы оживлены здѣсь множествомъ разсыпанныхъ вокругъ гейматовъ. По этому заключилъ я, что въ здѣшнемъ приходѣ крестьяне богаты; однако-жъ въ домѣ пастора услышалъ, что прежде производство смолы дѣйствительно служило имъ обильнымъ источникомъ продовольствія, но что теперь, по истребленіи лѣсовъ, они обѣдились и промышляютъ, но большей части, только извозомъ, доставляя товары въ Улеоборгъ,

Изъ сѣней и со двора папины видна, за крутымъ берегомъ, рѣка Улео, и по ту сторону ея крестьянскіи гейматъ, гдѣ недавно сгорѣли владѣвшіе имъ молодые супруги, спасая своего ребенка изъ пламени пожара. Нѣсколько вправо, вверхъ по теченію рѣки, идутъ опять пороги, по имени *Монта*, а еще далѣе, верстахъ въ двухъ съ половиною отъ папины, оканчиваются самые значительные на Улео пороги, *Пюхякоски* (*Puhäkoski*, священные), простирающіеся на нѣсколько верстъ.

Перепочевавъ здѣсь, мы на другое утро рѣшились посѣтить эти пороги. Вмѣстѣ съ нами отправился молодой адъютантъ пробста. Пройдя полемъ нѣкоторое пространство, увидѣли мы передъ собою, на краю лѣса, домикъ землемѣра Стольберга, и вошли туда. Въ его рабочей комнатѣ, гдѣ столъ покрытъ былъ бумагами и книгами, висѣла на стѣнѣ Финская кантела, простонародный инструментъ (родъ маленькой лежащей арфы), здѣсь неизвѣстный крестьянамъ, но очень обыкновенный въ избахъ Кареліи. Помѣнявшись съ нами тоѣстами, г-нъ инженеръ (титულъ, изъ учтивости придаваемый землемѣрамъ), вызвался быть проводникомъ нашимъ. Мы сѣли въ маленькую лодку и поплыли противъ довольно сильнаго теченія рѣки. Вотъ на лѣвой сторонѣ показалась въ чащѣ, подымая главу надъ деревьями, старинная красная церковь Мухосекаго прихода. Сквозь густую зелень едва только мель-

каютъ стѣны ея, и мрачный видъ тяжелаго строе-
нія придастъ ему какую-то таинственность, рисуя
воображенію древнее капище въ дремучемъ лѣсу.

Маленькій гребецъ Хейкку (Ф. Генрихъ) усталъ
уже дѣйствовать веслами, и мы попеременно за-
ступаемъ его мѣсто. Вотъ уже пороги; надобно по-
перегъ рѣки приблизиться къ берегу. Мы вышли
на крутой мысъ; инженеръ, упираясь въ длинный
шестъ, при помощи Хейкку, дѣйствовавшего съ
берегу, перевезъ лодку черезъ широкіе пороги Мон-
та, и когда опять достигъ тихой воды, мы, пере-
шедши покрытую лѣсомъ гору, воротились въ лод-
ку и плыли снова до пѣнистыхъ волнъ Пюхякоски.
Тутъ, близъ моста, гдѣ мы вышли на берегъ, нѣ-
сколько крестьянъ работало надъ новымъ заколомъ,
вбивая сваи; передъ нами лежали большія кониче-
скія загородки, которыхъ острокопечную стѣнку
составляла сѣть, натянутая на обручи. Располо-
жившись на высокой скалѣ, мы ждали, не уви-
димъ ли смолевой лодки на оканчивавшихся у ногъ
нашихъ порогахъ Пюхякоски. Потерявъ наконецъ
терпѣніе, сѣли мы опять въ лодку. Переѣздъ че-
резъ Монта внизъ по теченію казался не совсѣмъ
вѣренъ, такъ какъ съ нами не было лоцмана; од-
нако-жъ, благодаря искусству инженера, лодка бла-
гополучно пронеслась по бурному пространству.

Въ нынѣшнее время припимаются въ Финляндіи
дѣятельныя мѣры къ облегченію плаванія по поро-

гамъ; такъ въ Шюхякоски недавно исправлено опасное мѣсто (Rakka), гдѣ на крутомъ поворотѣ часто погибали лодки, вмѣстѣ съ людьми вовлеченныя пучиною въ тѣсное ущелье подѣ водою. Первые отъ озера пороги на Улео называются *Ниска*. Это есть общее имя ближайшихъ къ верховью рѣки пороговъ: оно собственно значить по-фински: *затылокъ*.

Смолевья лодки, на которыхъ крестьяне въ обѣденное время, вѣроятно, отдыхали, начали позже, когда мы уже были дома, одна за другою показываться на рѣкѣ, и мы со двора папицы любовались ихъ тихимъ ходомъ по гладкой поверхности воды.

32.

Папица Сярянгеми, близъ озера Улео, 24-го Іюня.

Перевозъ смолевыхъ лодокъ гужемъ — песчаная дорога — две канелы — озеро Улео — состояніе народа — ясновидица — две машины — виды каплана.

Вчера, подѣ вечеръ, простились мы съ пробстомъ Фростерусомъ и двумя молодыми дочерьми его, уже нѣсколько лѣтъ сиротами. Проѣхавъ отъ дома ихъ 17 верстъ, мы увидѣли передъ собою узкій, мелкій рукавъ рѣки Улео, черезъ который экипажъ нашъ перевезли на небольшомъ паромѣ, а мы сами

прошли по ветхому мостику. На противоположномъ берегу, у станціи Сювяусъ (Sywäys), поразили меня роспуски особаго устройства: Передняя ось у нихъ гораздо уже задней и обѣ соединены двумя длинными, къ концамъ ихъ прикрѣпленными, желѣзными полосами, между которыми по этому образуется почти треугольное пустое пространство. Я узналъ, что здѣсь порожнія смолевая лодки, возвращаясь изъ Улеоборга, для минованія пороговъ вытаскиваются изъ воды и перевозятся 7½ верстъ гужемъ на такихъ роспускахъ (шв. *båtkärta*): это стоитъ крестьянину еще 35 коп. серебромъ.

Сегодня ѣхали мы чрезвычайно тихо по мелкому, глубокому песку, покрывающему дорогу почти непрерывно на пространствѣ 35-ти верстъ. Лошадямъ было такъ тяжело, что мы часто выходили изъ коляски и нѣсколько верстъ шли пѣшкомъ черезъ лѣсъ.

По отдаленности отъ церкви, крайняя къ озеру часть прихода Мухосъ отдѣлена отъ него въ видѣ капеллы, имѣетъ особую церковь и особаго пастора. Въ большихъ приходахъ Финляндіи иногда бываетъ даже по нѣскольку такихъ капеллъ. Пасторъ отдѣленной отъ прихода церкви называется капланомъ и подчиненъ пастору главной церкви, который по временамъ обѣзжаетъ капеллы и проповѣдуетъ въ нихъ. Капелла близъ озера Улео называется Сярянсіеми. Между нею и церковью Мухосъ есть еще капелла *Утаярви*; мы и туда

хотѣли заѣхать, но услышали, что тамошній капланъ отлучился по должности. При замѣщеніи вакантнаго пастората, строенія папшлымогутъ требовать исправленій, и для того ихъ осматриваетъ судья вмѣстѣ съ однимъ изъ ближайшихъ пасторовъ. Для такого-то освидѣтельствованія пасторскаго дома (шв. *husesyn*) уѣхалъ капланъ изъ Утаярви. Намъ сказали, что онъ воротится еще не такъ скоро, потому что на обратномъ пути посѣтитъ отдаленную деревню и тамъ произнесетъ проповѣдь (шв. *käntpredikning*) для обывателей, которые, живя на краю округа, лишены возможности часто посѣщать церковь.

Разумѣется, что доходы каплана менѣе тѣхъ, какіе получаетъ пасторъ главной церкви, и въ капланскомъ домѣ чаще замѣтны признаки недостаточнаго состоянія. Тѣмъ болѣе признательности заслуживаетъ гостепріимство, оказанное намъ въ Сярсіеми. Чтобы воспользоваться почною тишиной на водѣ, мы хотѣли сегодня же вечеромъ пуститься въ далекое плаваніе по озеру Улео. Но дождь и противный вѣтеръ заставили насъ принять ночлегъ, который намъ здѣсь такъ радушно предложили. Озеро Улео хорошо знакомо каплану Севоніусу, часто странствующему по водамъ его для посѣщенія своей паствы. Въ теплое время волненіе на немъ рѣдко бываетъ опасно; но когда холодно, оно даже при маломъ вѣтрѣ, особливо боковымъ, легко можетъ сдѣлаться гибельнымъ для су-

довъ; частыя, крутыя, острыя волны тѣмъ скорѣе могутъ опрокинуть лодку, что безпечные крестьяне употребляютъ здѣсь паруса самые ненадежныя, вмѣсто мачты довольствуясь иногда весломъ, кое-какъ поставленнымъ. Въ осеннее время несчастные случаи не рѣдки; еще недавно погибло на озерѣ цѣлое крестьянское семейство, отправляясь въ Сярсніеми. Всѣ эти рассказы не очень-то разцвѣчиваютъ воображенію предстоящее намъ плаваніе.

Народъ здѣшній еще мало занимается земледѣліемъ, болѣе промышляя смолою; нынче однако-жь онъ уже начинаетъ воздѣлывать болота. Господствующее между жителями суевѣріе не даетъ высокаго понятія о ихъ образованности. Они вообще вѣрятъ въ ворожбу, совѣтуются съ колдунами и колдуньями. Недавно возсталъ между ними какая-то ясновидящая, вокругъ которой стекается множество народа слушать ея плодовитыя проповѣди о суетѣ мірской и будущей жизни. Даръ этотъ развился у нея во время болѣзни, которую сама она приписываетъ тому, что весь Троицкѣй день плясала и веселилась гдѣ-то въ гостяхъ.*

Хозяйка показывала намъ двѣ очень удобныя машины. Одна въ кладовой, довольно сложная и большая, составляетъ родъ вѣяльнаго снаряда и

* Въ Швеціи есть приходы, гдѣ такое болѣзненное проповѣдываніе составляетъ родъ заразы въ народѣ.

сдѣлана въ Верхне-Торнеоскомъ приходѣ. Другая была ручная машина, изобрѣтенная какимъ-то крестьяниномъ для щепанія лучины и много берегающая труда и времени при этой работѣ.

Каптанъ Севоніусъ уже недолго останется въ Ся-ряснѣми. Онъ ужъ получилъ вакантный пасторатъ въ Темпяла близъ Таммерфорса, но не можетъ еще занять своего новаго мѣста, потому что вдова бывшаго тамъ пастора имѣетъ право еще два года пользоваться домомъ и всѣми доходами своего покойнаго мужа. Преемникъ его можетъ переселиться туда не прежде, какъ по истеченіи этого срока. Весело было видѣть, какъ доброе семейство каптана радовалось своему скорому перемѣщенію въ край менѣе пустынный, щедрѣе надѣленный природою и гдѣ народонаселеніе лучше, а доходы значительнѣе.

33.

КАЯНА, 25-го Іюня.

Плаваніе по озеру Улео — отправленіе экипажа — смолевая лодка — споръ гребцовъ — перемѣна лодки — крестьянская нища — господствующія болѣзни — водопадъ Эмми.

Переночѣвавъ въ Сяряснѣми, мы сегодня утромъ рѣшились ѣхать черезъ озеро, не смотря на поря-

дочный, впрочемъ попутный вѣтеръ и вообще не совѣмъ надежную погоду. Послѣ завтрака пошли мы пѣшкомъ на станцію, гдѣ наканунѣ оставили человека съ экипажемъ. Капитанъ провожалъ насъ вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ и дорогой рассказывалъ намъ о пребываніи Императора Александра въ Торнео, гдѣ г-нъ Севоніусъ былъ въ то время пасторскимъ адъютантомъ и имѣлъ счастье видѣть Государя. Но объ этомъ послѣ. — Коляска наша, хотя небольшая, составляла важное затрудненіе при переправѣ черезъ озеро Улео. Для перевоза употребляются на немъ такія маленькія лодки, на которыхъ едва помѣщается и одноколка. Правда, черезъ озеро переѣзжали раза два и съ коляскою, какъ напримѣръ архіепископъ при обзорѣ епархіи, но тогда припасасма была напередъ особая, большая лодка. На станціи, по осмотру нашего экипажа, крестьяне объявили, впрочемъ довольно перѣшительно, что если можно какъ нибудь рознять его, то на двѣ смолевой лодки уложатся особо кузовъ и колеса, и перевозъ не будетъ опасенъ. Еще въ Улеоборгѣ меня предостерегали не брать съ собою на озеро экипажа, если ему надобно будетъ стоять довольно высоко надъ краями лодки; въ такомъ случаѣ совѣтовали лучше помѣстить его на двухъ лодкахъ, поставленныхъ рядомъ одна съ другою. Но когда мы, простившись съ пасторомъ, поѣхали къ берегу и оказалось невозможнымъ по-

ставить коляску такимъ образомъ на лодку, чтобы оси не лежали на бортахъ, то рѣшено было отправиться черезъ озеро безъ экипажа, а его послать сухимъ путемъ въ Иденсальми, гдѣ кучеръ будетъ ожидать меня на пасторскомъ дворѣ. Съ пріятнымъ чувствомъ какой-то легкости послѣ этого рѣшенія мы, взявъ съ собою немногія только вещи, сѣли въ смолевую лодку съ четырьмя гребцами и рулевымъ. Формою своею и тонкостью выпуклыхъ боковъ эти лодки очень похожи на пустой гороховой стручекъ, который дѣти въ видѣ челнока пускаютъ на воду. За неимѣніемъ скамеекъ мы сѣли на дно лодки, взявъ однако-жъ нужныя предосторожности, чтобы не запачкать платья смолою. Собственно для переезда проѣзжихъ содержатся на станціяхъ; устроенныхъ при озерѣ, другія лодки; но такъ какъ было вѣтрено, то мы, по совѣту крестьянъ, предпочли смолевую. Скоро гребцы укрѣпили передъ собою поперекъ лодки широкій, почти квадратный парусъ. Маленькая мачта подымалась по самой серединѣ его и была утверждена между двумя поперечными шестами, прикрѣпленными къ лодкѣ. Какъ мачта, такъ и самый парусъ привязаны были къ нимъ березовыми прутьями. Когда мы отплыли уже довольно далеко отъ берега, гребцы изъявили сожалѣніе, что съ ними нѣтъ порядочной веревки, и очень были рады, когда клубокъ крѣпкой бечевки изъ моего дорожнаго мѣшка далъ имъ

возможность нѣсколько поправить свою оплошность. Пѣшстыя волны подымались высоко, лодка качалась, но шла довольно быстро. Жаль только, что ни одинъ изъ лодочниковъ не зналъ порядочно настоящаго направленія: между гребцами и рулевымъ завязался забавный и продолжительный споръ о томъ, гдѣ именно находится островъ, который долженъ былъ служить вдалекѣ путеводною точкой. Топки объ этомъ возобновлялись безпрестанно, пока всѣ наконецъ ясно увидѣли загадочный островъ. Между тѣмъ ударившая черезъ носъ волна разплылась прямо на бабу, которая въ сладкомъ снѣ лежала за гребцами: пробужденная внезапнымъ ощущеніемъ холодной влажности, она, встрепенувшись, слегка оправилась и спокойно приняла опять прежнее положеніе. До станціи, гдѣ на берегу озера происходитъ первая перемѣна лодки и гребцовъ, намъ надобно было всего проплыть 20 верстъ: это на всемъ пути самое длинное разстояніе, на которомъ и озеро болѣе открыто и шире, нежели между остальными привалами.

Не доѣзжая до первой станціи, мы увидѣли за собою, въ нѣкоторомъ отдаленіи, двѣ порожнія смолевые лодки, шедшія въ одномъ съ нами направленіи. Это подало доктору Лесроту мысль, что если которая изъ нихъ возвращается въ Капу, то мы, для избѣжанія напрасныхъ остановокъ, могли бы нанять эту лодку до самаго города.

Вѣтеръ унимался. Вскорѣ мы вошли въ тихій проливъ и тамъ остановились, чтобы обождать попутчиковъ. Поровнявшись съ нами, первый изъ нихъ на вопросъ, не въ Каяну ли онъ ѣдетъ, отвѣчалъ утвердительно, и мы, расплатившись съ лодочниками изъ Сярянїемп, тотчасъ пересѣли къ нему. Парусъ его былъ больше и укрѣпленъ надежнѣе, хотя весь въ заплаткахъ; пожилѣй крестьянинъ сидѣлъ у руля; на носу гребли двое мальчиковъ, лѣтъ 10-ти и 11-ти, сыновья его. Онъ сказалъ намъ, что живетъ на берегахъ рѣки Улео въ приходѣ Утаярви и что прежде былъ довольно богатъ; но неурожайные годы разорили его. Къ довершенію бѣды, онъ овдовѣлъ и долженъ самъ смотрѣть за шестью малолѣтними дѣтьми. Для прокормленія себя съ ними принужденъ онъ промыслять извозомъ и теперь ѣдетъ за досками, которыя доставляетъ въ Улеоборгъ по условію съ хозяиномъ пильной мельницы въ Каянѣ.

Сначала мы подвигались съ помощію паруса; мальчики Эркки и Юрккю (Ф. Эрикъ и Юрій), уставши грести, улеглись рядомъ на своей скамейкѣ, накрытой тулупомъ отца. Подъ вечеръ сдѣлалось совершенно тихо и нельзя было обойтись безъ помощи веселъ, которыя иногда переходили въ руки старика, а иногда мы гребли сами.

На лодкѣ былъ маленькій запасъ съѣстнаго, которымъ и мы воспользовались. Онъ состоялъ изъ

соленой рыбы, мягкаго чернаго хлѣба и свѣжаго масла, а для питья было въ боченкѣ кислое молоко, старое, непріятнаго вкуса. Кислое молоко составляетъ у Финновъ предметъ первой потребности въ домашнемъ обиходѣ. Его и ѣдятъ и пьютъ во всѣхъ возможныхъ видахъ. Въ особой молочной кладовой стоитъ огромный чанъ, куда вливаютъ всѣ остатки молока, и тамъ оно, перекинувшее, служитъ запасомъ на всю зиму. Можно представить себѣ, каковъ вкусъ этого питья (ф. *kiñni riimä*). Пахташе, вкусный и здоровый напитокъ, пока оно свѣжо, можно также получать на каждой станціи въ Сѣверной Финляндіи. Часто подается оно и смѣшанное съ водою. Вода съ прѣснымъ молокомъ составляетъ общій напитокъ на мызахъ и ставится въ графинѣ на ночь возлѣ кровати. Въ мѣстахъ, откуда мы ѣдемъ, масло бьютъ въ узенькихъ, вышнююю доктя въ два, деревянныхъ цилиндрахъ, нѣсколько суживающихся къверху. Черезъ отверстіе въ крышкѣ проходитъ длинная палка и оканчивается внизу звѣздообразнымъ кружкомъ, у котораго по краямъ вырѣзано нѣсколько дыръ. Въ теплой избѣ, если бить постоянно и сильно, масло можетъ быть совершенно готово въ часъ времени.

Безпрестанное употребленіе кислаго молока пораждастъ между Финнами разныя желудочныя болѣзни. Другаго рода вредъ терпятъ они отъ огня, дыма и страшнаго жару въ избахъ: глазныя болѣз-

ии чрезвычайпо распространены въ Финскихъ селахъ, и большая часть тѣхъ больныхъ, которыхъ мы видѣли на проѣздѣ нашемъ, страдали глазами. Между ними было и много дѣтей, то слѣпыхъ, то кривыхъ, то съ бѣльмами. Въ огромной Финской печи, кромѣ широкаго устья съ значительнымъ передъ нимъ углубленіемъ, бываетъ еще, во внѣшнемъ углу ея передней стороны, большая ниша, гдѣ также разводится огонь, когда удобство того требуетъ. Передъ этимъ огнемъ поселяне съ малолѣтства привыкають сидѣть по цѣлымъ часамъ, зимою, и губятъ тѣмъ свое зрѣніе. Напротивъ, болѣзни грудныя въ Сѣверной Финляндіи очень рѣдки, лихорадокъ и вовсе не бываетъ.

Входя въ длинный заливъ, на концѣ котораго лежитъ Каяна, мы съ правой стороны увидѣли на мысу одно-этажное желтое строеніе. Это пасторскій домъ прихода Пальдамо, въ которомъ городъ Каяна составляетъ только капеллу.

Вскорѣ мы плыли уже въ устьѣ рѣчки Каяны посреди высокихъ, живописныхъ береговъ. Потомъ въ глубинѣ перспективы ярко заблѣлся шумный большой водопадъ Эммя (Aemmä, ф. бабушка); далеко передъ нимъ уже плавали частицы лѣны его. Приблизясь къ нему сколько было можно, мы перѣхали поперекъ рѣки на правую сторону, и тамъ пристали къ берегу посреди густой снѣжно-бѣлой

пѣши, въ которой стояла яхта, недавно построенная для транспорта тесу по озеру Улео.

Отплывъ изъ Сярянїеми около полудня, мы были въ дорогѣ только девять часовъ, тогда какъ обыкновенно для этого переѣзда требуется гораздо болѣе времени.

Пока Юрккю оставался въ лодкѣ, Эркки съ отцомъ своимъ переносилъ вещи наши на квартиру доктора Ленрота.

34.

КАЛНА, 26-го Іюня.

Развалины замка — еще водопадъ — очеркъ города Калны — путь до его — трудность сообщенія — лѣсные поселенія — Американскій Государь — странствованія по лѣсамъ.

Посреди пороговъ Эммя находится островъ, по обѣ стороны котораго возвышаются двѣ развалины, уже издали живописно представляющіеся тому, кто ѣдетъ съ озера Улео. Это остатки крѣпости, пѣкогда построенной здѣсь Шведами. Островъ соединяется съ обоими берегами рѣки посредствомъ мостовъ, которые нынѣ возобновляются. Нѣсколько выше Эммя идутъ еще другіе, тоже значительные пороги, Койвукоски (ф. березовые), оканчивающіеся также водопадомъ: противъ этихъ-то пороговъ,

на южномъ берегу рѣки, и лежитъ городокъ Каяна, состоящій изъ двухъ, трехъ параллельно съ берегомъ идущихъ улицъ, пересѣкаемыхъ другими въ противоположномъ направленіи. Тѣ и другія прямы и довольно широки, но обставлены низенькими, по большей части красными, старыми домишками.

Въ Каянѣ живетъ едва 400 человекъ, изъ которыхъ почти все занимаютъ сельскими промыслами. У самаго города видно множество разгороженныхъ полей, гдѣ по вечерамъ вездѣ сходятся группы коровъ вокругъ дымящагося огонька. По всему этому крестьяне здѣшняго околотка не удостоиваютъ Каяны именемъ города, которое означаетъ у нихъ преимущественно Улеоборгъ, а называютъ ее деревцею. «Тду въ городъ; тебѣ кланяются изъ деревни,» говоритъ земляку Финнъ, отправляющійся въ Улеоборгъ, хотя бы они встрѣтились подъ самою Каяной. Между тѣмъ Каяна имѣетъ городовое устройство, имѣетъ ратушу и бургомистра, и есть главный городъ обширнаго уѣзда, иногда величаемаго именемъ губерніи (шв. län), но принадлежащаго, по крайней мѣрѣ нынѣ, къ губерніи Улеоборгской. Эта губернія, составляющая почти половину всей Финляндіи, вмѣщаетъ въ себѣ не болѣе 146,000 жителей. Каяну окружаетъ, особенно съ сѣвера, пустынный край, гдѣ даже не проложено еще дорогъ и гдѣ сообщенія, частью

по лѣсамъ, горамъ и болотомъ, частью по рѣкамъ и озерамъ, чрезвычайно затруднительны. Каяна лежитъ почти въ серединѣ длиннаго водянаго пути, идущаго въ видѣ крутой дуги отъ границъ Архангельской губерніи до самаго Ботническаго залива. Но какъ западная половина (160 верстъ) этого пути, такъ и восточная изобилуютъ порогами, по которымъ спускаться не безопасно, а подыматься тяжело и долго. Въ каждой лодкѣ бываетъ обыкновенно два, три проводника, и за милю (10 верстъ) платится 26 коп. серебр. Разумѣется, что сухопутныя странствованія въ окрестныхъ мѣстахъ возможны, по большей части, только пѣшкомъ, и предпринимаются единственно по должности, напримеръ провинціальнымъ лекаремъ, землемѣромъ. Гейматы разбросаны далеко одинъ отъ другаго, а торцовъ и совѣтъ нѣтъ: всякій крестьянинъ волею идти съ семьєю въ лѣсъ, занять тамъ землицу и на ней построить себѣ жилище, такъ называемое *nybyggde* (шв. колонія), при чемъ онъ на нѣсколькѣ лѣтъ освобождается отъ извѣстныхъ повинностей. Гдѣ-то (въ приходѣ Иденсальми Куопіоской губерніи) крестьянинъ, поселившись такимъ образомъ въ лѣсу, назвалъ свое владѣніе Америкой, а себя Американскимъ Государемъ. Во время послѣдней Шведской войны, Русскіе солдаты, узнавъ, что онъ величаетъ себя такимъ громкимъ титуломъ, схватили его, и не одобровать бы простодушному

самозванцу, если-бъ генералъ Тучковъ, къ которому его привели, не велѣлъ отпустить Американскаго Государя, когда, допрашивая его, услышалъ, что онъ народомъ своимъ называетъ — лѣсныхъ комаровъ.

Странствующіе пѣшкомъ по пустынямъ берутъ проводниковъ; но эти люди иногда сами не знаютъ хорошенько дорогъ, и для того, въ случаѣ сомнѣнія, вырубаютъ на иномъ деревѣ мѣтку (они всегда носятъ съ собою топоръ), чтобы, заблудившись, выбратъся по крайшей мѣрѣ опять на прежнее мѣсто. Впрочемъ есть признаки, по которымъ опытный человѣкъ и въ пустынѣ умѣетъ руководствоваться: чтобы узнать, гдѣ сѣверъ, гдѣ югъ, онъ смотритъ на деревья, на камни, на муравейники: вѣтви, обращенныя къ югу, бываютъ длиннѣе и висятъ ниже; мохъ растетъ болѣе на сѣверной сторонѣ какъ дерева, такъ и камня; южная полоса ствола бѣлѣе; муравейники болѣе открыты къ югу. Къ счастію странствующихъ, въ окрестныхъ, не густыхъ лѣсахъ волки составляютъ величайшую рѣдкость. Когда иной изъ нихъ случайно и забѣжитъ сюда, ему не миновать гибели: его преслѣдуютъ тѣмъ усердіемъ, что за каждаго пойманнаго звѣря положена значительная премія. Однако-жъ на дняхъ слышалъ я, что гдѣ-то въ здѣшнихъ мѣстахъ орлы перетаскали цѣлыхъ девять овецъ, никѣмъ не будучи тревожимы.

35.

КАЯНА, 27-го Іюня.

Общество — мѣстоположеніе — водопадъ Койвукоски — плотники изъ Кронобю — Шведскіе приходы — пасторъ Т. — удивленіе Русскаго солдата — жизнь въ Каянѣ.

Въ Каянѣ всего человѣкъ десять, двѣнадцать, которые одни или съ семействами своими составляютъ образованное общество. Это бургомистръ, судья, пасторъ съ своимъ адъюнктомъ, ратманъ, почтмейстеръ, аптекарь — вотъ почти всѣ. Къ нимъ надобно еще причислить землемѣра, который живетъ по ту сторону рѣки, противъ города на горѣ. Строенія, принадлежащія къ его двору, составляютъ маленькое селеніе, которое на видъ лучше самой Каяны. Гористое мѣстоположеніе на обонхъ берегахъ рѣки очень живописно; съ нѣкоторыхъ возвышеній видны вдали значительныя горы, между прочимъ и главная изъ нихъ, Вуокатти, находящаяся верстахъ въ тридцати отсюда къ сѣверо-востоку. Шумъ водопадовъ день и ночь раздается въ городѣ, то громче, то глуше, смотря по тому, откуда вѣтеръ. Домъ пастора, гдѣ живетъ и докторъ Ленротъ, построенъ на первой параллельной съ берегомъ улицѣ, и каждый вечеръ я засыпаю подъ гулъ Койвукоски. Этотъ величественный во-

допадъ, по массѣ kloкочущей въ немъ воды и стремительности ея теченія, едва-ли уступаетъ Иматрѣ, по ложе рѣки здѣсь гораздо шире, и потому въ движеніи волнъ какъ будто менѣе ярости. Но видъ Койвукоски тѣмъ разительнѣе, что спокойное теченіе рѣки внезапно, по всей ширинѣ ея, превращается въ цѣлую бездну волненія, пѣны и шума. По обоимъ водопадамъ не можетъ пройти никакая лодка, и нынѣ при нихъ устраиваются каналы съ шлюзами, почти уже оконченные.*

До сихъ поръ смолевая лодка, останавливаясь выше города, перевозится черезъ него на ропускахъ, подобныхъ тѣмъ, какія уже описаны мною въ другомъ мѣстѣ. По случаю работъ надъ шлюзами и мостами, прежде упомянутыми, у обоихъ водопадовъ замѣтно большое движеніе. Плотники выписаны изъ Вазаской губерніи, именно изъ приморскаго прихода Кронобю, гдѣ почти все крестьяне занимаются этимъ ремесломъ и для полученія работы часто предпринимаютъ далекія странствованія: двое изъ находящихся здѣсь рассказывали, что они бывали даже въ Дерптѣ. Все они — Шведы, такъ какъ и вообще приморскіе жители нѣкоторой части Южной Остроботніи — потомки старинныхъ

* Они открыты $\frac{21\text{-го Августа}}{2\text{-го Сентября}}$ 1846 года. Открытіе происходило

торжественно въ присутствіи Улеоборгскаго губернатора и высшихъ лицъ вѣдомства путей сообщенія.

выходцевъ изъ Швеціи. Тамъ есть нѣсколько приходовъ, гдѣ вовсе не говорятъ по-фински. Въ Каяпу пріѣзжалъ на дняхъ одинъ изъ тамошнихъ пасторовъ, веселый старичекъ, который служилъ въ духовномъ званіи уже во время послѣдней Шведской войны. Изъ многихъ рассказовъ его о неудобствахъ, испытанныхъ имъ отъ незначія Финскаго языка, особенно одинъ замѣчательный. Послѣ сраженія при Оравайсѣ, главнокомандующій, генералъ Буксгевденъ, обѣщалъ освободить приходъ, гдѣ оно происходило, отъ повинности постоя. Мѣсяца черезъ два послѣ того Буксгевденъ былъ уволенъ. Обѣщаніе его было забыто. Во время хлопотъ и поѣздокъ, которыя пасторъ Т. принялъ на себя по этому дѣлу, онъ съ однимъ изъ Русскихъ начальниковъ, майоромъ Далшымъ, долженъ былъ объясняться посредствомъ переводчика. Этотъ переводчикъ былъ Русскій солдатъ и началъ говорить съ нимъ по-фински. Когда пасторъ объявилъ ему, какъ умѣлъ, ломанымъ Русскимъ языкомъ, что не понимаетъ по-фински, то солдатъ впалъ въ самое забавное удивленіе, захохоталъ и, сплеснувъ руками, вскрикнулъ: «Финскій пасторъ — и не разумѣетъ по-фински!» — Вообще Русскіе, бывшіе здѣсь во время войны, не понимали, какъ жители Финляндіи не всегда могутъ объясняться другъ съ другомъ, и это поселило въ нашихъ нѣкоторую къ нимъ недовѣрчивость.

Для того, кто не дорожитъ городскими удовольствіями, жизнь въ Каянѣ удобна и пріятна. Выходя на улицу, не нужно заботиться о туалетѣ и перемѣнять своего домашняго костюма, какъ-бы простъ онъ ни былъ. Вблизи отъ города, посреди поля, лежащаго на скатѣ берега, есть ключъ свѣтлой, чистѣйшей воды, которую мы ходимъ пить каждое утро. Часто отправляемся мы также къ пильной мельницѣ, чтобы тамъ освѣжиться купаньемъ подъ струями и брызгами водопада Эммя, бьющими съ колесъ этой мельницы. Рядомъ съ нами иногда стоятъ надъ нею радуга, которою пронизаны быстро-падающія струи.

36.

КАЯНА, 28-го Іюня.

Пасторскій домъ — докторъ Ленротъ — знакомство Нильцевъ съ Финскимъ языкомъ — родители Ленрота — самоваръ — ярмарка въ Каянѣ — Русскіе торговцы — прогулка черезъ пороги.

Здѣшній пасторскій домъ довольно великъ и, состоя изъ двухъ этажей, принадлежитъ къ числу главныхъ строеній въ городѣ; но онъ такъ уже старъ, что не долго продержится безъ значительныхъ починокъ. Нижній этажъ, гдѣ живетъ самъ

насторъ съ семействомъ, замѣчательнѣе тѣмъ, что въ одной изъ комнатъ его, въ 1819-мъ году, провелъ нѣсколько часовъ Императоръ Александръ. Просторную залу верхняго этажа занимаетъ докторъ Ленротъ. При входѣ въ нее, можно тотчасъ узнать, что здѣсь живетъ другъ Финской поэзіи. На стѣнахъ развѣшено нѣсколько *кантелъ** разной величины и формы; всѣ чернаго цвѣта и сдѣланы не крестьянами, а городскимъ столяромъ. Благодаря присутствію доктора Ленрота, Каяна сдѣлалась какъ будто избраннымъ городомъ кантелы: почти въ каждомъ изъ здѣшнихъ домовъ, гдѣ я бывалъ, она составляетъ существенное убранство, являясь иногда рядомъ съ вѣтвистыми оленьими рогами.

Жалѣю, что скромность доктора Ленрота не позволяетъ мнѣ говорить совершенно свободно о немъ и о трудахъ его. Могу однако-жъ сказать, что изъ всѣхъ пріятностей моей поѣздки его общество было для меня всего дороже. Высокое благородство характера, безъ котораго немного значать литературныя достоинства, одно могло доставить ему ту искреннюю любовь, какая вездѣ встрѣчается его.*

Онъ родился 9-го Апрѣля 1802-го года; учился сперва въ Абоской школѣ, потомъ въ Боргоской

* Кантела, родъ маленькой лежащей арфы, народный инструментъ въ Финляндіи, особливо въ Карелии.

* Въ Каянѣ друзья Ленрота переписываютъ ему начисто цѣлыя тетради черновыхъ его трудовъ.

гимназін, гдѣ однако-жъ не успѣлъ окончить курса. Проживъ послѣ того нѣсколько времени въ Тавастусѣ, гдѣ онъ продолжалъ учиться, сколько ему позволяли обстоятельства, онъ въ 1820-мъ году записанъ былъ въ студенты Абоскаго университета, въ 1827-мъ году пріобрѣлъ степень магистра, а въ слѣдующемъ, весною, уже предпринялъ первое свое странствованіе для собиранія Финскихъ народныхъ пѣсенъ (рунъ). Онъ ходилъ въ Карелію, возвратился оттуда осенью и напечаталъ четыре книжечки пѣсенъ подъ заглавіемъ *Кантеле*. Изъ послѣдующихъ его трудовъ по тому же предмету важнѣйшимъ было изданіе открытой имъ Финской народной эпосы, *Калевалы*, которая въ послѣднее время начала обращать на себя вниманіе Французовъ и Нѣмцевъ. Статья Гримма о ней напечатана уже и по-русски.* Лейпцигскій профессоръ Брокгаусъ учится нынѣ Финскому языку и собирается перевести Калевалу Нѣмецкими стихами. Еще вчера докторъ Ленротъ получилъ отомъ письмо отъ него. Учителемъ Брокгауса—молодой Финляндецъ, магистръ философій Чельгрейъ (Kellgren), по его вызову поѣхавшій въ Лейпцигъ съ тѣмъ, чтобы въ обмѣнъ на Финскій языкъ изучить, подъ руководствомъ профес-

* Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія, Мартъ 1846. — Въ Берлинѣ профессоръ Шотъ читаетъ лекціи о Финскомъ языкѣ. Въ началѣ 1847-го года Финское Литературное общество поручило Ленроту приготовить второе изданіе Калевалы.

сора, языкъ Санскритскій. Въ 1832-мъ году Лепротъ достигъ степени доктора медицины, и съ тѣхъ поръ занимаетъ должность провинціального лекаря въ Каянѣ. Нынче, какъ ужъ сказано въ другомъ мѣстѣ, онъ занимается составленіемъ Финскаго словаря (съ объясненіями по-латыни и по-шведски). По важности этого предпріятія онъ пользуется временнымъ увольненіемъ отъ должности, которую между тѣмъ исправляетъ молодой, но уже пользующійся большою довѣренностію докторъ Линдъ. Уединенная, тихая жизнь въ Каянѣ чрезвычайно благопріятствуетъ неутомимому трудолюбію Лепрота.*

Верстахъ въ трехъ отъ города живутъ въ маленькомъ гейматѣ престарѣлые его родители. Вчера передъ обѣдомъ я отправился къ нимъ вмѣстѣ съ обоими докторами. Мы шли пѣшкомъ до мѣста, гдѣ надобно было переѣхать черезъ рѣку Каяну, чтобы попасть въ Пóльвину (такъ зовутъ гейматъ). Мы переправились на самой уютной лодочкѣ, которая при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія легко могла опрокинуться. Ведя трудолюбивую, но спокойную жизнь среди сельской простоты, родители доктора Лепрота въ глубокой старости сохраняютъ

* Болѣе подробныя свѣдѣнія о докторѣ Лепротѣ и объ открытой имъ поэмѣ можно найти въ прежнихъ статьяхъ моихъ, помѣщенныхъ въ *Современникъ* 1840-го года подъ заглавіемъ: *О Финнахъ и ихъ народной поэзіи* (т. XIX) и *Литературныя новости въ Финляндіи* (т. XX, въ особенности стр. 40—47).

еще полную свѣжесть силъ и бодрость духа. Восемидесятилѣтній отецъ ходитъ пѣшкомъ въ городъ и оттуда назадъ. По прямому стану матери и привѣтливому лицу ея никакъ нельзя бы угадать, что ей уже 74-й годъ. Въ одной изъ комнатъ ихъ стоялъ большой шкафъ съ книгами: это часть библіотеки доктора Ленрота, который, навѣщая своихъ родителей почти каждое утро, продолжаетъ и здѣсь свои занятія. Старушка угостила насъ превосходнымъ кофеемъ. Самоваръ, который я здѣсь увидѣлъ, поразилъ меня, потому что на всемъ сѣверномъ пути отъ Куопио я не встрѣтилъ еще ни одного. Въ Каянѣ почти во всякомъ домѣ есть самоваръ. Этотъ городъ много посѣщается Русскими купцами, особенно изъ Архангельской губерніи: въ Февралѣ мѣсяцѣ здѣсь бываетъ значительная ярмарка, на которую они пріѣзжаютъ особенно съ пенькою и запасаются, между прочимъ, мѣхами. Сверхъ того по Сѣверной и Средней Финляндіи странствуютъ, въ довольно большомъ числѣ, Русскіе торговцы, извѣстные подъ именемъ *kontryssar* (шв. *kopf* значитъ *котомка*). Это обыкновенно обрусѣвшіе Финны изъ Архангельской губерніи; они сюда приходятъ лѣтомъ съ пустыми руками, закупаютъ въ здѣшнихъ городахъ разные мелкіе товары, разносятъ ихъ на плечахъ, въ котомкѣ, по городамъ и селамъ, а зимою отправляются назадъ съ набитымъ кошелькомъ; по часто, какъ водится у насъ, возвращаются до-

мой — опять съ пустыми руками. На обратномъ пути это совсѣмъ не тѣ люди, какими они пришли сюда: они пришли оборванные, грязные; теперь на нихъ щегольское платье; они кутятъ и гуляютъ: шампанское льется у нихъ рѣкою!.....

Передъ уходомъ изъ Пóльвицы мы выкупались въ рѣчкѣ и рѣшились ѣхать до самаго города водою. Мнѣ хотѣлось испытать плаваніе по порогамъ: теперь ихъ было на нашемъ пути до четырехъ, впрочемъ почти всѣ малозначущіе въ сравненіи съ другими. Передъ первымъ изъ нихъ — Ниской — мы причалили къ берегу и взяли лоцмана. Онъ сказалъ намъ, чтобы мы для вѣрности расположились на днѣ лодки. На третьихъ порогахъ кипѣніе волнъ было всего сплыѣе; казалось, онѣ, яростно скача вокругъ лодки, наперерывъ старались втянуть ее въ пучину. Доски подъ нами дрожали, но мы неслись такъ быстро, что жаль было, когда кончались пороги.

На дняхъ возвратился домой здѣшній пасторъ (капланъ Хёгманъ), который при моемъ пріѣздѣ въ Каяну былъ въ отсутствіи. Онъ ѣздивъ съ женою и маленькими дѣтьми въ Кухмо, капеллу прихода Соткамо, до которой отсюда сто верстъ водою, по озерамъ и рѣчнымъ порогамъ. Тамъ похоронилъ онъ отца своего. Каждый день я за его столомъ обѣдаю вмѣстѣ съ докторомъ Лепротомъ, который живетъ на хлѣбахъ у этого добраго и мнлаго се-

мейства. Здѣсь на паппилѣ также производится экзаменъ готовящимся къ первому причащенію. Ежедневно, рано утромъ, я слышу духовное пѣніе, которое предшествуетъ началу испытаній. Крестьяне или крестьянки, желающіе приобщиться св. таинъ, собираются въ людской избѣ пасторскаго двора, и тамъ духовный отецъ проводитъ съ ними цѣлое утро и нѣсколько часовъ послѣ обѣда. Вечеромъ, передъ уходомъ, они опять поютъ изъ молитвенника. Противъ списка именъ ихъ пасторъ особенными знаками отмѣчаетъ степень ихъ успѣховъ по разнымъ частямъ испытанія. Слышно, что общій результатъ его не совсѣмъ удовлетворителенъ и только немногіе изъ экзаменовавшихся будутъ допущены къ причащенію.

ОТДѢЛЪ VII.

ПРОГУЛКА ВЪ ПАЛЬДАМО

II

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ.

73.

Помѣстье Нюгордъ (Nygård), близъ церкви Пальдамо,
29-го Іюня.

Государева конюшня — путешествіе Императора Александра — плаваніе Его по озеру Улео — пребываніе Государя въ Калли — обратный путь по лѣсамъ и болотамъ — посѣщеніе Улеоборга и Торнео.

Отъ Калшы до этой церкви — десять верстъ. Здѣсь есть скромное, но исторически — драгоцѣнное строеніе, которое должно привлекать каждаго путешественника, особливо Русскаго и было -бы уже из-

вѣстно въ цѣломъ мірѣ, если-бъ находилось въ краю не столь пустынномъ. Это — *конюшня*, превращенная нѣкогда въ столовую для Императора Александра! — Я желалъ побывать въ Пальдамо еще и потому, что здѣсь около церкви живетъ нѣсколько образованныхъ людей, которые, часто посѣщая Каяну, составляютъ съ тамошнимъ обществомъ тѣсный дружескій кружокъ.

Вчера послѣ обѣда мы, не смотря на пасмурную погоду, предположили не откладывать долѣе давно задуманной нами прогулки въ Пальдамо. Чтобы окончательно рѣшить: *итти* или *нѣтъ*, бросили мы жеребій, и судьба сказала намъ: *итти*. Мы повиновались ея приговору. Такъ какъ новый мостъ черезъ водопадъ Эммя еще не готовъ, а старый уже разрушается и не возможно провезти по нимъ экипажа, то мы, для избѣжанія всякихъ хлопотъ, согласились *итти* всю дорогу пѣшкомъ. День былъ не жаркій, и менѣе, нежели въ два часа, мы пришли въ помѣстье Нюгордъ, лежащее почти у самой церкви. Владѣлецъ его есть г-нъ Фландеръ, братъ Каянскаго бургомистра. Отецъ ихъ занималъ тамъ эту же должность во время посѣщенія Каяны Александромъ. Государева конюшня — такъ называется ее народъ — стоитъ очень близко отъ помѣстья г-на Фландера; однако-жъ, до осмотра этой примѣчательности, желалъ я освѣжить въ памяти относящія къ ней подробности. Гравюры, висѣвшія по стѣ-

намъ комнаты, гдѣ мы расположились, представляли разныя сцены изъ царскаго путешествія. Видѣвъ ихъ прежде при книгѣ, въ которой оно описано, я спросилъ, нѣтъ ли въ домѣ самой книги той, и мнѣ подаиа была огромная тетрадь съ текстомъ на четырехъ языкахъ: Русскомъ, Шведскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ. Это было *Описаніе путешествія Государя Императора Александра I изъ станціи Ииссиля въ городъ Каяну*, изданное въ 1828-мъ году капитаномъ Грипенбергомъ (въ послѣдствіи губернаторомъ въ Гельсингфорсѣ, а нынѣ директоромъ земледѣльческаго училища въ Мустиалѣ). Онъ въ 1819-мъ году принадлежалъ къ свитѣ Августѣйшаго Путешественника.

Пока мы читали этотъ занимательный рассказъ, принесенъ былъ ключъ отъ конюшни, хранящейся у короннаго фохта, который живетъ также недалеко отъ церкви, но теперь еще не возвратился изъ Улеоборга, гдѣ мы его видѣли на губернаторскомъ обѣдѣ. Къ описанію г-на Грипенберга хозяинъ нашъ, г-нъ Фландеръ, могъ прибавить изустно нѣсколько любопытныхъ подробностей, такъ какъ онъ, хотя въ 1819-мъ году былъ еще мальчикомъ, имѣлъ счастье видѣть Государя въ Каянѣ, и послѣ многое слышалъ о Высочайшемъ тамъ пребываніи.

Подойдя къ фасаду конюшни, мы увидѣли маленькое, отъ времени почернѣвшее строеніе съ такою

низенькою дверью, что для входа въ нее надобно было порядочно наклониться. Надъ нею прочелъ я на Шведскомъ языкѣ надпись, которую перевожу слово въ слово :

«Въ этой конюшнѣ,

которая стояла въ Хапаланкангасѣ, при рѣчкѣ Вуолийоки, въ приходѣ Пальдамо, нѣкогда Величайшій изъ Монарховъ, Всемилостивѣйшій Государь нашъ Александръ I, всея Россіи и Финляндіи Императоръ, завтракалъ въ половинѣ осьмага часа до полудня 28-го Августа 1819-го года, во время путешествія Его въ городъ Каяну, почему строеніе сіе перенесено сюда жителями прихода Пальдамо, въ вѣчное воспоминаніе достопримѣчательнаго путешествія Великаго Монарха по Каянской губерніи.»

Первоначальное мѣсто этой конюшни, Хапаланкангасъ, было маленькое лѣсное поселеніе (пубугге),* на противуположномъ концѣ озера Улео. Оттуда Государю надобно было начать плаваніе по этому озеру. Сярянсіемн, гдѣ мы сѣли въ лодку, отстоятъ десятию верстами далѣе отъ Каяны, нежели то мѣсто, гдѣ находился крестьянскій дворъ Хапаланкангасъ. Слѣдовательно Александръ предстояло ѣхать водою 50 верстъ.

Императоръ давно уже намѣревался порадовать своимъ появленіемъ новыхъ подданныхъ на отдаленномъ, пустышномъ Сѣверѣ Финляндіи. На-

* См. выше стр. 161.

копецъ, лѣтомъ 1819-го года, онъ рѣшился привести эту мысль въ исполненіе. 23-го Іюля Его Величество изъ Царскаго Села отправился въ Архангельскъ; потомъ черезъ Сердоболь прибылъ въ Куопію, а оттуда $15/27$ Августа въ 7 часовъ вечера—на станцію Ниссиля (о чемъ см. выше стр. 63). На другое утро въ 7 часовъ Государь былъ уже въ Хапалаанкангасѣ.

Г-нъ Гриценбергъ, посланный сюда еще на кануѣ, рассказываетъ:

«Метръ-дотель Его Величества, г-нъ Миллеръ, пріѣхалъ съ дорожною кухнею въ 4 часа. Я находился въ большомъ затрудненіи; во всемъ жилищѣ была одна только курная изба, отъ дыму совершенно закоптѣвшая, да и та необходима была метръ-дотелю для кухни. Сперва думать-было я построить бесѣдку; но къ тому не имѣлъ времени и способовъ, а притомъ опасался дождя. Я совѣтовался о семъ затрудненіи съ г-мъ Миллеромъ, и онъ согласился со мною, что оставалось одно средство: очистить находившуюся при жилищѣ конюшню, которая была почти новая, изъ нея сдѣлать столовую, не смотря впрочемъ на неудобства во всѣхъ отношеніяхъ. Вышина конюшни отъ полу до потолка состояла изъ 4-хъ Шведскихъ локтей ширина изъ 8-ми, а пространство между дверью и стойлами изъ 3-хъ локтей. Свѣтъ проходилъ въ нее сквозь одну дверь, вышиною въ $2\frac{1}{2}$, а шириною въ $1\frac{1}{4}$ локтя

(1 $\frac{1}{6}$ Шведск. локтя равны одному аршину Россійской мѣры).

«Очистивъ хорошо конюшню, убравъ я внутренность оной и всѣ стойла свѣжими березками, кои распространили довольно пріятный запахъ. Изъ ближайшаго поселенія принесли столъ, а вмѣсто стульевъ, коихъ совсѣмъ не было, велѣлъ я наскоро сдѣлать скамейку, которую покрылъ краснымъ сукномъ, взявъ оное изъ шлюпки, приготовленной для Его Величества.

«Между тѣмъ г-нъ Миллеръ приказалъ развести огонь и началъ готовить обѣдъ, среди дыму, наполнявшаго всю избу.

«Государь Императоръ, сопровождаемый княземъ Волконскимъ, лейбъ-медикомъ барономъ Вилле и свиты Его Величества по квартирмейстерской части прапорщикомъ Мартинау, изволилъ пріѣхать въ Хапаланкангасъ ровно въ 7-мъ часовъ утра.

«.....Его Величество изволилъ подойти къ избушкѣ и спросилъ: гдѣ находится Его метръ-дотель Миллеръ? Послѣ отвѣта моего, что г-нъ Миллеръ въ избушкѣ приготовляетъ обѣдъ, Государь изволилъ подойти къ самой избушкѣ, но не могъ въ нее войти, по причинѣ выходившаго оттуда сильнаго дыма. Не имѣя возможности видѣть г-на Миллера сквозь дымъ, Его Величество узналъ его по голосу, поздоровался съ нимъ и потомъ спросилъ шу-

точнымъ тономъ: *Гдѣ-жѣ Моя столовая?* — На что г-нъ Миллеръ отвѣчалъ: «Ваше Величество! для перемѣны — въ коюшнѣ!» — Сія мысль показала Государю очень забавною, и Его Величество сказалъ: *Все равно, лишь бы намъ было что покушать.* — Потомъ Государь изволилъ осматривать столовую, которую дѣйствительно нашелъ очень забавною.

«.....Въ $\frac{3}{4}$ 8-го часа подали обѣдъ. Государь Императоръ сѣлъ на правомъ концѣ стола; подлѣ Его Величества князь Волконскій, потомъ я, баронетъ Вилліе и прапорщикъ Мартинау. Во время обѣда, продолжавшагося около 20-ти минутъ, Его Величество былъ очень веселъ. Между прочимъ помню слѣдующее: На проѣздѣ Государя Императора чрезъ Карелію, Его Величество получилъ въ подарокъ небольшую стеклянную баночку брусничнаго желе. Его Величество, покушавъ немного Самъ сего варенья, попогчевалъ онымъ князя Волконскаго, а потомъ изволилъ поставить баночку предо мною и съ свойственнымъ Ему благосклоннымъ и снисходительнымъ видомъ сказалъ мнѣ: «Грипенбергъ! вы должны сего отвѣдать, это очень вкусно; но не берите много, потому что Я хочу сколько можно долѣе его поберечь; Мнѣ подарила это пасторша въ Тохмаярви.» Государь Императоръ изволилъ также отозваться, что Онъ тотъ край до Иденсальми находилъ столь пріятнымъ, что можно назвать его Сѣ-

верною Италіею; но что оттуда далѣе было довольно пусто. Его Величество равномерно спрашивалъ о ближайшихъ окрестностяхъ, о городѣ Каянѣ и его жителяхъ; сіе подало мнѣ случай доложить Государю Императору, что для Его Величества приготовлена въ Каянѣ квартира у пастора, г-на Аппельгрена.

«Въ это самое время г-нъ Миллеръ подалъ къ десерту два ананаса; но Государь Императоръ съ пріятнѣйшею улыбкою замѣтилъ, что обѣдать въ 7 часовъ утра въ окрестностяхъ Каяны, въ конюшнѣ, и притомъ имѣть въ десертѣ ананасы, — была бы уже слишкомъ большая противоположность; почему Его Величество изволилъ приказать князю Волконскому спрятать сіи рѣдкіе плоды, ибо Его Величеству угодно было взять ихъ съ собою въ Каяну и подарить хозяйкѣ Своей, г-жѣ Аппельгрень.»

Вошедши въ конюшню, увидѣлъ я прямо противъ дверей, передъ стойлами, которыхъ четыре, длинный пекрашенный столъ, точно такой, какъ тѣ, которые встрѣчаются во всякомъ и бѣднѣйшемъ гейматѣ. Между нимъ и стойлами поставлена сколоченная наскоро скамья. Тутъ, за этимъ столомъ, сидѣлъ нѣкогда Александръ Благословенный: можно ли было не задуматься при этой мысли? На боковой стѣнѣ, противъ стола, виситъ бумага съ надписью, въ которой между прочимъ сказано:

«Г-нъ ассессоръ и судья Карлъ Георгъ Фландеръ купилъ этотъ столъ со скамьею за 6 банк. риксдалеровъ и подарилъ для помѣщенія въ семь мѣстѣ.»

Въ конюшнѣ находится еще нѣсколько подобныхъ предметовъ; но такъ какъ они относятся къ обратному путешествію Государя изъ Каяны, то для связи надобно здѣсь помѣстить напередъ описаніе предшествовавшихъ обстоятельствъ. Изъ Улеоборга, по распоряженію тамошняго губернатора, подполковника фонъ-Борна, привезена была въ Халланкапгасъ восьмивесельная шлюпка — та самая, которую мы недавно видѣли въ Улеоборгѣ.

«Государь Императоръ, — такъ продолжаетъ г-нъ Грипенбергъ, — сѣлъ на шлюпку въ $1\frac{1}{2}$ 9-го часа и изволилъ приказать сѣсть тутъ же князю Волконскому, баронету Вилліе, прапорщику Мартинау, миѣ, камердинеру своему, г-ну Федорову, и казачьему хорунжему Овчарову. Проѣхавши по рѣчкѣ Вуолійоки 5 верстѣ на веслахъ, мы достигли ея устья и вошли въ озеро Улео. Капитанъ Юнеліусъ доложилъ Государю Императору, что шлюпка была слишкомъ нагружена для плаванія противъ сильнаго вѣтра, котораго онъ опасался; Его Величество изволилъ приказать прапорщику Мартинау, камердинеру Федорову и хорунжему Овчарову пересѣсть на маленькую шлюпку. Какъ мы имѣли попутный вѣтеръ, то въ устьѣ рѣки, откуда мы пустились полными парусами, нельзя было примѣтить дѣйствія силь-

ной бури; но чѣмъ далѣе пускались мы въ озеро, тѣмъ сильнѣе становились волны и опасность очевиднѣе. Не смотря на всевозможное искусство, которое оказалъ въ семъ важномъ случаѣ капитанъ Юнеліусъ, — никакъ нельзя было воспрепятствовать водѣ наливаться въ шлюпку. Буря была сильнѣйшая, и волны подымались часто около шлюпки такъ высоко, что мы ничего не могли видѣть, кромѣ неба и пѣны. Два матроса непрерывно заняты были отливаніемъ воды, которой сильное волненіе ежеминутно наполняло шлюпку, и отъ которой Государь Императоръ и всѣ мы промокли. Въ продолженіе сего опаснаго плаванія на лицѣ Государя Императора изображались спокойствіе и важность. Его Величество спросилъ у капитана по-Англійски: *не опасно-ли?* — на что сей отвѣчалъ, что нѣтъ никакой опасности. Однако-жъ капитанъ вдругъ пришелъ-было въ большое затрудненіе, когда сильнымъ валомъ сломало ручку у руля. Мы непременно погибли бы отъ сего приключенія, если бы г-нъ Юнеліусъ не приготовился къ тому заблаговременно, запасшись другою ручкою, которую онъ съ обыкновеннымъ своимъ присутствіемъ духа успѣлъ надѣть на мѣсто сломанной. Наконецъ, по двухъ-часовомъ плаваніи, вошли мы въ тихую воду, при пасторскомъ помѣстьѣ Пальдамскаго кирхшпиля, гдѣ начинается проливъ, ведущій въ Каяну.

«Въ 12 часовъ пріѣхали мы къ пристани, нарочно

для сего устроенной при водопадѣ Эммя, на сѣверной сторонѣ рѣчки Койвукоски.* Вступленіе Государя Императора на берегъ представляло самое разительное зрѣлище! Вдали видны были развалины древняго замка Каянаборга, возвышавшіяся надъ величественнымъ водопадомъ, коего шумъ увеличивалъ впечатлѣніе, произведенное красотою мѣстоположенія и торжественностію случая. Высоты, окружающія пристань, покрыты были множествомъ народа, стекшагося изъ окрестныхъ деревень, чтобы насладиться лицезрѣніемъ возлюбленнаго своего Монарха. На самой пристани, съ одной стороны горы, стояли граждане города съ своимъ бургомистромъ, г-мъ Фландеромъ, а съ другой — мѣстное духовенство, предводимое пробстомъ Эймелеусомъ, пасторомъ Пальдамскимъ. Въ ту самую минуту, когда Государь Императоръ вступилъ на пристань, вѣрные подданные встрѣтили Его Величество громкими восклицаніями. Бургомистръ приветствовалъ Государя Императора краткою рѣчью на Шведскомъ языкѣ, которую я переводилъ на Французскій языкъ, и на которую Его Величество отвѣчалъ весьма благосклонно; потомъ, обратясь ко всемъ окружающимъ, Государь произнесъ съ чувствомъ: *Я не могу представить вамъ убѣдительнѣйшаго доказательства Моей любви и благоволенія къ*

* Правильнѣе : Каяны. Койвукоски есть только названіе пороговъ.

вамъ и вашимъ соотечественникамъ, какъ рѣшившись пренебречь опасности, противопоставляемая стихіями, чтобы провести между вами нѣсколько минутъ! — За симъ пробсть Эймелеусъ произнесъ на Швецкомъ языкѣ рѣчь, на которую Его Величество изволилъ отвѣчать на томъ же языкѣ, въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ. Потомъ представлено было Его Величеству духовенство. Послѣ чего Государь Императоръ изволилъ отправиться въ городъ, милостиво поклонившись собравшемуся на высотахъ народу, который отвѣчалъ на привѣтствіе возлюбленнаго Монарха новыми, продолжительными восклицаніями. — До города, расположеннаго на лѣвомъ берегу рѣчки Койвукоски, Его Величеству надобно было проходить чрезъ вышеупомянутый островъ, на которомъ находятся развалины Каянаборгскаго замка. На сей случай изъ разбросанныхъ камней сихъ развалинъ устроена была лѣстница; вдоль правой стѣны, надъ которою сдѣлано было возвышенное мѣсто въ видѣ параллелипипеда. Лѣстница и параллелипипедъ обнесены были желѣзными перилами. Все сіе устроено было для того, чтобы Государь Императоръ безъ затрудненія могъ подняться на высоту развалинъ, съ которыхъ видна была часть города и открывались живописные виды окрестностей. Достигнувъ развалинъ, Его Величество увидѣлъ лѣстницу и изволилъ по ней подняться съ княземъ Волконскимъ на

самую вышину параллелипипеда. Полюбовавшись нѣсколько минутъ видами, Его Величество отправился въ городскую церковь, которую осматривалъ съ благочестивымъ вниманіемъ; потомъ, пройдя нѣкоторую часть улицъ города, зашелъ въ домъ городского магистрата, гдѣ изволилъ перебирать листы находившихся тамъ законныхъ книгъ; послѣ чего Его Величество отправился въ пасторскій домъ, гдѣ приготовлена была для Него квартира. Государь Императоръ, отобѣдавъ уже въ Хапалапкангасѣ, изволилъ отказаться отъ обѣда, приготовленнаго для Него въ пасторскомъ домѣ; а вмѣсто того позволилъ подать Себѣ чай. Во время пребыванія Государя Императора въ означенномъ домѣ, Его Величество Самъ изволилъ вручить хозяйкѣ Своей, г-жѣ Аппельгрень, два вышеупомянутые апанаса, и сверхъ того пожаловалъ ей бриллиантовый фермуаръ.»

Говорятъ, что шлюпка, приготовленная для Государя, была не совсѣмъ удобна для плаванія по озеру Улео и что въ то же время ее опережали смолевыя лодки, не подвергаясь опасности. Августѣйшаго Путешественника ожидали въ Каянѣ днемъ ранѣе, и собравшіяся тамъ по этому случаю толпы народа уже начали—было расходиться, когда разнесся слухъ, что Императоръ ѣдетъ. Удалявшіеся возвратились съ новою радостію. Развалины Каянаборга въ ту пору были гораздо выше, нежели ны-

нѣ. Онѣ безпрестанно обваливаются, и на одну изъ нихъ уже опасно всходить. Лучше уцѣлѣла ближайшая къ городу, съ которой Александръ любовался окрестнымъ видомъ. Теперь на ней устроена казенная кузница. Къ прїѣзду Государя тутъ передъ балюстрадаю сперва поставили—было вензеловое изображеніе имени Его съ короною, но послѣ, узнавъ, что Его Величество не жалуется ничего подобнаго, поспѣшили снять это украшеніе. Въ рѣчи пастора Эймелеуса Императоръ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ то мѣсто, гдѣ упомянуто было, что нѣкогда Каяну посѣтилъ славный Густавъ II Адольфъ. Другихъ коронованныхъ особъ не бывало здѣсь. Густавъ IV Адольфъ, объѣзжая въ 1802 году Финляндію, миновалъ Каяну на пути изъ Куопіо въ Улеоборгъ; но тогдашній проѣздъ его памятенъ въ здѣшнихъ мѣстахъ тѣмъ, что изъ Пальдамо потребовано было для короля до 200 лошадей. Не соображаясь со способами и положеніемъ края, Густавъ IV ѣхалъ съ огромною свитою, тѣмъ болѣе отяготительною для жителей, что многіе изъ составлявшихъ ее вели себя совершенно несоотвѣтственно своему сану и званію. При такой непомѣрной пышности и величаво-холодномъ обращеніи Густава IV, проѣздъ его по Финляндіи не оставилъ въ народѣ прїятныхъ воспоминаній.

Пынѣшняя ратуша въ Каянѣ построена въ слѣдствіе посѣщенія Александромъ прежняго дома

ся — изъ суммъ, Всемилоствѣйше на то пожалованныхъ. Пасторскій домъ вовсе еще не былъ возобновляемъ послѣ пребыванія въ немъ знаменитаго Гостя. Изъ залы ведутъ двѣ двери направо, и за каждою изъ нихъ есть отдѣльная компатка; тогда гостиною была первая изъ этихъ комнатъ, обращенная ко двору, и она-то отведена была Государю. У пасторши жила сестра ея, молодая дѣвица Гольмбергъ, недавно пріѣхавшая изъ Абоскаго пансіона. Она знала по-французски и, съ трепетомъ помогая сестрѣ готовить чай, удостоилась простодушіемъ своимъ обратить на себя милостивое вниманіе Государя. Разговоръ и веселость Александра ободрили застѣчивую дѣвушку. При прощаніи она хотѣла пасть къ ногамъ Его, но кроткій Монархъ не позволилъ ей этого, поцѣловалъ у нея руку и подарилъ хозяйкѣ дорогой знакъ Своей признательности. Пасторъ Аппельгрень живетъ нынѣ во ввѣренномъ ему приходѣ Соткамо (верстъ 60 къ востоку отъ Каяны).

Пребываніе Императора Александра въ Каянѣ продолжалось только часа три. Встревоженный опасностію переѣзда черезъ озеро, Онъ спѣшилъ удалиться. «Ваше Величество въ плѣну,» сказалъ лейбъ-медикъ Вилліе. Пристальный и нѣсколько строгій взглядъ былъ отвѣтомъ на смѣлую шутку. — Обратный путь изъ Каяны въ Инсбрукъ составляетъ самую замѣчательную часть незабвенна-

го путешествія и, конечно, одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ эпизодовъ въ жизнеописаніи Государей.

Г. Грипенбергъ говоритъ: «Сильная буря, подвергавшая насъ опасности во время переправы чрезъ озеро, возбудила въ князѣ Волконскомъ сомнѣніе на счетъ опасности возвратнаго пути, и Его Сіятельство изволилъ совѣтоваться со мною, нельзя ли изъ Каяны возвратиться сухимъ путемъ. Я доложилъ Его Сіятельству, что сіе возможно, но сопряжено со многими затрудненіями, поелику большую часть дороги надобно будетъ идти пѣшкомъ, чрезъ топкія болота, а другую ѣхать верхомъ, по песчанымъ и каменистымъ буграмъ. Мѣстные обыватели, у коихъ спрашивали мнѣнія о семъ, все единогласно полагали, что буря къ вечеру утихнетъ; но какъ Его Величество спѣшилъ отъѣздомъ и не хотѣлъ подвергаться долгой остановкѣ, то и рѣшился возвратиться изъ Каяны сухимъ путемъ, не смотря на то, что не было настоящей дороги, и что надобно было проѣзжать чрезъ мѣста почти необитаемыя.

«Вся дорога, которую надобно было проѣзжать, состояла изъ небольшихъ тропинокъ, проложенныхъ чрезъ дикія и каменистыя мѣста, пересѣкаемыя большими пространствами тишестыхъ болотъ. Для переправы чрезъ означенныя болота, жители сего края кладутъ одно возлѣ другаго два бревна,

сверху немного стесанные. Сии узенькіе мостики часто простираются на нѣсколько верстъ, и какъ нерѣдко случается, что лошади, непривыкшія ходить по таковымъ мостамъ, оступаются и падаютъ въ болото, откуда съ большимъ затрудненіемъ должно ихъ вытаскивать, — то всѣ принуждены были переходить сии опасныя мѣста пѣшкомъ, держа лошадей за поводъ. Судя по собраннымъ мною свѣдѣніямъ о качествѣ и пространствѣ непроходимой дороги, которую Государь изволилъ проѣхать, можно навѣрное положить, что Его Величество на возвратномъ пути изъ Каяны прошелъ пѣшкомъ безъ малаго 50 верстъ, и проѣхалъ верхомъ около $21\frac{1}{4}$ версты.»

Вотъ и сѣдло, на которомъ ѣхалъ Александръ. Оно виситъ въ Государевой конюшнѣ, на перегородкѣ крайняго съ правой стороны стойла. Въ цѣлой Каянѣ не нашлось другаго. Оно принадлежало тамошнему почтмейстеру, г-ну Монгоммери (нынѣ занимающему ту же должность на Аландскихъ островахъ): стремяна у этого сѣдла непарныя и впсѣли на веревкахъ, теперь замѣненныхъ ремнями. Надобно знать, что всѣ эти достопамятные предметы собраны уже по кончинѣ Императора Александра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ прорвалась подкладка этого сѣдла, видно, что оно набито сѣномъ. Для особъ, сопровождавшихъ Его Величество, сѣдла сдѣланы были наскоро изъ по-

душекъ съ соломою и версвокъ. Проводникомъ Государя избранъ былъ одинъ изъ мѣщанъ (borgare) Каяны, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, Эрикъ Мятя (Määtä). Отправясь изъ Каяны въ половинѣ 3-го часа по полудни, Александръ къ 8-ми часамъ вечера сдѣлалъ 15½ верстъ и остановился ночевать въ бѣдномъ и дурно-построенномъ гейматѣ Ронгалѣ. Здѣсь Государь ужиналъ, и кушалъ между прочимъ телячье жаркое, которое г-жа Аппельгрепъ упростила камердинера взять съ собою изъ Каяны.

Въ углу конюшни, налѣво отъ входа, стоитъ низенькая и коротенькая покрашенная кровать, въ которой, какъ сказано въ надписи, «почивалъ Императоръ Александръ въ ночь съ 28-го на 29-ое Августа 1819 года деревни Майшуа и прихода Пальдамо въ гейматѣ Ронгалѣ № 8, почему кровать эта куплена и перенесена сюда по распоряженію Улеоборгскаго губернатора, полковника и кавалера, г-на Абрама Шеришаща.»

Уже въ 4-мъ часу по полуночи вновь началось странствованіе, и въ 6-ть часовъ утра Государь прибылъ въ другой гейматъ той же деревни. Хозяинъ этого геймата, крестьянинъ Генрикъ Тэрвоненъ, бывъ въ 1809 году депутатомъ на сеймѣ въ Борго, имѣлъ счастіе быть извѣстнымъ Его Величеству. Еще въ Хапалаанкангасѣ (у озера Улео) онъ былъ представленъ Александру и удостоился

самаго милостиваго обращенія. Тамъ оставался онъ и теперь, надѣясь еще разъ увидѣть Монарха на возвратномъ пути изъ Каяны. Генрикъ Тёрвоненъ бывалъ прежде и на сеймахъ въ Швеціи; этимъ и важными пріемами своими онъ пріобрѣлъ въ своемъ околоткѣ прозваніе *Майнуанскаго Государя*, очень позабавившее Александра. Говорятъ, что онъ, послѣ благоволенія, оказаннаго ему Русскимъ Императоромъ, такъ зазнался, что сдѣлался несносенъ для всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Здѣсь хозяйка подала Его Величеству варенаго картофеля, молока и масла. «Вотъ блюда» замѣчаетъ г-нъ Грипецбергъ, «составлявшія обѣдъ, коимъ Майнуанскій король угощалъ Великаго Россійскаго Императора.»

Въ Хумпимяки Александръ прохаживался одинъ по комнатѣ, гдѣ хозяйка только успѣла накрыть столъ бѣлою скатертью для пріема Высокаго Гостя. Не видя никого изъ сопровождавшихъ Его лицъ, Александръ изъ растворенной двери выглянулъ на дворъ и увидѣлъ, что особы, составлявшія свиту Его, поспѣшивъ въ молочную кладовую, усердно уже занимались тамъ утоленіемъ своего голода. Улыбаясь, Императоръ приказалъ подать Себѣ простокваши и кушалъ ее съ хлѣбомъ. Отправляясь отсюда, Государь велѣлъ отблагодарить хозяйку. Она не прежде согласилась принять предложенную ей 25-ти рублевую бумажку, какъ когда ей было

сказано, что это дается ей не за принятое угощеніе, а въ знакъ Царской милости.

По лѣсенкѣ, поднимающейся въ конюшнѣ близъ описаннаго сѣдла, взошелъ я на маленькій сѣпикъ; тамъ въ діагональномъ направленіи стоитъ лодка, на которой лежатъ два весла и шесть. Вотъ ея исторія:

«По дорогѣ, ведущей къ геймату Сотариѣ, протекаетъ небольшая рѣчка, отъ 20 до 25 сажень шириною; для переѣзда черезъ нее не имѣли времени сдѣлать нужныхъ приготовленій. Случайно нашлась на берегу маленькая рыбацья лодка, которой чрезвычайно обрадовались. Государь Императоръ и князь Волконскій сѣли въ лодку, съ проводникомъ Эрикомъ Мятя. Его Величество взялся править, князь дѣйствовать веслами, и нашъ добрый Мятя остался на серединѣ лодки, безмолвный отъ удивленія! — Какъ берега рѣчки были низки и болотисты, то Его Величество и князь Волконскій, при выходѣ изъ лодки, замочили и загрязнили ноги. Чтобы не имѣли сего неудобства и прочіе, которымъ надобно было переѣзжать на той же лодкѣ, Государь Императоръ, примѣтивши не въ дальнемъ разстояніи сухія древесныя вѣтви, изволилъ Самъ ихъ собирать и съ помощію князя Волконскаго носить къ тому мѣсту берега, гдѣ приставала лодка, и изъ сихъ вѣтвей Его Величество сдѣлалъ родъ пристани. Лошади прошли вплавь, и нѣкоторыя

изъ нихъ такъ глубоко увязли въ тинѣ, что съ большимъ трудомъ едва могли ихъ оттуда вытащить. При семъ случаѣ Государь Императоръ Самъ поймалъ свою лошадь и вытеръ ее пучкомъ сѣна, которое изволилъ взять изъ близъ-стоявшей копны.»

Послѣ покупки этой лодки для помѣщенія ея въ конюшни, между крестьянами распространился слухъ, будто это не та самая, въ которой Александръ переправлялся черезъ рѣчку. Для удостовѣренія въ истинѣ, Іоаниъ Тѣрвопентъ, сынъ умершаго Генрика, въ 1833-мъ году приведенъ былъ къ присягѣ и подтвердилъ клятвенно, что въ продажѣ не было никакого подлога. Дѣло это внесено въ протоколъ суда, откуда выписка относительно лодки также прибита къ одной изъ стѣнъ конюшни. Лодка пріобрѣтена, какъ сказано въ этой же бумагѣ, на счетъ Пальдамскаго прихода за 8 банковыхъ риксдалеровъ.

Наконецъ, внизу, направо отъ двери, стоитъ еще крестьянская двухколесная тележка съ рѣшетчатыми стѣнками. Надъ осью положена доска, къ которой привязанъ какой-то бѣлый мѣшокъ вмѣсто подушки. Впереди лежитъ старый кожаный кнутъ. Вотъ объясненіе этихъ предметовъ:

«Отдохнувши съ часъ въ послѣднемъ поселеніи, проѣхали еще $17\frac{1}{2}$ верстъ до станціи Пипполы въ деревнѣ Сярясмяки, куда Его Величество прибылъ въ 7 часовъ вечера. Отъ сей станціи, чрезъ кото-

рую Государь Императоръ на капуиѣ проѣхалъ въ Каяну, оставалось еще до станціи Ниссиля 15 верстъ. Его Величество, вѣроятно уставъ ѣхать верхомъ, хотѣлъ-было проѣхать сію станцію въ экипажѣ; но во всей деревнѣ нашли только нѣсколько худыхъ двухколесныхъ тележекъ, изъ коихъ принуждены были взять одну, привязали поперекъ ея доску и сверхъ оной солому. Его Величество, щедро наградивъ проводника Своего, простился съ нимъ, пожавъ ему руку, — потомъ сѣлъ одинъ въ тележку, взялъ Самъ возки и такимъ образомъ отправился въ 7¹/₂ часовъ. Проѣхавъ небольшое пространство, Его Величество приказалъ Овчарову сѣсть въ тележку подлѣ Себя и править оною.

«Въ продолженіе всего столь труднаго путешествія, Его Величество былъ чрезвычайно веселъ и любезенъ. Когда проводникъ отлучался, Его Величество Самъ изволилъ вести Свою лошадь чрезъ болота по бревнамъ. Во время проѣзда чрезъ лѣсъ, въ которомъ росла брусника, Эрикъ Мятя, шедшій почти всегда передъ лошадью Государя Императора, сбиралъ оную и подавалъ Августѣйшему своему Государю, Который принималъ ее съ удовольствіемъ и утолялъ оною Свою жажду.*

* Мятя еще поднесъ Александру приготовленный имъ хлѣстикъ. Государь часто подавалъ руку встрѣчавшимся крестьянамъ и, показывая на Себя, говорилъ имъ: «Minä on kejsari (Я Государь).» Мѣстами на пути Его стояли мальчики и дѣвочки, державшіе въ

«Тотчасъ по прїѣздѣ моемъ въ Ниссиля, я поручилъ исправнику Эльвингу ѣхать на встрѣчу Его Величеству съ курьерской кабріолеткой. Государь Императоръ выѣхалъ на большую дорогу точно тамъ, гдѣ я полагалъ, т. е. при Сярясмяки, и Эльвингъ встрѣтилъ Его Величество на 3-й верстѣ отъ означенной деревни. Государь Императоръ тотчасъ изволилъ пересѣсть въ кабріолетъ и прибылъ благополучно въ Ниссиля въ 10-мъ часу вечера. Прїѣхавъ на станцію, Его Величество съ чрезвычайною легкостію выскочилъ изъ кабріолета и спросилъ меня, когда я прїѣхалъ (изъ Каяны). Я отвѣчалъ, что уже около 3-хъ часовъ тому назадъ, и что я, переночевавъ въ Каялѣ, уѣхалъ оттуда по утру на другой день послѣ отъѣзда Его Величества, и прїѣхалъ въ Ниссиля (водою) безъ всякой опасности. На что Его Величество веселымъ и шуточнымъ тономъ сказалъ: «Я очень радъ; но Я напротивъ сдѣлалъ большой кругъ, правда немного затруднительный, но не безъ прїятностей; и Я, конечно, никогда не забуду забавнаго Своего путешествія въ Каяну.»

«Его Величество, переночевавъ въ Ниссиля, изволилъ на другой день ¹⁸/₃₀ Августа продолжать Свое путешествіе въ Улеоборгъ и другія части Финляндіи.»

рукахъ чашки съ мамурой (поленкой); взявъ двѣ, три ягоды, Государь дарилъ за нихъ синюю бумажку и ласкалъ дѣтей!

Эрикъ Мятя умеръ въ глубокой старости еще только весною пынѣшняго года. Я видѣлъ на восточномъ краю города принадлежавшій ему красный домишко, гдѣ теперь живетъ вдова его съ дѣтьми. Во всю жизнь онъ рѣшительно никому не сказывалъ, и напротивъ тщательно скрывалъ, сколько Государь пожаловалъ ему; но судя по тому, какъ онъ велъ дѣла свои послѣ столь неожиданнаго для него счастья, — награда была истинно-царская.

Исторія перенесенія сюда самой копіюшки также любопытна. Въ 1826-мъ году г-нъ Грипенбергъ, взявъ съ собою живописца для изготовленія рисунковъ къ описанію Государева путешествія, отправился въ Каяну, и на проѣздѣ черезъ Хапаланкангасъ купилъ копіюшку у тамошняго хозяина. Еще прежде, нежели онъ рѣшился, что сдѣлать изъ этого драгоценнаго строенія, судья Каянскаго уѣзда, ассессоръ Фландеръ (прежній бургомистръ) письменно обратился къ нему съ просьбою отъ имени жителей Пальдамскаго прихода, чтобы копіюшка эта предоставлена была имъ для передачи ея, попеченіемъ ихъ, позднѣйшему потомству.

«Сіе достохвальное патріотическое намѣреніе, — заключаетъ г-нъ Грипенбергъ, — тронуло меня живѣйшимъ образомъ, и я съ неизреченною радостію воспользовался симъ случаемъ для удовлетворенія ихъ желанія. Ассессоръ Фландеръ въ послѣдствіи

увѣдомилъ меня, что всѣ жители Пальдамскаго прихода, въ томъ числѣ и большая часть крестьянъ, собравшись 3/15-го Іюля 1827-го года у главнаго пастора того прихода, г-на доктора богословія, Эй-мелеуса, сдѣлали распоряженіе о перенесеніи копіи изъ Хапалапкангаса къ главной церкви Пальдамскаго прихода, у коей она и поставлена, по единодушному желанію и положенію всѣхъ ихъ. Исправляющій должность гражданскаго губернатора, г-нъ Шерпшанцъ, находившійся при таковой мірской сходкѣ и съ большою горячностью и чувствами участвовавшій въ семъ торжественномъ предпріятіи, вызвался пріобрѣсти и доставить имъ лодку, въ коей Императоръ Александръ переѣзжалъ чрезъ рѣку Вуотоіюки; кровать, на коей почивалъ Его Величество на трудномъ возвратномъ пути Своемъ изъ Каяшы, во время ночлега въ Ронгальскомъ поселеніи; и тележку, на которой Императоръ проѣхалъ часть пути отъ Сярямяки до Ниссиля; Ассессоръ Фландеръ доставилъ столъ и скамью, употребленныя во время обѣда въ конюшнѣ, а Каянскій почтмейстеръ, г-нъ Монгоммери, — сѣдло, на которомъ Его Величество ѣхалъ чрезъ пустыню.»

Описаніе путешествія Императора Александра въ Каяну, изданное г-мъ Гриценбергомъ, очень немногимъ извѣстно, и потому я счелъ нужнымъ привести поболѣе выписокъ изъ этой книги. Для до-

полненія всего рассказаннаго сообщу здѣсь еще нѣсколько свѣдѣній о тогдашнемъ путешествіи Государя по Финляндіи.

30-го Августа Александръ выѣхалъ изъ Нисси и около 10 часовъ вечера прибылъ въ Улеоборгъ. Здѣсь Его ожидали уже съ 28-го числа и съ безпокойствомъ старались угадать причину замедленія. Пріѣхавшій сюда заблаговременно статсъ-секретарь, графъ Ребиндеръ, предавался самымъ тревожнымъ опасеніямъ, возбужденнымъ бывшею бурей. Наконецъ вечеромъ 29-го числа нарочный привезъ извѣстіе объ остановкѣ, происшедшей отъ сухопутнаго странствованія Государя чрезъ пустышныя мѣста. Тѣмъ сильнѣе былъ восторгъ жителей, когда петербургскія желанія ихъ исполнились: не только самый городъ былъ освѣщенъ, но и по обѣимъ сторонамъ большой дороги на разстояніи 2—3-хъ верстъ оттуда горѣли свѣчи. При въѣздѣ Государя въ Улеоборгъ сотни рукъ махали платками изъ оконъ, между тѣмъ какъ улицы оглашались радостными восклицаніями.

На другое утро въ 8 часовъ, переночевавъ въ домѣ коммерціи совѣтника Чекмана (Keskman), Его Величество предпринялъ путешествіе въ Торнео. Пѣшкомъ отправился Государь къ парому, сопровождаемый тѣсными толпами и кликами народа. Шлюпка, на которой совершилось плаваніе черезъ озеро, была привезена сюда сухимъ путемъ и на

ней-то Александръ переправился теперь черезъ рѣку Улео. Ею управлялъ здѣсь братъ того капитана Юпеліуса, который былъ кормщикомъ Царя на озерѣ.

Вечеромъ, часовъ въ 9, происходила уже переправа черезъ рѣку Торнео. Городскіе чины въ мундирахъ стояли у берега. «Говорить ли кто по-французски?» спросилъ Государь. «Un peu,» отвѣчалъ, кажется, пасторъ, докторъ Кастрѣнъ. «Скажите, — сказалъ Александръ, — что Я прибылъ сюда съ благодатію и благословеніемъ Божиимъ.» Эти слова произвели въ присутствовавшихъ невыразимый восторгъ. Квартира для Императора приготовлена была въ домѣ купца Бергмана. Тамъ на другое утро чины удостоились представленія Монарху, который милостиво спрашивалъ доктора Кастрѣна по-французски, когда и по какому случаю онъ получилъ украшавшіе грудь его ордена. Въ домѣ, гдѣ остановился Государь, казаки были на караулѣ. Жители изъявили желаніе, чтобы имъ дозволено было стать у Монарха на стражѣ, но получили въ отвѣтъ, что Его Величество, вполне довѣряя жителямъ, не имѣетъ надобности ни въ какой стражѣ, — и казаки были распущены. Потомъ Александру угодно было въ опредѣленный часъ обойти главныя улицы Торнео, въ сопровожденіи городскихъ чиновъ. Бургомистръ, покойный К—съ, предаваясь увлеченію радости, присоединился ме-

жду тѣмъ къ нѣсколькимъ веселымъ друзьямъ и, среди обильныхъ тостовъ вѣрноподданнической преданности забывъ о времени, опоздалъ къ Высочайшей прогулкѣ. Слѣдствіемъ этого было, что когда Государь, обходя городъ, хотѣлъ удостоить ратушу Своимъ посѣщеніемъ, она была замкнута. По улицамъ народъ толпами слѣдовалъ за Александромъ. Адъютантъ пастора* старался удалять толпу; но Государь, замѣтивъ это, оборотился къ нему и съ ласковой улыбкой сдѣлалъ рукою знакъ, чтобъ онъ не мѣшалъ народу.

Уже Александръ сѣлся въ лодку для обратной переправы черезъ рѣку Торнео, когда поспѣшно явился на берегу опоздавшій бургомистръ и, въ порывѣ патріотическаго усердія, воскликнулъ громкое, хотя нѣсколько хриплое ура! Народъ, слѣдуя распоряженію пачальства, остался безмолвнымъ. Но на другомъ берегу Монархъ встрѣченъ былъ шумными кликами радости. Въ Торнео, среди всеобщаго восторга, забыли принять мѣры къ приличному угощенію Государя и свиты Его. Къ счастью Русскій купецъ Ситковъ во-время еще успѣлъ поправить эту оплошность. Александръ, по возвращеніи въ Петербургъ, наградилъ его золотою табакеркой, приказавъ доставить ему этотъ подарокъ мимо Торнеоскаго бургомистра.

* См. выше стр. 153.

Изъ Торнео Императоръ возвратился въ Улеоборгъ, гдѣ на этотъ разъ съ одной стороны освѣщены были суда въ устьѣ Улео, а съ другой горѣли смоляныя бочки. Послѣ осмотра общественныхъ зданій въ этомъ городѣ и завтрака, на который приглашены были почетнѣйшіе изъ тамошнихъ жителей, Александръ по береговой дорогѣ отправился обратно въ С. Петербургъ.*

Разставаясь съ Государевою конюшнею, нельзя не пожелать, вмѣстѣ съ Пальдамскими жителями, чтобы вскорѣ приняты были мѣры къ доставленію возможной прочности этому драгоцѣнному памятнику благоволенія Александра къ Финнамъ и ихъ признательности къ Александру. Для этого необходимо окружить эту конюшню другимъ, хотя бы также деревяннымъ строеніемъ, на подобіе того, какъ домикъ Петра Великаго въ Петербургѣ хранится подъ каменнымъ футляромъ. Издержки такой постройки не могутъ быть велики; а между тѣмъ только этимъ способомъ можно предупредить, пока еще не поздно, угрожающее убогому домику разрушеніе, которое составило бы для потомства потерю невознаградимую.

* Еще нѣсколько занимательныхъ свѣдѣній о путешествіи Императора Александра по Сѣверной Финляндіи можно найти въ книгѣ дѣвицы Ваклинъ: «Hundraåre Minnen från Oesterbotten,» ч. I, откуда отрывокъ былъ переведенъ въ Современникѣ 1842 года (т. XXVІІ, стр. 274). Впрочемъ подробности рассказовъ г-жи Ваклинъ требуютъ часто точнѣйшей повѣрки.

Неизгладимо-глубокое впечатлѣніе оставила въ Финсахъ благодать Александра. Дѣйствіе ея на умы было тѣмъ могущественнѣе, что вмѣстѣ съ нею постигла край и благодать небесная: въ 1819-мъ году былъ здѣсь такой урожай, какого народъ не запомнитъ, и этотъ счастливый годъ принять, въ мѣстныхъ преданіяхъ, замѣчательное названіе *Государева*. До сихъ поръ, когда выдается необыкновенно-хорошая жатва, крестьянинъ говоритъ: «Нынче у насъ годъ почти не хуже *Государева* (*Kejsarin wuosi*).»

ОТДѢЛЪ VIII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ КАЯНУ

II

ОТТУДА ВЪ ГЕЛЬЗИНГФОРСЪ.

38.

КАЯНА, 2-го Іюля.

Домъ Пальдамскаго пастора — прежнее мѣсто церкви — исторія Каяны — мѣсто заключенія Іоанна Мессеніуса — черты изъ біографіи его — воспоминаніе о Францень.

Мысль, на которомъ построена церковь Пальдамская, называется Пальданіемъ, а все поселеніе, ее окружающія, составляютъ вмѣстѣ Пальдамскую деревню. Сегодня по-утру, побывавъ еще разъ въ исторической конюшнѣ и отъ души поблагодаривъ добраго господина Фландера за его сердечный пріемъ, я съ нимъ и съ товарищемъ моимъ отпра-

вился къ главнымъ изъ тамошнихъ жителей. Сперва мы посѣтили каплана Форбуса; потомъ вмѣстѣ съ нимъ пошли къ пастору Эймелеусу, котораго отецъ занималъ это же мѣсто въ 1819-мъ году. Папшила стоитъ въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ церкви на берегу озера Улео, и мы уже видѣли ее, приближаясь къ Каянѣ водою. Любезный пасторъ уговорилъ насъ остаться у него къ обѣду. Самъ онъ занятъ было цѣлое утро экзаменомъ крестьянъ, желавшихъ быть допущенными къ конфирмаціи. Мы ходили въ избѣ, гдѣ происходило испытаніе. По окончаніи его оказалось, что изъ числа 61-го можетъ быть приобщено только 25 человѣкъ. После обѣда имѣли мы удовольствіе слышать музыку: въ залѣ стояло фортепіано, выпущенное изъ Петербурга, и одна изъ пасторскихъ дочерей, по просьбѣ нашей, играла и пѣла. Заботы хозяйства, дѣятельно раздѣляемыя молодыми питомцами папшилы съ ихъ матерью, не мѣшаютъ имъ заниматься и искусствомъ. Въ началѣ церковь Пальдамская находилась близъ пасторскаго дома, также на берегу озера, но въ 1715-мъ году она разорена была Русскими, причемъ однако-жъ прихожане успѣли зарыть колокола въ землю. Лежащее неподалеку старинное кладбище обваливается вмѣстѣ съ землею въ озеро, которое вообще постоянно расширяется.

Оставивъ семейство пастора, мы пошли къ коронному фохту, ночью возвратившемуся изъ Улео-

борга. Какъ мы нѣ спѣшили, но успѣли и здѣсь выпить нѣсколько рюмокъ превосходнаго вина, послѣ чего, простившись съ добрыми жителями Пальдамекаго прихода, сѣли въ пасторскую одпоколку и поѣхали въ городъ.

Сегодня расскажу вкратцѣ исторію Каяны и ея замка. Королева Христина пожаловала здѣшнюю область, въ видѣ баронства, Финляндскому генералъ-губернатору, графу Петру Браге, и онъ въ 1651-мъ году основалъ городъ Каяну. Замокъ Каянаборгъ оконченъ въ 1666-мъ году. Окрестный край не разъ подвергался опустошительнымъ нападеніямъ со стороны Русскихъ, особливо во время войны Карла XII. Въ 1712-мъ году въ Каяну пришло изъ Кексгольма 300 казаковъ; въ 1715-мъ нѣсколько сотъ человекъ вторгнулось сюда изъ Пейшлота черезъ Пальдамо. Наконецъ въ слѣдующемъ году четырехъ-тысячное Русское войско, пришедшее чрезъ озеро Улео подъ начальствомъ генерала Щекина, осаждало крѣпость цѣлый мѣсяцъ и принудило коменданта, подполковника Мёрмана, сдать ее. За этимъ, вопреки заключенному условію, послѣдовалъ жестокий грабежъ: церкви были сожжены, жителей мучили, убивали, множество другихъ увели въ плѣнъ; самый же замокъ былъ взорванъ частью пороха, уступленнаго Русскимъ. — Свѣдѣнія эти почерпнуты мною изъ рукописнаго повѣствованія, составленнаго въ 1739-мъ году Каян-

скимъ пасторомъ Бакманомъ и хранящагося здѣсь въ церковномъ архивѣ.*

Подъ сѣверною развалиною Калнаборга есть тѣсная комната съ желѣзною дверью; тамъ нынѣ лежатъ порохъ, а въ старину томились преступники. Изъ сидѣвшихъ здѣсь извѣстенъ особенно Шведскій ученый *Іоаннъ Мессеніусъ*. Упомянувъ о мѣстѣ погребенія его въ Улеоборгѣ, сказалъ я, что въ Калнѣ сообщу нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Онъ родился во второй половинѣ 16-го вѣка, когда Іезуиты старались возстановить въ Швеціи католическую религію. Воспитанный въ одной изъ ихъ школъ, Мессеніусъ поселился въ Польшѣ. При Карлѣ IX возвратился онъ въ отечество и такъ искусно умѣлъ вкрасться въ довѣренность правительства, что получилъ мѣсто профессора въ Упсалѣ. Мессеніусъ отличался рѣдкими способностями, былъ необыкновенно ученъ и дѣятеленъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ недобросовѣстенъ, безпокоенъ, сварливъ, самонадѣянъ; его самолюбіе доводило его до смѣшныхъ крайностей. При университетѣ эти противоположныя качества вскорѣ обнаружались съ одной стороны важными трудами, съ другой продолжительными ссорами, которыя не разъ подавали поводъ къ шумнымъ и постыднымъ сце-

* Подъ заглавіемъ: *Sannfärdig berättelse om Kajana slotts och stads församlings tillstånd etc.*

намъ, даже въ самой университетской консисторіи (совѣтѣ). Такова была особенно ссора его съ другимъ знаменитымъ профессоромъ и писателемъ, Іоанномъ Рудбекомъ, какъ соперникомъ его по ученымъ заслугамъ. Вотъ между прочимъ обращеніе ихъ отношеній и вмѣстѣ правовъ того времени. Рудбекъ, избранный въ ректоры, произносилъ рѣчь при вступленіи въ должность. Мессеніусъ нѣсколько разъ прерывалъ его, свисталъ, шумѣлъ и наконецъ осыпалъ его ругательствами, называя своего сослуживца *осломъ, дуракомъ, сумасшедшимъ*. Консисторія вмѣшалась въ дѣло и призвала Мессеніуса для выслушанія строгаго выговора. Но тутъ онъ излилъ свое негодованіе на всѣхъ профессоровъ, превозносилъ самого себя и утверждалъ, что всѣ прочіе ничего не дѣлаютъ. Нагрубивъ самому архіепископу, присутствовавшему въ собраніи по должности мѣстнаго начальника (проканцлера) университета, Мессеніусъ наконецъ пришелъ въ ярость и вызвалъ ректора на дуэль. Рудбекъ, будучи пасторомъ, не могъ принять вызова, но братъ его взялся раздѣлаться за него. Между тѣмъ жена Мессеніуса, къ которой посланный отъ мужа приходилъ за шпагой, сама побѣжала въ консисторію и жестоко отдѣлала профессоровъ. Дуэль успѣли отклонить, но ученики, которыхъ Мессеніусъ содержалъ у себя на дому, вооружились шпагами и ружьями, и произвели въ городѣ страшную тревогу.

Дѣло это не могло не огласиться. Король Густавъ II Адольфъ нарядилъ слѣдствіе и, по окончаніи его, отрѣшилъ обоихъ профессоровъ отъ должности; однако-жъ, уважая ихъ ученость, далъ имъ вскорѣ другія выгодныя мѣста.

Черезъ нѣсколько лѣтъ открылось, что многія лица въ Стокгольмѣ находились въ сношеніяхъ съ изгнанною Польскою отраслію дома Вазы. Въ перепискѣ съ врагами короля обличенъ былъ и Мессеніусъ. Судъ приговорилъ его къ смертной казни; но Густавъ Адольфъ опредѣлилъ замѣнить ее пожизненнымъ заключеніемъ. Случилось, что въ то самое время намѣстникъ Улеоборгско-Каянскаго лена (губерніи) долженъ былъ изъ Стокгольма ѣхать назадъ въ Остроботнію. Ему было приказано взять съ собою Мессеніуса, жену его и дѣтей и посадить ихъ въ замокъ Каянаборгъ. Они прибыли туда въ исходѣ 1616-го года.

Въ этомъ замкѣ, окруженномъ пустынными лѣсами, лежащемъ между двухъ неумолкающихъ водопадовъ, посреди чуждаго, иноязычнаго племени, Мессеніусъ провелъ цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ. Его содержали чрезвычайно сурово. Недолго оставались при немъ дѣти: «у него отняли не только ихъ, но и слугъ его; удалилъ даже тѣхъ изъ сторожей, которые слишкомъ мягко съ нимъ обращались. Изъ сыраго лѣсу построили надъ рѣкою новую темницу, такъ низко, что изъ-подъ полу часто

пробивалась вода. Съ одной стороны былъ скотный дворъ и подъ самымъ окномъ Мессеніуса лежала навозная куча; съ другой стороны отвели ему, въ видѣ кладовой, чуланъ, который прежде солдаты употребляли на самое грязное назначеніе. Такъ какъ Мессеніусъ не хотѣлъ добровольно перебраться въ эту новую тюрьму, то его насильно перенесли туда, при чемъ разорвали у него платье и повредили одно ребро. Въ другой разъ смотритель отнялъ топоръ, которымъ Мессеніусъ самъ рубилъ себѣ дрова, и разбранилъ солдата, давшего ему въ замѣнъ свой ножикъ. Пьяный солдатъ ранилъ однажды служанку, самъ смотритель — жену Мессеніуса. *«Не бѣда, — сказалъ смотритель, — если-бъ даже самъ Мессеніусъ отправился на тотъ свѣтъ.»* Письма, въ которыхъ несчастный жаловался правительству, оставлялъ тотъ цѣлые годы передъ дверью, не только не отправляя ихъ, но даже и не подымая съ полу.»*

Къ облегченію такой тяжелой судьбы способствовала съ одной стороны заботливость жены Мессеніуса, постоянно за нимъ ухаживавшей, а съ другой его непрерывная дѣятельность. Ему позволено было имѣть при себѣ книги и рукописи, бумагу и чернила. Отъ этого происстекли счастливыя послѣдствія, какъ для него, такъ и для Швеціи. Ему при-

* Изъ Шведской Исторіи Фрюкселя, ч. IX, откуда и вообще заимствованы извѣстія о Мессеніусѣ.

шло на мысль, пользуясь уединеніемъ, написать полную исторію Швеціи: до него были только отрывочные, неполные опыты по этому предмету. Онъ немедленно принялся за работу, и въ годы своего заключенія окончилъ не только задуманную исторію * до своего времени, но и множество другихъ трудовъ, касающихся до отечества, такъ что все вмѣстѣ составило двадцать книгъ. Въ древней исторіи у него много невѣрностей, но за то послѣднія столѣтія изображены имъ съ точностію и безпристрастіемъ; для этого времени сочиненіе его еще и теперь служитъ однимъ изъ главныхъ пособій. Самъ онъ полагалъ, что *подобнаго произведенія никогда больше и не будетъ*.

По смерти Густава Адольфа правители государства облегчили нѣсколько заключеніе Мессеніуса, и въ 1635-мъ году онъ переведенъ былъ въ Улеоборгъ, гдѣ ему назначили двойное противъ прежняго содержаніе. По неоднократной просьбѣ его, изъ Швеціи присланъ былъ свѣдущій человѣкъ для разсмотрѣнія и переписки его Исторіи; но тутъ онъ чуть было не испортилъ всего дѣла, настоятельно требуя отъ правительства разныхъ выгодъ въ вознагражденіе труда своего. Уже ему грозили возвращеніемъ въ Каяшу, когда смерть, въ концѣ 1636-го года ** прекратила его тревожное существованіе.

* Подъ заглавіемъ: *Scandia illustrata*.

** Или, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, въ 1637.

Надъ гробницею Мессеніуса помѣстили портретъ его и самимъ имъ составленное двустишіе:

«Здѣсь покоятся кости доктора Іоанна Мессеніуса:

Душа въ царствіи Божіемъ, а слава по всему міру.»

По смерти Мессеніуса издано не менѣе 58-ми разныхъ произведеній его. Большою извѣстностію пользуются его драматическіе труды, представляющіе въ лицахъ также Шведскую исторію.

Въ Каянѣ видѣлъ я кресла, на которыхъ онъ, сидя въ тюрмѣ, писалъ свое историческое сочиненіе. Они уютны, удобны, украшены узорчатою рѣзьбой и очень хорошо сохранились.

Мы здѣсь показывали еще примѣчательность, относящуюся къ біографіи другаго знаменитаго писателя Швеціи. Это старинный, крошечный домикъ краснаго цвѣта; въ единственномъ окошечкѣ его, теперь заложенномъ ставнею, торговалъ нѣкогда, во время здѣшней ярмарки, сынъ одного изъ Улеоборгскихъ купцовъ. Странно представить себѣ, что покрытый сѣдинами епископъ когда-то стоялъ тутъ съ выбоікою и локтемъ въ рукахъ; но такъ въ старину дѣйствительно являлся въ Каянѣ пользующійся нынѣ Европейскою славою поэтъ Францѣнъ. Грустное чувство соединяется теперь съ этимъ именемъ. Старецъ еще живеть, но уже одною тѣнью самого себя: еще бодрствуетъ его душа, но уже тѣло отказывается служить ей. Въ 1840-мъ году, бывъ въ Гельсингфорсѣ, онъ звалъ

меня къ себѣ въ Швецію: едва-ли уже успѣю увидѣть тамъ Францѣпа и поклониться ему отъ знакомаго окошечка въ Каянѣ.

39.

КАЯНА, 5 Іюля.

Пристань смолевыхъ лодокъ — перевозка бочекъ — вытаскиваніе лодокъ изъ воды — трагикомическая сцена — малая прибыль отъ смолеваго промысла.

Смолевые бочки и лодки, безпрестанно провозимыя по улицамъ Каяны для минованія водопадовъ, возбудили во мнѣ желаніе побывать на самомъ мѣстѣ, гдѣ эти лодки пристають и гдѣ ихъ изъ воды встаскиваютъ на роспуски. Вчера послѣ обѣда пошелъ я городомъ вверхъ по теченію рѣки и вскорѣ увидѣлъ нѣсколько причалившихъ къ берегу лодокъ, около которыхъ шевелились люди и лошади. Къ лодкамъ, еще нагруженнымъ, подѣзжали маленькіе двухколесные роспуски; заднимъ концомъ приближали ихъ къ самому борту лодки и на каждую повозку такого рода клали вдоль одну за другою по двѣ бочки, скативъ ихъ по доскѣ: каждая пара бочекъ перевозится такимъ образомъ особо за 20 коп. мѣдью. Когда наконецъ лодка совсѣмъ

опростается, ее спускаютъ нѣсколько ниже по теченію рѣки и тутъ-то пачинается иногда въ высшей степени отяготительная работа. Вотъ что между прочимъ было при мѣѣ. Длинные роспуски подкатили заднимъ краемъ къ переднему концу лодки. Какъ ихъ колеса, такъ и лошади и люди стояли въ водѣ, изъ-подъ которой кругомъ торчали большіе камни. Теперь надобно было привести лодку въ одно направленіе съ роспусками, чтобы легче надвинуть ее на нихъ; роспуски же стояли, какъ само собою разумѣется, поперекъ рѣки. Такъ какъ здѣсь, недалеко передъ началомъ пороговъ, теченіе даже близъ берега чрезвычайно сильно, то выполнить задачу было не такъ-то легко. На противоположномъ концѣ лодки двое крестьянъ и одна женщина длинными шестами старались удерживать ее противъ стремленія воды. Но едва только они успѣвали стать въ одну линію съ роспусками, быстрота потока уносила ихъ внезапно опять къ самому берегу. Снова они съ величайшимъ трудомъ, упираясь всею силою въ шесты, подымались кормою противъ теченія, и снова оно увлекало лодку въ сторону. Это повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ догадались, что роспуски слишкомъ далеко подались въ рѣку: ихъ подвезли ближе къ берегу. Благодаря этому, край лодки кое-какъ надвинули на роспуски. Но тутъ встрѣтилась новая бѣда: лодка никакъ не шла впередъ. Напрасно одинъ изъ лодочниковъ, глубо-

ко стоя въ водѣ, во всю мочь подпиралъ киль шестомъ: шестъ сломался. Напрасно нѣсколько крестьянъ и мальчиковъ тянули лодку березовой бечевой, привязанной къ носу ея: бечева порвалась. При этомъ произошла забавная сцена: всѣ, у кого бечева была въ рукахъ, повалились, кто въ воду, кто на каменистый берегъ. Къ счастью, никто не ушибся; но, вставши въ крайнемъ недоумѣніи, они только глядѣли другъ на друга и, опустивъ руки, съ усмѣшкой досады повторяли одинъ за другимъ: «saatana!» За тѣмъ всѣ отошли въ разныя стороны, предоставляя другимъ довершить предпріятіе. Послѣ новыхъ продолжительныхъ напряженій лодку встали на роспуски. Теперь дошла до лошадей очередь выбиваться изъ силъ: ихъ передъ такими роспусками обыкновенно бываетъ двѣ, заложенные гуськомъ. Долго несчастныя твари рвались во всѣ стороны, мотая головой и спотыкаясь, пока наконецъ вывели тяжесть на верхъ покатаго берега. Больно было смотрѣть на эти тяжелыя усилія людей и животныхъ. Удивительно, что смолевые промышленники, безпрестанно имѣя дѣло съ перевозомъ лодокъ, до сихъ поръ не придумали никакихъ средствъ для облегченія себѣ этого труда. Но таково отсутствіе въ Финнахъ смѣливости, сноровки и предпріимчивости!

Къ счастью эти затрудненія при транспортѣ смолы въ скоромъ времени отвращены будутъ оконча-

ніемъ каналовъ, проводимыхъ при Каянѣ.* — Я пошелъ за роспусками, чтобы посмотрѣть, какъ лодку на противоположномъ концѣ города снова спустятъ на воду. Естественно, что это дѣлается и легче и скорѣе, хотя по той же методѣ. Мѣсто спуска лодокъ при Каянѣ называется *Лампи*, а то, гдѣ ихъ вытаскиваютъ изъ воды, — *Кивипуро*.

Смолевое производство не вознаграждаетъ крестьянина прибылью за труды, которыхъ оно ему стоитъ. Транспортъ смолы отъ Каяны до Улеоборга, считая плату за провозъ какъ черезъ пороги, такъ и гужемъ, обходится около 4-хъ рублей серебромъ. Кто-то, сдѣлавъ опытъ всего производства вмѣстѣ съ транспортомъ, разсчиталъ, что окончательно онъ понесетъ убытку на нѣсколько рублей. Но крестьяне Остроботнии, не смотря на то, много занимаются этимъ промысломъ, потому, что съ одной стороны не считаютъ трудовъ своихъ, а съ другой нуждаются въ наличныхъ деньгахъ для уплаты податей. Полагаютъ, что когда будетъ окончено производимое нынѣ въ Финляндіи общее межеваніе, то смолевой промыслъ значительно уменьшится.

* Выше было замѣчено, что они уже окончены. Въ день открытія ихъ всѣ собравшіяся смолевые лодки были пропущены чрезъ шлюзы бездежно. Можно сообразить восторгъ добрыхъ крестьянъ, когда они, послѣ всѣхъ прежнихъ трудностей, теперь такъ легко миновали водопады при Каянѣ. Они едва вѣрили глазамъ своимъ, видя такой разительный успѣхъ работъ, на которыя до самаго этого дня смотрѣли съ недовѣрчивостью.

Тогда лѣсъ раздѣлится на участки, которыми каждый владѣлецъ будетъ дорожить для сельскаго хозяйства; нынѣ же, пока лѣса составляютъ общую собственность, приготовленіе смолы принадлежитъ къ числу главныхъ промысловъ Остроботніи. Оно начинается верстахъ въ 30-ти отъ береговъ Ботническаго залива и идетъ во внутрь края, мѣстами верстъ на 100, мѣстами и далѣе, пока есть возможность къ водяному сообщенію. Около Каяны много тоится смолы.

40.

Иденсальми, 8-го Іюля.

Государева дорога — ночлегъ Императора Александра — въездъ нашъ въ Иденсальми — нищіе — пасторскій дворъ въ субботу — Финскія качели — балъ у ленсама — общаа образованность — танцы.

Проживъ въ Каянѣ полторы недѣли, я вчера наконецъ выѣхалъ оттуда. Оба доктора отпразднешеь вмѣстѣ со мною. Дорога, по которой мы ѣхали сюда, проведена въ слѣдствіе путешествія Императора Александра, почему и слыветъ въ народѣ подъ именемъ *Государевой*. Предположено было дать ей то самое направленіе, по какому слѣдовалъ Государь, т. е. къ станціи Ииссиля, но по стара-

ніямъ покойнаго Пальдамскаго пастора, доктора Эймелеуса, дорога проложена къ Иденсальми. Она довольно узка и мѣстами шла сначала черезъ такія высокія крутизны, что проѣзжіе не разъ подвергались несчастнымъ случаямъ; вотъ почему въ послѣдствіи надобно было нѣсколько измѣнить направленіе дороги, обходя эти горы.

Первая станція отъ Каяны есть Кивимяки.* Проѣхавъ 5 верстъ далѣе, мы своротили влѣво, чтобы взглянуть на гейматъ *Ронгалу*, гдѣ ночевалъ Александръ. Мы увидѣли дворъ, застроенный дурно. Хозяевъ не было дома; люди ушли на работу. Остававшаяся здѣсь женщина сказала намъ, что Государь ночевалъ въ той комнатѣ, которая теперь служитъ молочной кладовой. Она повела насъ въ небольшое ветхое строеніе, съ низенькими дверьми по обѣ стороны воротъ. Императору отведено было помѣщеніе съ праваго конца; мы нашли тутъ тѣспую комнатку съ изломанною печью. Сюда относятся слѣдующія строки рассказа г-на Гриппенберга:

«Мущины, женщины и дѣти стеклись сюда изъ ближайшихъ поселеній, чтобы имѣть счастье видѣть Государя Императора. Во время ужина, косяго

* Или, какъ зовутъ ее крестьяне, — *Алаюла*. Здѣсь названія, даваемые гейматамъ въ общенародномъ быту, совсѣмъ не тѣ, какія значатся въ станціонныхъ журналахъ. См. въ концѣ этой книги *Указатель пути*.

главное блюдо состояло изъ отварнаго картофеля, дѣти приближались къ самымъ дверямъ комнаты, занимаемой Государемъ, и Его Величество изволилъ Самъ раздавать имъ хлѣбъ съ масломъ. Около 10-ти часовъ Его Величество легъ почивать въ сей же самой комнатѣ. Князь Волконскій и прочія особы свиты Его Величества легли въ крестьянской избушкѣ на свѣжемъ сѣнѣ, которое жители за нѣсколько дней предъ тѣмъ сложили для сушенія.»

Близъ станціи Сѹкева (въ 47-ми верстахъ отъ Каяшы) дорога оставляетъ то направленіе, по которому возвращался Императоръ. На этой станціи насъ поразило множество нищихъ всякаго возраста и пола, которые одинъ за другимъ входили въ нашу комнату просить милостыни. На Сѣверѣ Финляндіи, гдѣ давно не было неурожая, мы было совсѣмъ отвыкли отъ печальнаго зрѣлища нужды и лохмотьевъ.....

Здѣсь старуха-хозяйка, говорившая съ нами не иначе, какъ присѣдая при каждомъ словѣ, состряпала намъ сытный обѣдъ, послѣ котораго мы опять пустились въ путь. Верстъ за 8-мь до церкви Иденсальми мы въѣхали въ этотъ приходъ. Физіономія страны внезапно измѣняется: начинаютъ появляться виды, уже не столь мертвенные, какъ прежде, оживленные озерами и хорошою растительностію.

.....Вечеромъ прибыли мы въ пасторскій домъ Иденсальми, гдѣ меня давно уже ожидалъ чело-

вѣкъ, который съ экипажемъ отправился сюда сухимъ путемъ, когда мы при Сярянїемъ сѣли въ лодку. Здѣсь провели мы три дня самымъ прїятнымъ образомъ въ кругу любезныхъ людей, между которыми теперь находилось и нѣсколько молодыхъ дѣвицъ изъ Улеборга и изъ Куопіо, прїѣхавшихъ погостить у своей подруги, дочери пастора.

Въ субботу, послѣ обѣда, на пасторскомъ дворѣ начало становиться людно. Изъ всего прихода съѣзжались крестьяне съ семействами для завтрашней обѣдни. Оставляя тележки близъ церкви и около панпиль, они сами приходили на пасторскій дворъ и тутъ распоряжались какъ дома: кто отправлялся въ людскую избу, кто въ кухню, кто въ кабинетъ доктора для объясненія съ нимъ по дѣлу. Другіе между тѣмъ садились на качели, устроенныя на дворѣ, и иной удалецъ, оставшись одинъ на этихъ качеляхъ, для забавы зрителей вертѣлся разъ по пятидесяти около верхней перекладины.* Разумѣется, что такіа сходбища на пасторскомъ дворѣ не могутъ не быть въ тягость хозяевамъ, но, по отношеніямъ духовнаго отца къ его паствѣ, это

* Чтобы понять это, надобно знать, что Финскія качели висятъ не на веревкахъ, а на палкахъ; для сидѣнія служатъ четыре доски, составляющія квадратъ съ пустымъ пространствомъ въ серединѣ, куда опускаются ноги. Ставъ на одну изъ четырехъ сторонъ, качающійся легко можетъ произвести описанное круговращеніе. Для большей безопасности, нѣкоторые при этомъ связываютъ себѣ ноги; однако-жъ иногда случаются несчастія.

неудобство неизбежно. Мыъ сказывали, что обыкновенно стекается здѣсь еще гораздо болѣе народу, нежели сколько было при мыъ. Теперь съѣхалось менѣе отъ того, что передъ этимъ три воскресенья сряду прихожане допускались къ причастію, и каждый разъ было въ церкви отъ семи сотъ до тысячъ человѣкъ. Въ цѣломъ приходѣ Идесальми считается около 16-ти тысячъ жителей.

Въ одно время съ прихожанами, въ субботу вечеромъ, пріѣхалъ сюда и капланъ Линдбергъ, живущій — что довольно необыкновенно — въ 30-ти верстахъ отъ церкви своей: ему завтра надобно служить вмѣсто пастора, который съ утра уѣзжаетъ въ отдаленную деревню на мірскую сходку (*sockenstämma*), пазначенную для совѣщанія по дѣлу, касающемуся до пастората. Капланъ Л. и остановился въ домѣ пробста.

Въ это самое воскресенье вся пасторская семья, вмѣстѣ съ гостями, приглашена была на вечеръ къ *коронному ленсману* (это родъ капитанъ-исправника), г-ну Р., который живетъ въ 10-ти верстахъ отъ церкви, и по утру, до обѣдни, пріѣзжалъ сюда съ приглашеніемъ. Часовъ въ 5-ть мы отправились къ нему въ нѣсколькихъ экипажахъ и нашли въ домкѣ его многочисленное общество кавалеровъ и дамъ, съѣхавшихся изъ окрестностей. Тутъ были, между прочимъ, живущіе не далеко отъ церкви уѣздный судья А., уѣздный бухгалтеръ В.,

коронный фохтъ Л. Разговаривая съ этими людьми, я не могъ самъ про себя не повторить замѣчанія (которое и прежде уже, напримѣръ въ Каянѣ, часто случалось мнѣ дѣлать) о томъ, какъ въ Финляндіи образованность распространена и въ низшихъ слояхъ чиновнаго сословія. Почти всѣ, принадлежащіе и къ этому разряду служащихъ, учились въ университетѣ, выдержали юридическій экзаменъ; другіе, можетъ быть, и не прошли полного курса ученія; но по образу мыслей, по разговору, по пріемамъ они вообще подають о себѣ выгодное мнѣніе и заслуживаютъ названіе людей благовоспитанныхъ. То же должно сказать и о большей части Финляндцевъ купческаго званія.

Собранная молодежь, готовясь на танцы, ожидала скрипача, обѣщавшаго явиться; но, получивъ самъ приглашеніе на какую-то свадьбу, сельскій Орфей предпочелъ отправиться туда, гдѣ могъ быть гостемъ наравнѣ съ прочими. Къ счастью, въ нашемъ обществѣ нашлась дѣвица, которая своимъ сильнымъ и звонкимъ голосомъ совершенно вознаградила отсутствіе измѣнившаго смычка: подъ ея пѣніе протанцовали нѣсколько кадрили и вальсовъ, въ которыхъ и сама неутомимая пѣвица иногда принимала участіе. Оригинальность бала, который сверхъ того, за недостаткомъ просторнаго помѣщенія, происходилъ вверху, непосредственно подъ крышей дома, не только не вредила веселости со-

бранія, но еще какъ будто оживляла ее. Подъ конецъ вечеринки пріѣхалъ и пасторъ, котораго обратный путь лежалъ мимо Ленсмахова жилища. Принявъ рюмку пуншу, съ тостомъ поднесенную ему хозяиномъ, и выпивъ стаканъ чаю, докторъ Фростерусъ предложилъ намъ ѣхать домой, и мы отправились всѣ вмѣстѣ.

41.

Станція Тохолахти, въ 70 верстахъ къ югу отъ Куопіо,
11-го Іюля.

Крестьянинъ-поэтъ — отношеніе крестьянъ къ другимъ сословіямъ — степень грамотности — два пьеса содержателя станціи.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Иденсальми докторъ Ленротъ, по просьбѣ моей, написалъ мнѣ маршрутъ черезъ мѣста, которыхъ я еще не видѣлъ, отчасти чрезвычайно гористыя, но за то богатые и въ хозяйственномъ, и въ эстетическомъ отношеніи. Изъ Куопіо повернулъ я къ югозападу въ приходъ Рауталампи, и вчера вечеромъ прибылъ на эту станцію, гдѣ докторъ совѣтовалъ мнѣ обратить особенное вниманіе на хозяина, Люттишена, одного изъ Финскихъ народныхъ поэтовъ. Я увидѣлъ пя-

зенькаго, очень привѣтливаго старичка въ очкахъ и съ трубкой въ рукѣ. Онъ обрадованъ былъ поклономъ отъ Ленрота и старался принять меня какъ можно лучше. Пока мнѣ готовили соломаты на ужинъ, пошелъ я въ баню, которая въ тотъ вечеръ была затоплена.

Въ одномъ изъ строеній двора гоститъ у Люттена своякъ, приходскій учитель. Такъ какъ Финскіе крестьяне часто посылаютъ дѣтей своихъ въ университетъ, откуда для окончившихъ тамъ курсъ доступны всѣ поприща гражданской службы, то многіе изъ податнаго сословія въ этомъ краѣ бывають въ родствѣ съ людьми другихъ званій. Въ Улеоборгѣ г-нъ Г. рассказывалъ мнѣ, что когда отецъ его, бѣдный пасторъ, отправлялъ его и другихъ сыновей въ университетъ, то крестьяне прихода изъявили желаніе, чтобы дѣти передъ отъѣздомъ простились съ ними. Это было исполнено, и молодые люди возвратились отъ добрыхъ поселянъ съ полными руками: съ бѣльемъ, съ платьемъ, съ запасомъ всего, что могло имъ понадобится не только въ дорогѣ, но и послѣ. Между этими благодѣтельными людьми были у пастора родственники. Что касается до него самого, то онъ всю жизнь боролся съ неудачами и нуждою: около тридцати лѣтъ бывъ пасторскимъ адъюнктомъ, онъ наконецъ получилъ самостоятельное мѣсто, но съ чрезвычайно скудными доходами. Родственникъ Лю-

тинена, приходскій учитель, охотно согласился сегодня утромъ помочь мнѣ въ разговорѣ съ хозяиномъ, который говоритъ только по-фински. Старикъ показывалъ мнѣ въ своей комнатѣ шкафикъ, весь наполненный исписанною бумагой. Потомъ онъ вынулъ оттуда нѣсколько листовъ и объяснилъ, что это дѣла, которыя онъ привезъ изъ Гельзингфорса, куда ѣздилъ прошлую зиму въ качествѣ депутата для ревизіи Банка.* Я попросилъ его дать мнѣ какіе нибудь изъ стиховъ своихъ въ рукописи. Съ трудомъ согласился онъ на это, и то не иначе, какъ подъ условіемъ, что я ему со временемъ возвращу бумагу и не поступлю какъ другіе, которые, получивъ отъ него манускрипты, никогда ихъ не присылали назадъ.

Помѣщаю здѣсь въ переводѣ стихи, которые онъ мнѣ далъ,—во многихъ отношеніяхъ любопытные. Постараюсь передать не только мысли, но и слова крестьянина, по возможности, съ сохраненіемъ ихъ оригинальнаго простодушія.

Смиренная и сердечная благодарственная пѣснь милосердому Государю и высокому правительству за отеческую заботливость во время великаго голода. Поется по тѣмъ же нотамъ, какъ пѣсня, сочиненная

* Для ежегодной повѣрки Финляндскаго Банка избираются утверждаемые Высочайшею властію депутаты отъ всѣхъ четырехъ сословіи Великаго Княжества.

о бывшемъ Шведскомъ королѣ, подъ заглавіемъ: «Будешь нить въ память короля Густава.....»

Стр. 1.

Императоръ Николай Первый, Государь Великій! Знаменитый, славою богатый, чье имя и дѣла далеко превозносятся.

2.

Владыка обширнаго царства, кроткій, милостивый ко всемъ, кто Ему служитъ, Онъ помнитъ бѣдныхъ, печется о смиренныхъ, сидя на престолѣ славы.

3.

Герой въ войнѣ, онъ былъ великъ, сражаясь въ Турціи и въ Польшѣ, могучъ былъ онъ для побѣды, для отраженія сильныхъ непріятелей.

4.

Суомія! * умѣй цѣнить свое счастье въ то время, какъ наслаждаешься имъ, какъ находишься подъ Его державою. Преклонись и благодари Государя, когда онъ посылаетъ милость и носитъ сердце отеческое.

5.

И я тоже — о! если-бъ я могъ быть первымъ въ этомъ дѣлѣ, о которомъ теперь напоминаю другимъ! — и я кланяюсь со всемъ смиреніемъ Государю за то, что онъ узналъ и удалилъ великую нужду.

* Народное имя Финляндіи.

6.

Суоміа и сѣверный край Суоміа уже были удручены голодомъ. Государь, какъ услышалъ о такомъ бѣдствіи, вспомнилъ и отыскалъ свои магазины.

7.

Радуюсь объ отеческомъ попеченіи, приносимъ благодареніе Государю. Передъ престоломъ Императорскимъ поютъ старыя и молодыя, всѣ отъ мала до велика, всѣ единодушно.

8.

Да будетъ же благословенъ и свѣтомъ озаренъ престолъ Государевъ! Да сіяетъ всегда утренняя заря счастья въ хижицахъ и въ хоромахъ нашего Государя!

9.

По границамъ, вокругъ всего царства, пусть ѣдетъ въ колесницѣ великая милость! Границею пусть будетъ огненная стѣна, и сожжется ею мечъ враговъ могучихъ!

10.

Всѣ замыслы непріятелей, явные и тайные, да обрушатся на главу ихъ! Во славу Государю да обратятся стрѣлы вражды, во благо Ему всѣ ея лукавыя козни!

11.

Благословенна и блескомъ озарена да будетъ и славная наша Государыня! Съ Нею же и князья и весь Домъ Царскій, старыя и молодыя, малыя и великія, пѣнѣ и во вѣки!

12.

Благословенъ и свѣтомъ озаренъ да будетъ также и графъ Ребиндеръ,* и власти, и всѣ шаги исполнителей воли Государевой!

13.

Суомія! благодари мужа, посѣтившаго твои хижины для счастья твоего; милостиво принималъ онъ воплю бѣдныхъ, терпѣливо просьбамъ смиренныхъ.

14.

Благословенъ высокій Сенатъ Суоміи, вѣнчанный именемъ Государя! да сіяетъ онъ свѣтомъ яркаго дня, — оплотъ счастья, мудрость великая — въ мундирѣ своемъ!

15.

Благословенны всѣ первые сановники и всѣ чины: судьи на ихъ сѣдалищахъ всякому ищущему да отдають часть его!

16.

Бѣднымъ вмѣстѣ съ богатыми, всѣмъ да отдается слѣдующая имъ часть: вдовамъ и несчастнымъ сиротамъ, неимѣющимъ возможности идти къ Государю для уплаты долгаго.

17.

Благословенны всѣ особы Правительства, на морѣ

* Какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ, покойный графъ Ребиндеръ, министръ-статсъ-секретарь по дѣламъ Финляндіи, пріѣзжалъ тогда въ постигнутую голодомъ страну.

и на сущѣ! Да оказывается отъ него справедливость всѣмъ, ея нищимъ.

18.

Да расширяетъ Правительство и впродъ крылья милости надъ дѣтьми Суоміи! Холодный годъ, какъ называстъ Финнѣ, гдѣ свирѣпствуетъ, тамъ и богатаго унижаетъ до бѣднаго.

19.

Съ твердою надеждою мы, какъ дѣти на рукахъ Государя, просимъ у Него пищи! Великій голодъ поразилъ дѣтей твоихъ, Суомія, на сѣверѣ царства.

20.

Отецъ нашъ да откростъ слова окно Свое и взглянетъ милостиво на народъ! И народъ да служитъ Правительству въ смиреніи, со славою, нынѣ и вѣчно!

21.

И я тоже, какъ дитя въ объятія возлюбленнаго отца, и я бѣгу, исполненный смиренія, открываю и вписываю даже свое имя. Пѣсню сложилъ и пропѣлъ

Бенгтъ Лютиненъ.

Первую строфу этой пѣсни авторъ самъ пропѣлъ миѣ, держа рукопись передо мной, въ тактъ покачивая головой и пальцомъ водя по стихамъ, пзъ которыхъ каждый занималъ цѣлую длинную строку. Въмѣсто рнѣмъ, какъ вообще въ Финской поэзіи, служитъ аллитерація. Сверхъ того въ 3-мъ (послед-

немъ) стихъ каждого куплета встрѣчаются два слова, по созвучію близкія одно къ другому. Пѣсня написана четко рукою самого поэта, съ виднымъ тщаніемъ, по линейкамъ, проведеннымъ карандашомъ.*

Въ Иденсальми получилъ я отъ Лепрота еще стихи того же крестьянина, подъ заглавіемъ: *Слѣдованіе о презрѣніи къ Финскому языку*. Лютиненъ уже не первый изъ крестьянъ постъ объ этомъ предметѣ. Желаніе, чтобы Финскій языкъ введенъ былъ въ употребленіе при судопроизводствѣ и сожалѣніе о преобладаніи Шведскаго во всѣхъ общественныхъ сношеніяхъ, составляютъ въ повѣйшее время любимую тему здѣшней народной поэзіи и не разъ уже выражаемы были съ замѣчательною оригинальностію. Между пьесами этого рода пѣсня Лютинена заслуживаетъ особеннаго вниманія, почему и прилагается здѣсь въ переводѣ.

«Вотъ и Лютиненъ снаряжается къ *рунъ* (пѣснѣ), собирается пѣть о Финскомъ языкѣ, сказать слово за родное дѣло. Горюетъ Финскій языкъ о томъ, что давно его презираютъ, цѣнятъ низко, хоть по мыслямъ народа и надобно бы ему быть въ почетѣ. На все есть у него выраженіе, есть имя на всякую вещь; можетъ онъ толковать законъ, можетъ проповѣдывать и Евангеліе.

* Для любопытнаго сравненія см. Соврем. 1840-го года т. XX, стр. 47.

«Сперва младенецъ растетъ въ пеленахъ, по наконецъ дѣлается же человѣкомъ не хуже другихъ или и совсѣмъ погибаетъ; а бѣдный Финскій языкъ все держать въ пеленкахъ, въ колыбели, будто въ тюрьмѣ, и весь вѣкъ онъ долженъ плакать въ своемъ горѣ, по вечерамъ пропадать отъ скуки, смертельно тосковать въ сердцѣ, что все ему приходится стоять за дверью и стучать понапрасну.

«Жила когда-то добрая дѣвушка, бойкая и благоправная дочь хозяйская; было у нея лице пригожее, былъ станъ величавый, въ чертахъ пріятность, румянецъ розы на щекахъ, языкъ живой; все умѣла она сказать и хорошо, и прилично. Но другія выходили замужъ, а она одна все сидѣла въ дѣвкахъ—дѣло странное и удивительное!

«Хочешь ли знать, какъ ее звали, эту благоправную дѣвушку? — Звали ее Финскою рѣчью. Она-то давно горѣла желаніемъ, безпрестанно осматривалась кругомъ, сидѣла въ углу и ждала, чтобъ пришелъ женихъ, да повелъ ее къ вѣнцу, ввелъ въ брачную палату.

«Пляшутъ и кружатся другія, веселятся всякій вечеръ, живутъ покойно въ просторныхъ избахъ, спятъ на широкихъ лавкахъ; а бѣдный Финскій языкъ стой весь вѣкъ на юру, оставайся за дверью, дрожи на морозѣ. Наконецъ уставши, началъ онъ жаловаться на судьбу свою.

«Вѣдь ребенку сродно подходить къ пѣжнему отцу, сказывать, въ чемъ онъ нуждается, раскрывать свою заботу. Такъ-то съ младенческою душою и мы въ старину часто прибѣгали къ западу; а теперь съ тѣмъ же

самымъ желаніемъ обращаемъ взоръ къ востоку, гдѣ чудное утреннее солнце сіяетъ гораздо прекраснѣе, гдѣ свѣтило образованія горитъ лучшимъ пламенемъ, свѣтъ учености выше возшелъ по тверди небесной.

«Довольно ужъ въ селахъ Финляндіи поклонялись Шведскому языку; черезъ мѣру большія деньги выдавали на него, даже и въ самыхъ низкихъ лачужкахъ. Довольно уже Финскій языкъ стоялъ и ждалъ, и кланялся смиренно, чтобы ему въ приговорѣ суда растолковали самое простое выраженіе, или сочинили бумагу, въ которой потомъ — счету не было ошибокъ!

«Вѣдь Финскій-то языкъ ясенъ и понятенъ; станетъ его на все, что ни говорится; все на немъ можно выразить, всякую науку объяснить; по-фински можно растолковать всякое ученье, изъ Нѣмецкой ли оно земли, или изъ другихъ краевъ. А притомъ въ Финскомъ языкѣ много пріятности и для нѣвія.

«Можетъ статья, я ужъ слишкомъ расхвалилъ родной языкъ; однако-жъ для его блага готовъ я еще поклониться до земли, какъ нищій, который ничего не имѣетъ, а желалъ бы положить въ ротъ лакомый кусочекъ, когда, бродя въ пустынь, онъ видитъ передъ собой хлѣбъ, несмѣшанный съ корою.»

Гельзингфорсъ, 13-го Іюля.

*Прощаніе въ Тохолахти — городъ Ювяскюля — дорога отту-
да въ Гельзингфорсъ.*

При отѣздѣ моемъ изъ Тохолахти старый Люти-
ненъ, поставивъ на поднось двѣ рюмки и положивъ
возлѣ каждой по кусочку сахару, предложилъ мнѣ
выпить съ нимъ прощальное *Рууру* (шнапсъ). По-
слѣ такого горячаго разставанья я пустился въ путь
и вскорѣ въѣхалъ въ Вазаскую губерцію.

Городъ Ювяскюля лежитъ въ живописномъ мѣ-
стѣ у подошвы горъ, при водахъ обширной систе-
мы озера *Пейля*, откуда вытекаетъ рѣка Кюмень.
Этому городу не болѣе 8-ми лѣтъ: прежде онъ
былъ деревнею. Возвышеніемъ своимъ обязанъ
онъ выгодному положенію, которое доставляетъ
ему возможность почти непрерывнымъ водянымъ
путемъ торговать съ приморскими городами Борго
и Ловизою. Это обстоятельство послужило пово-
домъ къ тому, что, по объявленіи Ювяскюля горо-
домъ, здѣсь поселилось до четырнадцати купцовъ.
Вскорѣ однако-жъ они увидѣли, что успѣхъ дѣлъ
ихъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, и теперь здѣсь
всего четыре лавки. Жителей въ Ювяскюля 500 че-
ловѣкъ съ небольшимъ.

Эти подробности узналъ я отъ содержателя станціи, одного изъ бывшихъ здѣсь первоначально купцовъ, очень любезнаго человѣка. Подъ его вѣдѣніемъ станція находится въ наилучшемъ положеніи. Съ нимъ гулялъ я по горамъ, откуда стоить полюбоваться видами, и ходилъ въ домикъ, гдѣ надъ холоднымъ ключемъ устроена превосходная дождевая купальня.

Дорога отъ Ювяскюля сюда идетъ почти все прямо къ югу. Третьяго дня, проѣзжая черезъ приходъ Кухмойсъ, я долженъ былъ безпрестанно подыматься на крутыя горы, что при сильной жарѣ очень замедляло ѣзду.

По мѣрѣ приближенія къ югу, край принимаетъ болѣе и болѣе привѣтливую физіономію. Воды, горы, церкви въ новомъ вкусѣ, не похожія на большую часть Финляндскихъ церквей; свѣтлыя помѣщичьи домики; цѣлыя деревни, правда, дурно и тѣсно построенныя, но обширныя; большія поля, засѣяныя рожью, ячменемъ и овсомъ: таковы предметы, разнообразно смѣняющіеся передъ глазами того, кто проѣзжаетъ по южной Тавастландіи.

Одинокость, какую я чувствовалъ въ дорогѣ послѣ разлуки съ Лепротомъ, и нетерпѣніе, съ какимъ спѣшилъ къ роднымъ, ожидавшимъ меня въ Гельзингфорсѣ, отнимали у меня охоту останавливаться съ прежнимъ вниманіемъ на всемъ, что встрѣчалось мнѣ въ послѣднее время моей поѣздки.

Я рѣшился отложить ближайшее знакомство съ этими мѣстами до другаго разу, когда мнѣ удастся взглянуть на нихъ свѣжими глазами. Приближаясь къ Гельсингфорсу, я вспомнилъ дурное предзнаменованіе, которымъ началась моя поѣздка. Удалившись на нѣсколько десятковъ верстъ отъ дому и задремавъ въ экипажѣ, видѣлъ я во снѣ, будто одноплазый Лапландскій колдунъ сказалъ доктору Ленроту: «Тотъ, кто поѣдетъ съ тобою, уже не воротится изъ путешествія,» и въ ту же минуту я очутился падъ страшнымъ водопадомъ. Признаюсь, посреди грозныхъ пороговъ Остроботніи этотъ сонъ не разъ приходилъ мнѣ на память. Теперь, стыдясь невольнаго суевѣрія, я въ душѣ возблагодарилъ Бога за святой покровъ Его.

КОНЕЦЪ.

УКАЗАТЕЛЬ ПУТИ,

ОПИСАННАГО ВЪ «ПЕРЕЪЗДАХЪ», СЪ ОЗНАЧЕНІЕМЪ РАЗ-
СТОЯНІЙ МЕЖДУ СТАНЦІЯМИ.

Число верстъ.	Города, станціи и проч.
—	САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
18 ¹ / ₂	Дранишниковъ.
25	Кулятка или Лембала.
18 ¹ / ₂	Коркіамяки (стр. 12); близъ станціи застава.
17	Мягря (Выборгской губерніи).
17	Кивиніеми (стр. 10).
17	Нойдерма.
16	Хепохарью перевозъ.
17	Кексгольмъ (стр. 3).
22	Пуккиніеми.
23	Кроноборгъ (стр. 14):
12 ¹ / ₂	Манспльда.
12 ¹ / ₂	Ихаланойя.
13	Лахенпохья.

Города, станции и проч.

Число верстъ.	
15	Гордела.
12	Отсойсь.
13	Сердоболь (стр. 11).
17	Рюттюсь.
13 ¹ / ₆	Рускеала (стр. 18); верстахъ въ двухъ мраморная ломка.
15	Вялпвара; въ Куопіоской губерніи.
20	Кидесь.
15	Пухойсь.
17 ¹ / ₂	Хумовара.
9	Виллола.
16	Кумбуранда, богатая станція; С. Михельская губ.
12 ¹ / ₂	Юухениемп.
12	Антола; вблизи пасторскій домъ.
13	Нейшлотъ (стр. 18).
17	Каллислаксъ.
12	Иналампи.
15	Рандасало (стр. 25), богатая ст.; вблизи пасторск. домъ.
16	Рунттайсь.
16	Хяурпиля (стр. 35); кузница; дома корошного фохта и пастора.
13	Катисенлаксь. Заводъ Варкаусъ (стр. 38), въ Куопіоской губ.
17	Тукіансало.
15	Кансала.

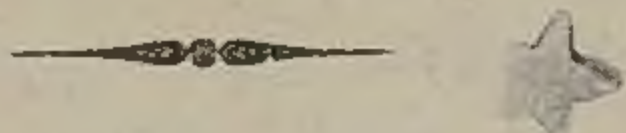
Число верстъ.	Города, станции и проч.
10	Нийрала.
14	Паукарлаксь.
12	Вехмасмяки.
10 ¹ / ₃	Геприкспэсь (стр. 37).
13	Куопио (стр. 38).
4	Келлоніеми (стр. 45).
	Переправа въ 5 верстъ.
5	Тойвала.
12 ¹ / ₂	Касурила.
13	Пюлья (стр. 46), хорошая ст.
14 ¹ / ₁	Паюярви; начало прихода Иденсальми.
11 ¹ / ₂	Савоярви.
15	Тайинале.
	Палойсь (стр. 46).
	Пасторскій домъ Иденсальми (стр. 44).
17	Вирда.
18	Кумпумяки (стр. 57), хорошая ст.
	Желѣзн. заводъ Салахме.
15 ¹ / ₄	Салахме } хорошія ст.
13	
	Ниссиля } (стр. 63).
17	Ахо; начало Улеоборгской губ.
16 ¹ / ₄	Нийпо.
15 ³ / ₄	Кангасъ.
16 ¹ / ₃	Лаукка (стр. 50 и 69); хорошая ст.
	Кирка Пулкила.
16	Туомала.

Число верстъ.	Города, станции и проч.
15 ² / ₃	Францла (стр. 69), хорошая ст.
15 ³ / ₄	Кярсямя (стр. 69); отсюда начинается богатый край.
15 ¹ / ₄	Олмла; въ сторонѣ пасторскій домъ Лиминго (стр. 71).
?	Биси (стр. 124).
13	Корнела.
14 ¹ / ₂	Улеоборгъ (стр. 74, 127 и далѣе). Переправа черезъ рѣку Улсо.
17 ¹ / ₂	Хокана. Переправа черезъ рѣку Хаукикудасъ (стр. 77).
12	Саніо. Переправа черезъ рѣку Ійо (стр. 79 и 122).
15	Брусла (стр. 75), богатая ст.
18	Вуорнось } (стр. 80), плохія ст.
18 ¹ / ₂	Гестиля }
	Переправа черезъ рѣку Куйваниёми; другая черезъ рѣку Симо.
14 ¹ / ₂	Руйкка, хорошая ст.
14	Пости, порядочная ст.
18 ¹ / ₆	Раутіола. Переправа черезъ рѣку Кеми (стр. 82 и 121).
18 ¹ / ₂	Ануцди. Переправа черезъ рѣку Раумо; другая черезъ рѣку Торнео.
8 ¹ / ₂	Торнео (стр. 83 и 113). Обратная переправа черезъ рѣку Торнео (стр. 86).

Число верстъ.	Города, станции и проч.
1 ² / ₃	Кулю (стр. 82), превосходная ст.
11	Піуву. Переправа черезъ рѣку Лізакку (стр. 91).
14	Роусу, дурная ст.
11	Юнти (стр. 115), порядочная ст.; начало Верхнетор- неоскаго прихода.
16	Хирстіѳ (стр. 101) отличн. ст.; замѣчательная гора.
10	Юрва (стр. 91), порядочная ст.
10	Гейматъ Ханпуккала } (стр. 88, 94). Гора Авѣсакса }
74	Обратно по той же дорогѣ до Торнео, а оттуда въ
151	Улеоборгъ.
11 ¹ / ₄	Конттла.
13 ³ / ₄	Касула. Пасторскій домъ Мухось (стр. 144). Переправа черезъ рѣку Мухось } (стр. 149).
17	Сювлусъ
17	Лайттла.
14 ¹ / ₃	Сепияля, порядочная ст.
16 ¹ / ₄	Рокуа. Домъ каплана } (стр. 148).
17	Сяряспіеми } Озеро Улео (стр. 152).
60	Каяна.

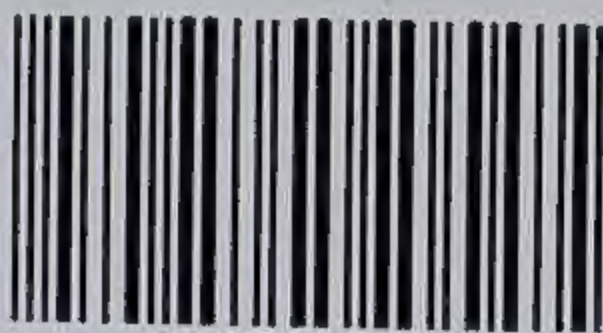
Число верстъ.	Города, станции и проч.
12 ¹ / ₂	Кивимяки (Алакюля) (стр. 217).
12 ¹ / ₂	Хапавара (Канала).
7 ¹ / ₂	Муртомяки (Торвала).
15	Сукева (стр. 218), хорошая ст.
	Ронгала (стр. 217).
10	Хирвиярви.
14 ¹ / ₂	Рюхялямяки.
	Пасторск. домъ Иденсальми (стр. 216).
	Отсюда прежнимъ путемъ въ
	Куопіо.
13	Генрикснэсъ.
10 ¹ / ₃	Вехмасмяки.
17 ¹ / ₂	Лемню.
13 ¹ / ₂	Суоненйоки.
17 ¹ / ₂	Тохолаксъ (стр. 222).
	Переправа черезъ проливъ.
17 ¹ / ₂	Кивисальми, плохая ст.
18	Хинтикка.
10	Хютёля.
15	Исолаксъ; начало Вазаской губ.
13 ¹ / ₂	Кярккёсъ, хорошая ст.; при ней имѣніе Белитце.
15 ² / ₃	Сакари.
12 ¹ / ₂	Ювяскюля (стр. 232), въ Вазаской губ.
12	Мураме, начало Тавастгусской губ.
16	Корпилаксъ.
18	Юокслакъ.

Число верстъ.	Города, станции и проч.
14	Сеппола, порядочная ст. Отсюда начинаются высокія горы.
20	Пукойсь.
15	Валкіала, хорошая ст.
15	Хармойсь, очень хорошая ст.
10	Кауратту, хорошая ст.
14	Нюстёля.
17 $\frac{1}{2}$	Курхила.
11	Мансхиви, очень хорошая ст.
13 $\frac{3}{4}$	Сайраккала.
10 $\frac{1}{2}$	Стур-Саттіала.
15	Мартила.
15	Каукаламби, } начало Ньюландской губ.
20	Охкойсь, }
12 $\frac{1}{2}$	Трескенда, } хорошія станции.
14 $\frac{1}{4}$	Скавабёле, }
12 $\frac{1}{2}$	Гельзинге, }
15	Гельзингфорсь.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
19	17	взыскаема	взыскиваема
67	8	поставленную	подставленную
77	27	Хаукикудасъ	Хаукипудасъ
103	3	приходитъ	происходитъ
140	21	Финляндіи, А. А.	Финляндіи, графомъ А. А.
147	14	моста	мѣста
157	10	(Ф. кірпи ріімә).Пах- тавье.	Пахтанье (Ф. кірпи ріі- мә)
198	5	прибигъ	прибыгъ
—	9	самимъ	самымъ
213	25	сообразить	вообразить
223	2	Будешъ	Будемъ
232	13	Пейяля	Пейяля

2007096450